

ISSN 2542-2332 (Print)
ISSN 2686-8040 (Online)

2022 Том 27, № 1

НАРОДЫ И РЕЛИГИИ ЕВРАЗИИ

Барнаул

Издательство
Алтайского государственного
университета
2022

Учредитель: ФГБОУ ВО «Алтайский государственный университет»

Главный редактор:

П. К. Дашковский, доктор исторических наук (Россия, Барнаул)

Международный совет:

Ш. Мустафаев, доктор исторических наук, академик АН Азербайджана (Азербайджан, Баку),

А. С. Жанбосинова, доктор исторических наук (Казахстан, Нурсултан)

С. Д. Атаев, кандидат исторических наук (Туркменистан, Ашхабад)

Н. И. Осмонова, доктор философских наук (Кыргызстан, Бишкек)

Ц. Степанов, доктор исторических наук (Болгария, София)

З. С. Самашев, доктор исторических наук (Казахстан, Нурсултан)

А. М. Досымбаева, доктор исторических наук (Казахстан, Нурсултан)

М. Гантуяа, Ph.D. (Монголия, Улан-Батор)

И. Ёсиро, доктор гуманитарных наук (Япония, Токио)

И. В. Саблин, доктор исторических наук (Германия, Гейдельберг)

Е. Смолари, PhD (Германия, Бон)

Х. Омархали, доктор философских наук (Германия, Берлин)

Редакционная коллегия:

С. А. Васютин, доктор исторических наук (Россия, Кемерово)

Н. Л. Жуковская, доктор исторических наук (Россия, Москва)

А. П. Забияко, доктор философских наук (Россия, Благовещенск)

А. А. Тишкин, доктор исторических наук (Россия, Барнаул)

Н. А. Томилов, доктор исторических наук (Россия, Омск)

Т. Д. Скрынникова, доктор исторических наук (Россия, Санкт-Петербург)

О. М. Хомушк, доктор философских наук (Россия, Кызыл)

М. М. Шахнович, доктор философских наук (Россия, Санкт-Петербург)

Е. С. Элбакян, доктор философских наук (Россия, Москва)

Л. И. Шерстова, доктор исторических наук (Россия, Томск)

А. Г. Ситдилов, доктор исторических наук (Россия, Казань)

М. М. Содномпилова, д.и.н. (Россия, Улан-Удэ)

К. А. Колобова, доктор исторических наук (Россия, Новосибирск)

Е. А. Шершнева (отв. секретарь), кандидат исторических наук (Россия, Барнаул)

Редакционный совет:

Л. Н. Ермоленко, доктор исторических наук (Россия, Кемерово)

Ю. А. Лысенко, доктор исторических наук (Россия, Барнаул)

Л. С. Марсадилов, доктор культурологии (Россия, Санкт-Петербург)

Г. Г. Пиков, доктор исторических наук, доктор культурологии (Россия, Новосибирск)

А. В. Горбатов, доктор исторических наук (Кемерово, Россия)

К. А. Руденко, доктор исторических наук (Россия, Казань)

А. К. Погасий, доктор философских наук (Россия, Казань)

С. А. Яценко, доктор исторических наук (Россия, Москва)

С. В. Любичанковский, доктор исторических наук (Россия, Оренбург)

А. Д. Таиров, доктор исторических наук (Россия, Челябинск).

А. В. Бауло, доктор исторических наук (Россия, Новосибирск)

Д. В. Папин, кандидат исторических наук (Россия, Новосибирск)

Журнал утвержден научно-техническим советом Алтайского государственного университета и зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций. Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-78911 от 07.08.2020 г. Все права защищены. Ни одна из частей журнала либо издание в целом не могут быть перепечатаны без письменного разрешения авторов или издателя.

Адрес редакции: 656049, Барнаул, ул. Димитрова, 66,

Алтайский государственный университет, кафедра религиоведения России, национальных и государственно-конфессиональных отношений.

ISSN 2542-2332 (Print)
ISSN 2686-8040 (Online)

2022 Vol. 27, № 1

NATIONS AND RELIGIONS OF EURASIA

Barnaul

Publishing house
of Altai State University
2022

The journal was founded in 2007

The founder of the journal is Altai State University

Executive editor:

P. K. Dashkovskiy, doctor of historical sciences (Russia, Barnaul)

International council:

Sh. Mustafayev, doctor of historical sciences, academician of the Academy of Sciences of Azerbaijan,
(Azerbaijan, Baku),

A. S. Zhanbosinova, doctor of historical sciences (Kazakhstan, Nursultan)

S. D. Atdaev, candidate of historical sciences (Turkmenistan, Ashgabat)

N. I. Osmonova, doctor of philosophical sciences (Kyrgyzstan, Bishkek)

Ts. Stepanov, doctor of historical sciences (Bulgariy, Sofiy)

Z. S. Samashev, doctor of historical sciences (Kazakhstan, Nursultan)

A. M. Dossymbaeva, doctor of historical sciences (Kazakhstan, Nursultan)

M. Gantuya, Ph.D. (Mongolia, Ulaanbaatar)

Y. Ikeda, doctor of humanities (Tokyo, Japan)

I. V. Sablin, doctor of historical sciences (Germany, Heidelberg)

E. Smolarts, PhD (Germany, Bonn)

Kh. Omarkhali, doctor of philosophy (Germany, Berlin)

Editorial team:

S. A. Vasyutin, doctor of historical sciences (Russia, Kemerovo)

N. L. Zhukovskaya, doctor of historical sciences (Russia, Moscow)

A. P. Zabyako, doctor of philosophical sciences (Russia, Blagoveshchensk)

A. A. Tishkin, doctor of historical sciences (Russia, Barnaul)

N. A. Tomilov, doctor of historical sciences (Russia, Omsk)

T. D. Skrynnikova, doctor of historical sciences (Russia, St. Petersburg)

O. M. Khomushku, doctor of philosophical sciences (Russia, Kyzyl)

M. M. Shakhnovich, doctor of philosophical sciences (Russia, St. Petersburg)

E. S. Elbakyan, doctor of philosophical sciences (Russia, Moscow)

L. I. Sherstova, doctor of historical sciences (Russia, Tomsk)

A. G. Sitdikov, doctor of historical sciences (Russia, Kazan)

M. M. Sodnompilova, doctor of historical sciences (Russia, Ulan-Ude)

K. A. Kolobova, doctor of historical sciences (Russia, Novosibirsk)

E. A. Shershneva (executive secretary), candidate of historical sciences (Russia, Barnaul)

Editorial Council:

L. N. Ermolenko, doctor of historical sciences (Russia, Kemerovo)

Yu. A. Lysenko, doctor of historical sciences (Russia, Barnaul)

L. S. Marsadolov, doctor of Culturology (Russia, St. Petersburg)

G. G. Pikov, doctor of historical sciences, doctor of cultural studies (Russia, Novosibirsk)

A. V. Gorbatov, doctor of historical sciences (Russia, Kemerovo)

K. A. Rudenko, doctor of historical sciences (Russia, Kazan)

A. K. Pogasiy, doctor of philosophical sciences (Russia, Kazan)

S. A. Yatsenko, doctor of historical sciences (Russia, Moscow)

S. V. Lyubichankovsky, doctor of historical sciences (Russia, Orenburg)

A. D. Tairov, doctor of historical sciences (Russia, Chelyabinsk).

A. V. Baulo, doctor of historical sciences (Russia, Novosibirsk)

D. V. Papin, candidate of historical sciences (Russia, Novosibirsk)

*Approved for publication by the Joint Scientific and Technical Council of Altai State University. All rights reserved.
No publication in whole or in part may be reproduced without the written permission of the authors or the publisher.*

Registered with the RF Committee on Printing. Registration certificate PI № ФС 77-78911.

Registration date 07.08.2020 г.

Editorial office address: 656049, Barnaul, ul. Dimitrova, 66, Altai State University, Department
of regional studies of Russia, national and state-confessional relations.

© Altai State University Publisher, 2022

СОДЕРЖАНИЕ

НАРОДЫ И РЕЛИГИИ ЕВРАЗИИ

2022 Том 27, № 1

Раздел I

АРХЕОЛОГИЯ И ЭТНОКУЛЬТУРНАЯ ИСТОРИЯ

<i>Байпаков К. М.</i> , <i>Терновая Г. А.</i> , <i>Акылбек С. Ш.</i> К вопросу о смысловом значении графических изображений на стенах тронного зала в дворцовом комплексе города Кулан (VIII–IX вв.)	7
<i>Сулейменов М. Г.</i> , <i>Илюшин А. М.</i> Колчаны у средневекового населения Кузнецкой котловины	32
<i>Серегин Н. Н.</i> , <i>Демин М. А.</i> , <i>Матренин С. С.</i> Комплекс украшений кочевников Северного Алтая эпохи Великого переселения народов (по материалам памятника Карбан-I)	42
<i>Шульга Д. П.</i> , <i>Шульга П. И.</i> «Брактеаты» и «индикации» в контексте монетной традиции Великого Шелкового пути (на примере находки 1989 г. в Сиане)	60

Раздел II

ЭТНОЛОГИЯ И НАЦИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА

<i>Дашковский П. К.</i> , <i>Гантуяа М.</i> , <i>Шершнева Е. А.</i> , <i>Бүрэннэлзий И.</i> Религиозные процессы на территории Монголии (по результатам социологического исследования)	72
<i>Еремин А. А.</i> Обзоры областей центральноазиатских окраин Российской империи как источник информации о населении конца XIX — начала XX в. (на примере Акмолинской области)	90
<i>Сухова М. В.</i> Женские образы нижнего мира в традиционных мифологических представлениях удмуртов	104
<i>Лю Л.</i> Социально-экономическая жизнь русской эмиграции в Синьцзяне до 1930-х г.	119

Раздел III

РЕЛИГИОВЕДЕНИЕ И ГОСУДАРСТВЕННО-КОНФЕССИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА

<i>Молотова Г. М.</i> Образ представителя раннего аскетизма в «Кисса-и Ибрахим ибн Адхам»	131
<i>Куприянова И. В.</i> Древлеправославие в имперском дискурсе российской государственности	141
<i>Дударенок С. М.</i> Православная пресса на Дальнем Востоке России на рубеже 1990–2000-х гг.	153
<i>Халидова О. Б.</i> , <i>Абдуллаева М. И.</i> «Язык и вера»: национальное и религиозное в политике просвещения Российской империи конца XIX — начала XX в. (на примере мусульман Дагестана)	173
ДЛЯ АВТОРОВ	189

CONTENT

NATIONS AND RELIGIONS OF THE EURASIA

2022 Vol. 27, № 1

Section I

ARCHAEOLOGY AND ETNO-CULTURAL HISTORY

<i>Baipakov K. M., Ternovaya G. A., Akylbek S. S.</i> On the question of the semantic value of graphic images on the walls of the throne room of the palace complex of the city of Kulan (VIII–IX centuries)	7
<i>Suleymenov M. G., Ilyushin A. M.</i> Quivers from the medieval population of the Kuznetsk basin.....	32
<i>Seregin N. N., Demin M. A., Matrenin S. S.</i> Decoration complex of North Altai nomads in the Great migration period (on the materials of Karban-I site)	42
<i>Shulga D. P., Shulga P. I.</i> “Bracteates” and “indications” in the context of the monetary tradition of the great silk road (on the example of the 1989 year Xi'an find).....	60

Section II

ETHNOLOGY AND NATIONAL POLICY

<i>Dashkovsky P. K., Gantuya M., Shershneva E. A., Burenolziy I.</i> Religious processes on the territory of Mongolia (based on the results of a sociological study)	72
<i>Eremin A. A.</i> Regions reviews of the Central Asian periphery of the Russian empire as a source of information about the population of the late XIX — beginning of XX centuries (the Akmola region case study)	90
<i>Sukhova M. V.</i> Female images of the underworld in the udmurt traditional mythological representations.....	104
<i>Liu L.</i> Russian emigration's social and economic life in Xinjiang until the 1930s	119

Section III

RELIGIOUS STUDIES AND STATE-CONFESSIONAL RELATIONS

<i>Molotova G. M.</i> The image of the representative of early asceticism on «Qissa-i ibrahim ibn Adham»	131
<i>Kuprianova I. V.</i> Ancient orthodoxy in the imperial discourse of the russian statehood	141
<i>Dudarenok S. M.</i> Orthodox press in the russian far east at the turn of the 1990–2000s.....	153
<i>Khalidova O. B., Abdulaeva M. I.</i> Muslims in the imperial practice of acculturation of the caucasian foreigners: the historical experience of Dagestan at the end of XIX — beginning. XX century (on the example of the education system)	173
FOR AUTHORS	189

Раздел I

АРХЕОЛОГИЯ И ЭТНОКУЛЬТУРНАЯ ИСТОРИЯ

УДК 902:930.2:2

DOI: 10.14258/nreur(2022)1–01

К. М. Байпаков

Доктор исторических наук, профессор, Алматы (Казахстан)

Г. А. Терновая

Независимый исследователь, Москва (Россия)

С. Ш. Акылбек

Отрарский государственный археологический заповедник-музей, Шаульдер (Казахстан)

К ВОПРОСУ О СМЫСЛОВОМ ЗНАЧЕНИИ ГРАФИЧЕСКИХ ИЗОБРАЖЕНИЙ НА СТЕНАХ ТРОННОГО ЗАЛА В ДВОРЦОВОМ КОМПЛЕКСЕ ГОРОДА КУЛАН (VIII–IX ВВ.)

В статье рассматриваются граффити на стенах помещения 3 во дворце средневекового города Кулан. Это помещение выполняло функции «тронного зала». Часть граффитов выполнена в стилистике, близкой к раннетюркской графике, зафиксированной в наскальном творчестве. Группы рисунков образуют единую композицию. Прослеживается последовательность построения изобразительных рядов — справа налево в соответствии с написанием и чтением рунических надписей. Здесь представлены знаки-тамги, портретные изображения людей, зооморфные образы. На юго-западной стене показаны исторические события, связанные с завоеванием власти. В центре запечатлен тюркский воин, передающий знамя своему повелителю, в правой части стены — правитель с супругой. На северо-западную стену за «почетным местом» нанесено изображение символа тюркского племени — бегущей собаки. Возможно, этот образ связан с представлениями о Небесном псе-защитнике, творце всего растущего, медиаторе между миром людей и Небом. На юго-восточной стене изображена крупная птица — павлин, в образе которой отображены представления о космической птице. Зна-

ки-тамги и данные письменных источников позволяют связать изображения с конкретными историческими событиями, произошедшими в жизни города Кулан в VIII в.

Ключевые слова: Казахстан, Семиречье (Жетысу), город Кулан, раннее Средневековье, тюрки, археология, цитадель, дворец, «тронный зал», декор, граффити.

Цитирование статьи:

Байпаков К. М., Терновая Г. А., Акылбек С. Ш. К вопросу о смысловом значении графических изображений на стенах тронного зала в дворцовом комплексе города Кулан (VIII–IX вв.) // Народы и религии Евразии. 2022. Т. 27, № 1. С. 7–31.

DOI: 10.14258/nreur(2022)1–01

K. M. Baipakov

Doctor of Historical Sciences, Professor, Almaty (Kazakhstan)

G. A. Ternovaya

Independent researcher, Moscow (Russia)

S. S. Akylbek

Otrar State Archaeological Reserve Museum, Shaulder (Kazakhstan)

ON THE QUESTION OF THE SEMANTIC VALUE OF GRAPHIC IMAGES ON THE WALLS OF THE THRONE ROOM OF THE PALACE COMPLEX OF THE CITY OF KULAN (VIII–IX CENTURIES)

The article examines graffiti on the walls of room 3 in the palace of the medieval city of Kulán. This room served as a “throne room”. Some of the engravings were made in a style close to the early Turkic graphics, recorded in rock art. Groups of pictures form a single composition. The sequence of construction of pictorial series is traced — from right to left in accordance with the writing and reading of the runic inscriptions. There are tamga signs, portraits of people, zoomorphic images. Historical events related to the conquest of power are shown on the southwest wall. In the center is a Turkic warrior passing the banner to his master, in the right part of the wall — the ruler with his wife. On the north-western wall behind the “place of honor” there is an image of the symbol of the Turkic tribe — a running dog. Perhaps this image is associated with the idea of the Heavenly guardian dog, the creator of everything that grows, a mediator between the world of people and Heaven. On the southeastern wall, there is a large bird — a peacock, in the image of which ideas about a space bird are displayed. Tamga

signs and data from written sources make it possible to associate images with specific historical events that occurred in the life of the city of Kulan in the VIII–IX centuries.

Keywords: Kazakhstan, Semirechye (Zhetysu), Kulan city, early Middle Ages, Turks, archeology, citadel, palace, “throne room”, decor, graffiti

For citation:

Baipakov K. M., Ternovaya G. A., Akylbek S. S. On the question of the semantic value of graphic images on the walls of the throne room of the palace complex of the city of Kulan (VIII–IX centuries). Nations and religions of Eurasia. 2022. T. 27, № 1. P. 7–31.

DOI: 10.14258/nreur(2022)1–01

Байпаков Карл Молдахметович (1940–2018), доктор исторических наук, профессор, академик Национальной академии наук Республики Казахстан.

Терновая Галина Алексеевна, кандидат исторических наук, независимый исследователь, Москва (Россия). Адрес для контактов: galina-ternovaya@yandex.ru.

Акылбек Серик Шаймерденович, заместитель директора по научной работе Отрарского государственного археологического заповедника-музея, Шаульдер (Казахстан). Адрес для контактов: s.akylbek@hotmail.com.

Baipakov Karl Moldahmetovich (1940–2018), Doctor of Historical Sciences, Professor, Academician of the National Academy of Sciences of the Republic of Kazakhstan.

Ternovaya Galina Alekseevna, candidate of Historical Sciences, independent researcher, Moscow (Russia). Contact address: galina-ternovaya@yandex.ru. ORCID: 0000–0002–0659–4984.

Akylbek Serik Shaimerdenovich, Deputy Director for Research, Otrar State Archaeological Reserve-Museum, Shaulder (Kazakhstan). Contact address: s.akylbek@hotmail.com. ORCID: 0000–0002–7495–9375

Введение

Кулан был одним из наиболее известных средневековых городов, расположенных к востоку от Тараза. Ибн Хордадбех (IX в.) и Кудама (X в.) называют расстояние между этими городами. Первый автор пишет о 17-ти фарсах, второй — 14-ти фарсах, измеряя длину пути «по пустыне, называющейся Кулан... Песок между Таразом и Куланом с северной стороны, а за песком пустыня из песка и гальки, в ней ехидны, [она тянется] до границы кимаков» [Волин, 1960: 74, 77]. Указанные сведения позволили отождествить город с археологическим памятником на окраине села Кулан (ранее — с. Луговое) в Жамбылской области, в 120 км к востоку от города Тараз, на восточной окраине которого находятся остатки городища Тараз. Вопрос о тождестве Кулана и городища к востоку от него в свое время решил В. В. Бартольд, совершивший научную поездку в 1893–1894 гг. по Южному Казахстану и Семиречью по одной из магистральной трасс Великого Шелкового пути [Бартольд, 1964: 282; 1966: 48; 1966а: 260; Байпаков, 1998: 114–115]. В. В. Бартольд отметил, что маршрут китайского путешественника — буддийского

монаха Сюаньцзана, вероятно, тождествен тому, который приводится в «Истории династии Тан». Проехав в 629 г. через Чуйскую долину и Южный Казахстан, он отметил город Цзюйлань. Есть точка зрения, что Цзюйлань — это Кулан [Бартольд, 1964: 268–269, 281–282, 299]. В 739 г. или 740 г. в Кулане тюркешским князем Курсулем был убит Ашина-Синь — сын и приемник тюркского кагана Ашина-Хуайдао, со смертью которого пресекался западно-тюркский царствующий дом [Бартольд, 1943: 33].

В 194 г. по мусульманскому летоисчислению (810 г. н.э.) арабы совершили экспедицию против города Кулан. Ибн Аль-Асир (1160–1234) упомянул исламского ученого и мудреца Шахика аль-Балхи, «участвовавшего в походе на Кулан, в стране тюрков» [Бартольд, 1963: 249, 260; Волин, 1960: 88]. Автор IX в. ибн Хордадбех назвал Кулан «богатым селением» [Волин, 1960: 74]. В X в. аль-Мукаддаси (аль-Макдиси) сообщил, что «Кулан — укрепленный город, соборная мечеть в ней [медине], он уже опустел. Он — на большой таразской дороге» [Волин, 1960: 82]. В географическом словаре Якута, составленном в 1224 г. на основе сведений X и XII вв., написано: «Кулан — приятный городок на границах страны тюрков, со стороны Мавераннахра» [Волин, 1960: 87].

Описание результатов исследования

В разные годы осуществлялись археологические исследования городища и его округи. В 2015 и 2017 гг. проводились раскопки цитадели. Здесь были выявлены слои тюркешского, карлукского, караханидского периодов. В культовом помещении 2 (в публикации 2016 г. — № 1) стены были украшены резьбой по глине [Акылбек, Смагулов, Яценко: 2016, рис. 6–9, 11, 13]. По комплексу признаков оно определено как манихейское святилище [Байпаков, Терновская, 2018]. Исследователи увидели в создателях комплекса помещений (2 и 3) тюркешей, каганат которых возвысился в первой половине VIII в. [Акылбек, Смагулов, Яценко, 2016: 63].

В 2017 г. были раскопаны помещения 5, 6, 8 и помещение 12 с алтарем огня, на поверхности которого обнаружены две глиняные курильницы. По существующим аналогиям они определены как комплекс культовых помещений маздеизма, датированный карлукским периодом VIII–IX вв. Верхние слои цитадели относятся к караханидскому времени [Байпаков, Акылбек, Терновская, 2019].

Помещение 3 (7,7 × 6,8 м), вытянутое по линии юго-восток — северо-запад, предположительно выполняло функции «тронного зала» (рис. 1, 2). Стены толщиной 1,8–2,1 м сохранились на высоту 3–3,5 м. Они были покрыты слоем штукатурки толщиной 3 см, затем выровнены тонким слоем алебаstra. Проход расположен в центре юго-восточной стены. Вдоль северо-восточной, северо-западной и юго-западной стен устроены суфы. Их высота 0,55 м и 0,4 м (северо-восточная стена). Ширина главной северо-западной суфы 1,8 м, остальных — 1,4 м. К центральному (почетному) месту, расположенному в центре северо-западной стены, ведет двуступенчатая лестница шириной 1,0 м. В середине помещения, ближе к входу, устроен подиум подквадратной формы, размерами 1,1 × 1,05 м, высотой 0,2 м [Акылбек, Смагулов, Яценко, 2016: 53–63].

«Тронный зал», вероятно, функционировал два периода существования памятника. Об этом могут свидетельствовать изменения, внесенные в отделку стен — поверх ранних по времени росписей были нанесены граффити, отличающиеся манерой исполне-

ния от остальных декоративных элементов в интерьерах дворца (рис. 3). Позднее это помещение было заложено кирпичом и стало частью платформы, на которой возвели постройки караханидского периода.

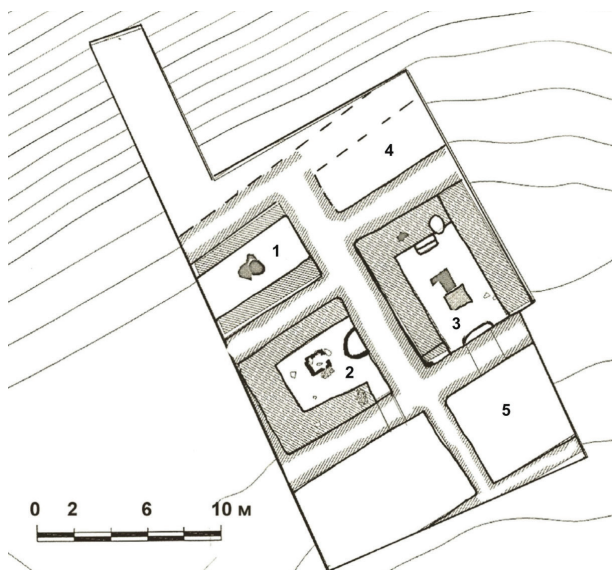

Рис. 1. Цитадель городища Луговое. План раскопа 2015 г.
Fig. 1. Citadel of the city of Lushchagovoe. Excavation plan 2015

Рис. 2. Цитадель городища Луговое. Раскопки 2015 г.
На переднем плане — интерьер помещения 3
Fig. 2. The citadel of the city of Lushchagovoe. excavations in 2015.
In the foreground — the interior of room 3

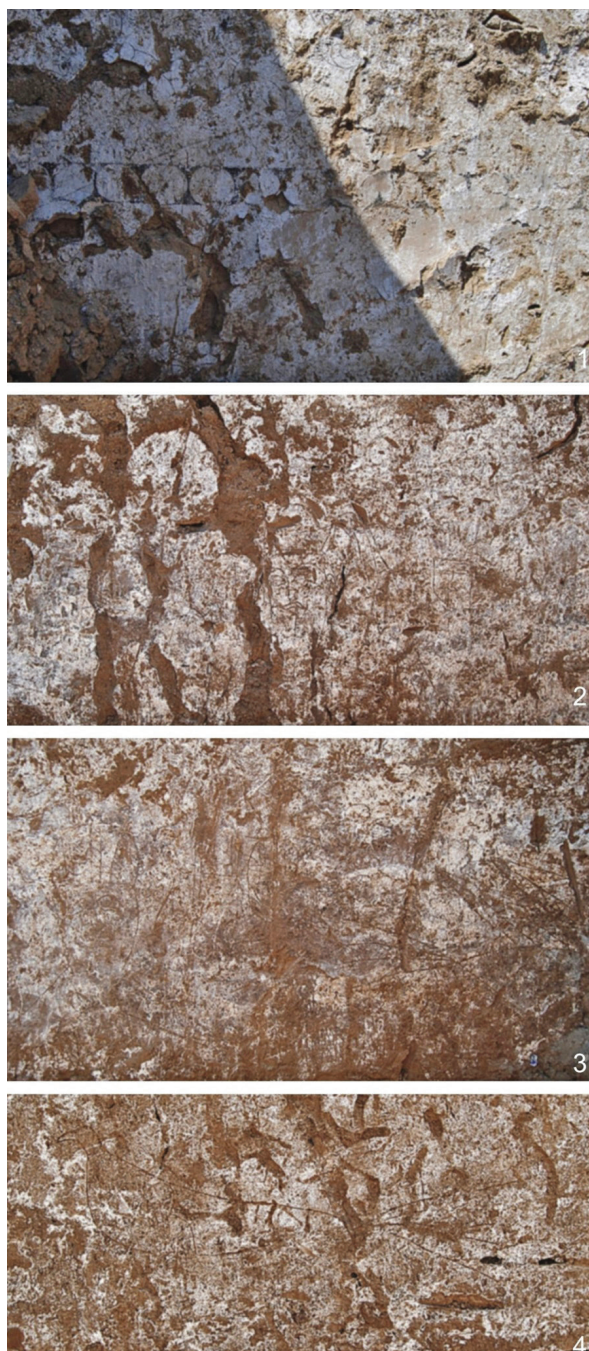

Рис. 3. Цитадель городища Луговое.

Фото стен с графическими изображениями из помещения 3. Раскопки 2015 г.

Fig. 3. Citadel of the ancient settlement Lugovoe.

Photos of walls with graphic images from room 3. Excavations in 2015

В публикации 2016 г. были представлены графические прорисовки на стенах помещения 3, дано описание, определен характер одежды персонажей. С. А. Яценко, подробно рассмотрев одежду, выделил четыре типа оригинальных головных уборов, которые не были известны тюркам в VI и VII вв., но встречаются в соседнем Синьцзяне — один в оазисах Куча и более ранние в оазисе Ния, а также у поселившихся там в IX в. уйгуров (убор правителя на юго-западной стене). Автор отметил существенную роль населения оазисов Синьцзяна в создании костюма ранних тюрков [Акылбек, Смагулов, Яценко, 2016: 62–63, рис. 15, 17].

Описание декоративного оформления стен «тронного зала» приводится по публикации 2016 г. Так как часть гравировок на стенах выполнена в стилистике, близкой к раннетюркской графике, зафиксированной в наскальном творчестве, описание изобразительных рядов будет дано справа налево в соответствии с написанием и чтением рунических надписей.

На **юго-западной стене** представлено четыре группы изображений, образующих единую горизонтальную композицию (рис. 4).

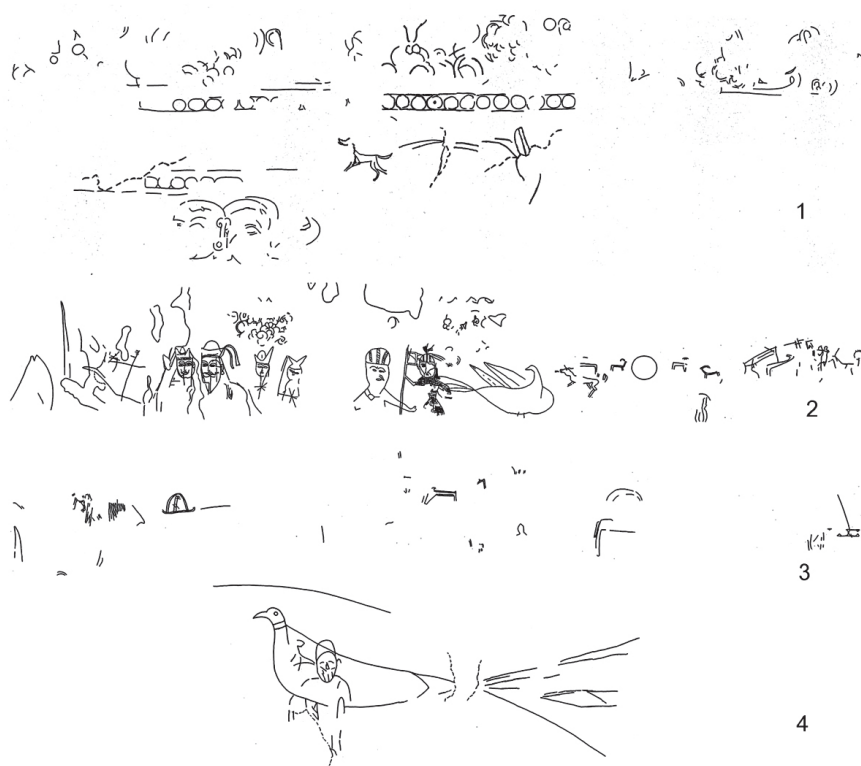

Рис. 4. Цитадель городища Луговое.

Прорисовки графических изображений на стенах помещения 3

Fig. 4. Citadel of the ancient settlement Lugovoe.

Drawing graphic images on the walls of the room 3

Сцена 1. На рисунке просматривается изображение лучника, силуэты животных. По мнению авторов публикации 2016 г., здесь «представлена сцена охоты пешего лучника, вероятно, с собакой, на двух или трех копытных. Слева от него стоит его лошадь (?)». К сожалению, в настоящее время об изображениях можно судить на основании того, как они были восприняты при прорисовке.

Сцена 2. Здесь выгравированы дикие животные (изображения разной сохранности). В центре нарисован сравнительно крупный круг — символ солнца. С двух сторон схематично изображены горные козлы, два из них повернуты в сторону солнечного диска. Ниже авторы публикации рассмотрели двух «более крупных оленей» (?), изображенных в другой манере.

Сцена 3. Это центральная группа изобразительного ряда. Справа расположена крупная птица — лебедь или гусь. Она сидит, развернувшись в сторону солнечного диска и диких животных, но повернув голову к изображенным сзади мужчинам.

Рис. 5. Цитадель городища Луговое. Фрагмент рисунков с юго-западной стены помещения 3

Fig. 5. Citadel of the ancient settlement Lugovoe. Fragment of drawings from the southwestern wall of room 3

Ближе к птице находится воин в шлеме с султаном в виде вертикально укрепленного перьевого или волосяного пучка (рис. 5.-3). Он облачен в длинный пластинчатый доспех. Монголоидный тип лица, длинные вислые усы. В правой руке он держит знамя с тремя заостренными лентами на древке копья. Левее воина изображен более зна-

чимый мужской персонаж, который крупнее стоящего рядом с ним воина. Левая рука знатного человека протянута к древку знамени. У мужчины монголоидный тип лица, длинная и заостренная борода, просматривается левая часть висячих усов. На одежде выделены ворот и, возможно, подпрямоугольная застежка накидки у правого плеча. С. А. Яценко отметил, что головной убор в виде полушарной шапки с тремя параллельными рубчатыми полосами известен только в близких по времени росписях из оазиса Куча в Синьцзяне [Яценко, 2000: рис. 60.-6]. Подобное расположение персонажей — знатного человека и воина — можно увидеть в настенной росписи Пенджикента [Живопись..., 1954: табл. XXXVI] (рис. 6).

Рис. 6. Знатный персонаж и воин. Фрагмент росписи северной стены помещения 1, объекта VI [Живопись..., 1954: табл. XXXVI]

Fig. 6. Noble character and warrior. Fragment of painting on the northern wall of room 1, object VI [Painting..., 1954: pl. XXXVI]

В сцене 4 представлены четыре персонажа (рис. 5.-1, 2). На переднем плане — правитель и его предполагаемая супруга. Они изображены в левой части стены и обращены лицами влево, по направлению к северо-западной стене, где расположено «почетное место». У мужчины узкие глаза с окрашенными черной краской зрачками, дугообразные брови, прямой нос, горизонтальные, загнутые вверх усы, длинная и широкая, заостренная книзу борода. Длинные волосы ниспадают на спину. В левом ухе круглая

серьга. С. А. Яценко обратил внимание на оригинальный головной убор в виде шляпы с загнутыми широкими полями и высокой закругленной тульей. Слева от края полей шляпы свисает пара ленточек. Нижний край головного убора украшен полоской с узором в виде вертикальных черточек. Подобный тип головного убора известен с IX–X вв. у осевших на севере Синьцзяна тюрков-уйгуров [Яценко, 2000: рис. 65.-16].

Предполагаемая супруга правителя находится по его правую руку. У женщины круглое лицо, миндалевидные глаза с выделенными веками, дугообразные брови, пухлый рот. В левом ухе серьга. На голове — трезубый (трехрогий) головной убор, в нижней части которого — такая же полоска, как у головного убора правителя. С зубцов убора свисает длинная накидка.

За спиной правителя стоят два молодых персонажа меньшего размера. На головах у них уборы с двумя длинными и острыми выступами (рогами), изготовленными, по мнению С. А. Яценко, из твердого материала (войлок или кожа). У персонажа, стоящего ближе к правителю, головной убор в центре имеет небольшую полусферическую тулью. Один выступ выше другого. Над миндалевидными глазами прорисованы дугообразные брови. Нос прямой, рот пухлый. На лице нет волосяного покрова — бороды и усов. У второго персонажа прорисованы миндалевидные глаза и прямой нос. Головной убор другой формы — два «рога» закреплены на круглой шапочке, сделанной по форме головы.

С. А. Яценко привел в качестве примера двурогие головные уборы, «документированные как в северных, так и в южных оазисах соседнего Синьцзяна с II–III по VIII вв. н. э.» [Яценко, 2000: 311–312, рис. 58.-5, 60.-12]. К сожалению, головные уборы, приведенные в качестве аналогий, далеки от уборов, изображенных на юго-западной стене помещения 3 (2). «Копье», увиденное автором у второго персонажа, отсутствует. Вертикальная полоса может обозначать свисающее с «рога» покрывало. Предположительно это молодые люди — юноша и девушка (?), дети правителей. Возможно, здесь представлена знатная семья, чему есть примеры в изобразительном искусстве Центральной Азии (см. ниже).

На *северо-западной стене* за «почетным местом» выявлены единичные воспроизведения, расположенные в центре, перекрывая не сохранившуюся на этом участке полосу живописи. Они сделаны в особой, отличной от других стен, стилистике. Слева четко просматривается изображение собаки, бегущей в правую сторону. Правее исследователи увидели смотрящее в противоположную сторону существо (вероятно, фантастическое) с длинным хвостом и очень длинными ушами.

На частично обрушившейся *юго-восточной стене*, напротив «почетного места», из граффити сохранилось тщательно выполненное изображение крупной птицы, похожей на павлина, на теле которой дорисована фигура мужчины анфас с бородой, усами и в невысокой шапке. Авторы публикации 2016 г. увидели также на теле птицы профильную фигурку бегущего копытного (?) и предположили, что изображения крупных птиц и человека взаимосвязаны и отражают популярный фольклорный мотив полета героя на волшебной птице.

Северо-восточная стена, судя по имеющимся прорисовкам, также была покрыта изображениями. Можно увидеть фрагменты животных, но рассмотреть людей и «ка-

кие-то довольно крупные артефакты», о которых идет речь в упомянутой публикации, к сожалению, не представляется возможным. Изображения на этой стене плохой сохранности.

Смысловое значение настенных изображений

Граффити на стенах «тронного зала» во дворце Кулана выполняли ту же задачу, что и декор помещений подобного назначения во дворцах Средней Азии и Южного Казахстана. В искусстве Пенджикента, Варахши, Куйрыктобе отмечены изображения за-казчиков — правителя с семьей и бога или богов-покровителей, которым они поклонялись. Возвеличиванию членов царствующего дома посвящены пристенные скульптурные композиции Топрак-калы, Старой Нисы, Дальверзин-тепе. В тронном зале городища Куйрыктобе (VIII–IX вв.) в композиции, составленной из резных досок на северо-восточной стене, передана династическая легенда правителей, ведущих родословную от Сиявуша [Терновская, 1998; Байпаков, Терновская, 1998; 2005: 68–75, рис. 34], так же, как правители Хорезма, Парфии, Согда. Легенда о Сиявуше представлена в росписях Пенджикента [Дьяконов, 1951: 40–41, рис. 4, 5]. В помещении 8 архитектурного комплекса «Луговое Г» были обнаружены портретные изображения знатных мужчин и фрагмент фигуры всадника на коне, выполненные из глины [Байпаков, Терновская, 2002; 2004, рис. 1–4].

Как уже было отмечено, чтение смыслового содержания изобразительных рядов на стенах «тронного зала» во дворце Кулана будет осуществляться справа налево, как это происходит при написании и чтении рунических надписей.

Юго-западная стена. В *сцене 1* на этой стене, согласно логике повествования, могли быть показаны события (возможно, легендарные), связанные с началом, рождением, происхождением. Из-за плохой сохранности можно лишь предполагать суть происходящего.

В *сцене 2* основными изображениями являются круг — солярный символ и горные козлы небольшого размера. Предположительно это родовые символы — знаки-тамги.

Тамга в виде круга встречается, например, в Жетысу-Семиречье. Ее можно увидеть на каменных изваяниях тюркского святилища Жайсан в долине реки Чу: на северной боковой грани мужской стелы из ограда мемориала Жайсан 6 и на правой затылочной стороне головы статуи 1 из комплекса Жайсан 14. Территория, где сконцентрированы культовые сооружения со статуями, алтарями, наскальными рисунками, письменностью и тамгами, представляла собой общественный центр под открытым небом [Досымбаева, 2013: рис. 25.-1, 35.-1; Досымбаева, Бондарев, 2016: рис. 1.-1, 2] (рис. 7.-1, 2).

Такая тамга изображена на груди конного всадника в кольчуге и шлеме со знаменем на копье в руках. Рисунок вырезан на Соляной горе в Хакасии (IX–X вв.). Это героизированное изображение конкретного воина. По мнению исследователей, подобные воспроизведения передают не деяния живых, а славят уже умерших витязей. В наскальном искусстве Саяно-Алтая появление лично-фамильных тамговых знаков на фигурах конных персонажей относится к VIII–IX вв. [Кызласов, 1969: 109, рис. 41; 2008: 459, 461, рис. 14] (рис. 7.-3).

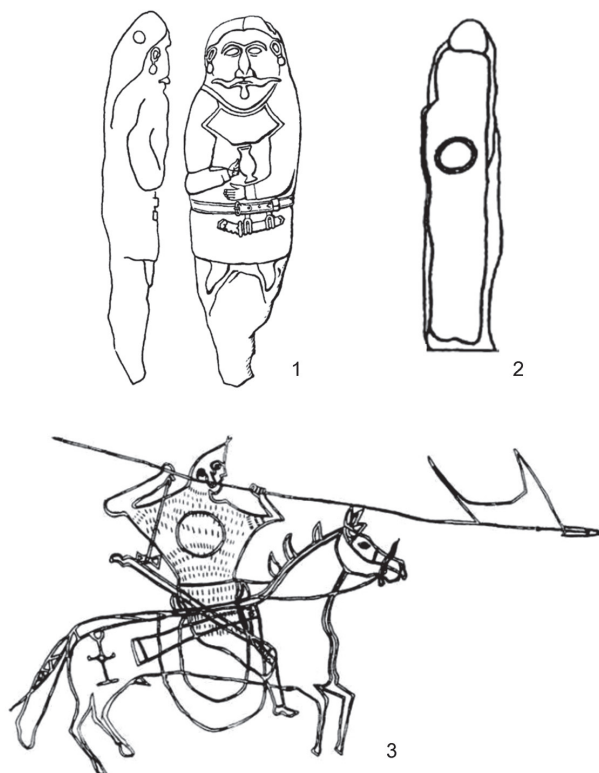

Рис. 7. Изображения круглой тамги. 1 — Жайсан 14; 2 — Жайсан 6 [Досымбаева, 2013: рис. 25.-1, 35.-1]; 3 — рисунок на Соляной горе в Хакасии [Кызласов, 1969: рис. 41]

Fig. 7. Images of a round tamga. 1 — Zhaisan 14; 2 — Zhaisan 6 (Dosymbaeva, 2013: fig. 25.-1, 35.-1); 3 — drawing on Salt Mountain in Khakassia [Kyzlasov, 1969: fig. 41]

Семантика знака в виде круга связывается с соляным культом. Солнечным каганским («царским») родом племени ашина («голубое [Небо]») в восточнотюркских каганатах был шардулы («Солнце-птица» и «Солнце-олень»). Ю. А. Зуев конкретизировал образ божества Неба-Тенгри, которому поклонялись каганские тюрки. Это — Утреннее голубое Небо в лучах восходящего Солнца [Зуев, 2002: 226, 249].

Для понимания смыслового содержания этого знака приводятся сопоставления с символами казахов. Круг — это родовой знак племени Старшего Жуза — дулатов (по Н. И. Гродекову, С. А. Аманжолову и данным полевых материалов). В свою очередь каждый род имел и родовую тамгу, составляющую варианты общей племенной тамги [Востров, Муқанов, 1968: 39]. Несмотря на то, что дулаты называют свою тамгу «круг», или донгелек (каз. дөңгелек), в народной традиции есть лирическое выражение «Күн таңбалы Дулат», означающее «дулаты с солнечной тамгой» [Досымбаева, Болдырев, 2016].

Н. А. Аристов отметил, что киргиз-казахские родовые тамги в систематическом порядке состоят из изображений круга, его удвоения, полукруга, одной прямой черты, ее

удвоения, соединений круга и полукруга с одной и даже тремя прямыми, сочетаний двух, трех и четырех линий, соединенных под углами. Древность тамг доказывается тем, что знаки тюркского алфавита, которыми сделаны надписи на памятнике Кюль-тегину и других памятниках на Орхоне и Енисее, «суть родовые тамги, употребляемые большей частью и поныне у киргиз-казахов» [Аристов, 1894: 410–411].

Козел-тамга. Тамгообразные изображения горных козлов датируются VI–VIII вв. Они были открыты на огромных пространствах — от Монголии и Тувы на востоке до Памиро-Алая на западе. Чаще всего такие тамги встречаются среди петроглифов, ими же отмечен ряд памятных стел, каменных изваяний и балбалов, установленных на «княжеских» комплексах Монголии. Тамга в виде козла изображена на памятниках представителей ашина — знатного рода правителей тюркских каганатов в VI–VIII вв. Эти тамги были изучены экспедицией В. В. Радлова на памятниках Кюль-тегину и Бильге-хану — кагану Восточно-тюркского каганата с 716 по 734 г., на Асхетской плите, в на вершии Онгинского памятника (в сочетании с тамгами его героя). А. Д. Грач отметил, что «древнетюркские тамгообразные петроглифы, изображавшие горного козла, — это как бы сигнальные вехи, отражавшие ареал и зону передвижения племен, входивших в состав каганатов орхон-алтайских тюрков» [Грач, 1973: 322–323, рис. 1.-1–4] (рис. 8).

По мнению В. Е. Войтова, тамга в виде фигурки горного козла, расположенная на спине статуи № 16 из Унгету в Центральной Монголии, является отличительным знаком правящего рода тюрков-тугю. Она многократно повторяется на памятниках различного рода Монголии, Алтая, Тувы, Казахстана и Памира [Войтов, 1987: 102, рис. 5.-1]. В. В. Радлов назвал это изображение «ханской тамгой» [Радлов, 1892, табл. 9]. С. Г. Кляшторный уточнил, что определение знака как родовой тамги второй тюркской династии (682–744) является более полным [Кляшторный, 1980: 94].

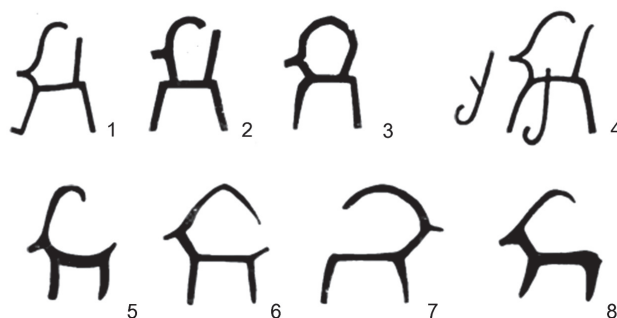

Рис. 8. Знаки-тамги с изображением козлов. Каганские тамги: 1 — памятник в честь Кюль-тегина, Орхон; 2 — каменное изваяние, Орхон (по В. В. Радлову); 3 — плита в Асхете (по В. В. Радлову); 4 — стела с надписями, Онгин (по В. В. Радлову). 5–8 — Казахстан, Чулакские горы (по П. И. Мариковскому) [Грач, 1973: рис. 1.-1–4, 17–20]

Fig. 8. Signs-tamgas with the image of goats. Kagan tamgas: 1 — a monument in honor of Kul-tegin, Orkhon; 2 — stone statue, Orkhon (according to V. V. Radlov); 3 — slab in Askhet (according to V. V. Radlov); 4 — stele with inscriptions, Ongin (according to V. V. Radlov). 5–8 — Kazakhstan, Chulak mountains (according to P. I. Marikovsky) (Grach, 1973: fig. 1.-1–4, 17–20)

На каменном изваянии из Чойрэна в Монголии высечена древнетюркская надпись и две тамги, одна из которых в виде схематичного изображения горного козла расположена внизу. Анализ обеих тамг показал, что надпись относится к эпохе второго Тюркского каганата и принадлежит вождю из племени ашидэ. Текст называет имя автора надписи и имя кагана, которому он служил в момент создания памятника. С. Г. Кляшторный отметил, что «в конце VII–VIII вв., вероятно, было бы правильнее говорить об ашидэ как об одном из племен каганата, которое вместе с ашина было основной военно-политической опорой тюркской династии» [Кляшторный, 1980: 95]. Тамга, расположенная выше, предположительно воспроизводит образ змеевидного дракона. Ю. А. Зуев привел похожее изображение в танском «интенданском реестре тамг», где она названа тамгой ашидэ. Змей (иногда трехглавый) на древнетюркских памятниках, по мнению Ю. А. Зуева, является «изобразительным эвфемизмом Дракона» [Зуев, 2002: 238, 245].

В некрополях Тараза обнаружены захоронения в хумах и оссуариях. В отличие от оссуариев с зороастрийской символикой, хумы размещались не группами, а поодиночке в грунте на глубине от 30 см до 1,5–2 м. Верхняя часть хумов украшалась оттисками клейм, среди которых присутствует изображение козла. Т. Н. Сенигова связала этот образ с родовой символикой тюркской аристократии. Антропологический анализ черепов, обнаруженных в хумах, позволил исследователям сделать вывод, что часть скелетов относится к местному автохтонному населению Южного Казахстана VIII–X вв. [Сенигова, 1968: 59–60, рис. 2]. Л. Р. Кызласов предположил, что погребения в хумах предвительно очищенных от плоти костей, обнаруженные на юге Средней Азии, — «несомненно, манихейские». По его мнению, манихейскими являются два кладбища (III и V), исследованные на городище Ак-Бешим, о чем свидетельствует их устройство и погребальный обряд [Кызласов, 2006: 139–140].

Гусь-лебедь. В изобразительном ряду юго-западной стены привлекает внимание крупный рисунок гуся или лебедя. Образ птицы связывает сцену с родовой символикой и сцену с двумя персонажами. Туловище птицы повернуто направо, а голова налево — по направлению к предполагаемому воину-победителю, передающему знамя знатному человеку. На серебряной бляхе-обойме от ножен сабли из Зевакинского могильника в Прииртышье изображен сидящий мужчина с кубком в руках между двумя обращенными к нему гусями [Арсланова, 2013: 81, фото 6]. Возможно, он празднует победу.

Птица-лебедь присутствует в «*Īrq bitig*» («Книге гаданий или предзнаменований»), руническом тексте, написанном на 58 листах бумаги. Рукопись была найдена А. Стейном в 1907 г. близ Дуньхуана (Западный Китай) в пещерной библиотеке *Тысячи Будд*, замурованной в конце X в. Дуньхуан был воротами в Китай на Великом Шелковом пути. «*Īrq bitig*» написана на оборотной стороне более старых китайских документов. Дж. Р. Гамильтон установил, что рукопись была закончена 17 марта 930 г. [Hamilton, 1975]. «Книга» была исследована, дешифрована и издана В. Томсеном [Thomsen, 1912]. Текст состоит из 65 повествований-предзнаменований и приспособлен для гадания [Кляшторный, 2006: 276–279]. С. Е. Малов, опубликовавший «*Īrq bitig*» с переводом на русский язык, заметил, что это сочинение «шаманского содержания: приметы и поверья» [Малов, 1951: 13]. Фрагмент из «*Īrq bitig*»:

*Говорят: муж отправился в военный поход. В дороге его
Лошадь утомилась. Муж с птицей-лебедем
повстречался. Птица-лебедь посадила (его) на свои
крылья. И с ним, поднявшись ввысь, отправилась в путь.
Она доставила (его) к родителям его. Его родители
Радовались и веселились. Так знай — это хорошо! [Малов, 1951: 88].*

Используя этот текст, вероятно, можно объяснить изображение на стене тронного зала дворца в Кулане, а именно — отсутствие у воина со знаменем коня и наличие птицы-лебедя. Мотив использования лебедя или гуся как средства передвижения хорошо известен в сибирском шаманизме. Шаманы используют лебедя (гуся) в качестве духа-помощника при посещении верхнего мира. Образ гуся фигурирует в героическом эпосе народов Южной Сибири [Потапов, 1991: 83].

Существует ряд эпосов, в центре которых стоит мотив лебединой девы, восходящий к тотемическим представлениям, который известен по всей Евразии [Неклюдов, 1984: 50]. В мифологии Евразии птица являлась главной посредницей между Верхним и Нижним мирами. В представлениях хакасов Хуу-лебедь — это сказочная птица, гнездящаяся в воздухе, красивая женщина, спускающаяся с неба, птица-мать. По мнению исследователей, в наскальном искусстве и на металлических изделиях в виде утки или лебедя изображалась богиня Умай, которая покровительствовала детям и воинам [Чебодаева, 2019: 5–7]. О том, что Умай дарует победу, сообщается в надписи памятника в честь Тоньюкука [Потапов, 1972: 269].

Дева-лебедь фигурирует в хакасском героическом эпосе «Ай-Мирген и Айдолай» в переводе князя П. П. Вяземского [Аникеева, Зайцев, 2018]. П. П. Вяземский писал, что «в первую эпоху христианства в России существовало стремление придавать военным подвигам характер религиозный и во врагах видеть неверных и весь языческий мир. При подобном стремлении лебеди изображают правильно вражью силу и могут после поражения петь свою лебединую песнь в честь победителя... Певец Игорев обозначением лебединых песен выражает, что в мистических песнях, бывших в ходу в XI столетии, состязание доброго начала против злого было воспеваемо представителями пораженного мира... Песни, которые певец обозначает лебедиными, могли также принадлежать к разряду богатырских сказок, в коих герой, Царевич или гостинный сын, захватывает город, находящийся в руках неверных, и освобождает христиан» [Вяземский, 1893: 32, 33].

Воин и знатный персонаж. Смысл сцены достаточно понятен — воин вручает знамя победы своему повелителю. Знамя с тремя кистями, отходящими от широкого края, является наиболее распространенной разновидностью знаменных изображений в тюркском наскальном творчестве Казахстана. Изображения сходных знамен и штандартов с тремя лентами широко представлены в петроглифах Семиречья, на Тянь-Шане, в Прииртышье и Прибайкалье [Рогожинский, 2019: 288].

Возможно, сцена, воспроизведенная на стене тронного зала, связана с историческими событиями 739 или 740 гг., когда в Кулане тюркешским князем Курсулем был убит Ашина-Синь, вследствие чего пресекся западно-тюркский царствующий дом [Бартольд, 1943: 33].

Правители. В следующей сцене, вероятно, показан тот же знатный персонаж, но уже сидящим на троне (?) с супругой в трехрогом головном уборе. Супружеская пара находится в конце изобразительного ряда юго-западной стены как итог событий, приведших правителя к власти. То, что на троне восседает тот же самый персонаж, подтверждают черты лица — глаза и брови, широкая, заостренная книзу борода и усы. Но теперь персонаж представлен в другой одежде, соответствующей его статусу.

Изображения семейных пар тюрков-правителей, восседающих на троне, где на женщине трехрогий головной убор, можно увидеть на каменном изваянии, обнаруженном в центральном районе Чу-Илийских гор, в урочище Когалы [Рогожинский, 2010: рис. 8], и на Сулекской писанице в Хакасии [Кызласов, 2008: рис. 3]. В центре северо-восточной стены центрального зала дворца Куйрыктобе на резной доске изображена знатная семья тюрков — канагров-кенгересов. С двух сторон от родителей стоят их дети (правители и подчиненные в системе государства) [Байпаков, Терновая, 2005: рис. 34]. Возможно, подобное значение имела группа персонажей на рассматриваемой стене во дворце Кулана.

Северо-западная стена расположена за «почетным местом». Здесь зафиксирован рисунок бегущей собаки. Подобное изображение встречается среди знаков на погребальных хумах из некрополя города Тараз [Сенигова, 1968: 59]. Возможно, это символ племени «кашу», которое, по мнению Ю. А. Зуева, является западно-тюркским вариантом термина «кушу» («собака»). По мнению автора, предположение подтверждает название города Кашу в Таласской долине, где располагалась одна из четырех тюркских религиозных манихейских обителей Семиречья; город Ытлык (от ыт «собака») около Тараза и «племя тюрков» «ытлык», упоминаемое Махмудом Кашгарским. Вероятно, это название идентично *ытлак* («сборище собак»). О тюркешском племени гэшю (кашу) известно, что часть его, перейдя на танскую службу, переместилась в Аньси (Куча). Выходцем из этого племени был Гэшю Хань (Кашу-хан), ставший генерал-губернатором провинции Лунъю и прославившийся военными действиями против Тибета. Известны также его однофамильцы. По мнению Ю. А. Зуева, сообщения источников конкретно ориентированы на область, расположенную к востоку от Сырдарьи, ставшую впоследствии территорией правого крыла Западно-тюркского каганата, созданного в 581 или 603 г. В 699 г. племена, прежде составлявшие правое крыло, явились этнополитической основой Тюркешского каганата [Зуев, 2004: 50, 58, 60–61].

Сложность генезиса образа Небесной Собаки, Небесного Пса прослеживается в мифологии Китая. В китайских источниках с Небесной Собакой соотносятся несколько объектов и персонажей из «Каталога гор и морей» («Шань хай цзин»), «Исторических записок» («Ши цзи») Сыма Цяня, «Истории Хань» («Хань шу») Бань Гу и других документов [Комиссаров, Кудинова, 2012: 70]. Древнекитайский памятник «Шань хай цзин» является источником естественно-научных знаний, мифологии, религии и этнографии Китая IV–I вв. до н. э. В «Каталоге северных [земель] внутри морей» описывается местонахождение значимых объектов, среди которых — «царство, Дарованное Собаке», которое «называется [еще] царством Собачьих жунов (Собак воинов). [Его жители] похожи на собак». «Собаки-воины» (Цюань-жун) обитают в Великой пустыне, там, где находится гора под названием гора Отца Юна (Юнфу) и кончается река Шунь.

Они произошли от двуполой Белой Собаки, питаются мясом. Это одно из племен жунов (воинов), не отождествляемое с каким-то конкретным племенем. Согласно Го Пу, имя бога народа Собак-воинов (Цюань-жунов) Сюань-ван (вождь Сюань) [Шань хай цзин, 1977: 106, 195, 210].

На *юго-восточной стене*, напротив «почетного места» также зафиксировано значимое изображение — крупная птица (павлин), на теле которой дорисованы мужчина и бегущее копытное животное (?).

Изображения павлинов можно увидеть на обломке культового столика IX–X вв., обнаруженного при раскопках архитектурного комплекса «Луговое Г» [Нуржанов, Терновская, 2014: рис. 1.-1] (рис. 9). Об особом отношении тюрков к павлинам известно из текста византийского историка VI в. Менандра Протектора. Он описал прием послов каганом Истеми в местности под названием Талас. Истеми имел титул «ябгу», который автор передал как «Дизабул». В один из дней гости были приглашены в помещение, где находились деревянные колонны, покрытые золотом, а также золотое ложе, которое держали четыре золотых павлина [Жданович, 2014: 12].

Рис. 9. Керамический столик-дастархан. Луговое Г. IX–X вв.

Fig. 9. Ceramic table-dastarkhan. Lugovoe G. 9th – 10th centuries

Предположительно на стене помещения 3 во дворце Кулана показан мифологический сюжет, передающий представления об изначальном космосе. Птица могла включать также какое-то обозначение вод. Возможно, в ее образе были слиты воедино небо,

земля, вода и другие элементы мироздания. Не исключено, что это изображение было попыткой передачи образа полиморфного существа, объединяющего птицу, человека и животное. Полиморфные персонажи известны в мифах, сказках, легендах разных культур.

Заключение

Космогонический сюжет с четырьмя павлинами, объединяющими разные образы, но в иной изобразительной традиции, показан на серебряной чаше, обнаруженной в западном Приуралье на реке Бартым, недалеко от Кунгура. О. Н. Бадер отнес находку к раннесасанидским изделиям, датировал ее III в. н.э. И. А. Орбели связывал чашу с Закавказьем досасанидского времени, К. В. Тревер высказала мнение о ее раннекушанском происхождении [Бадер, 1949: 89]. Л. А. Мацулевич считал, что бартымский сосуд мог быть изготовлен на территории Азербайджана не позднее рубежа нашей эры, а в фигуре павлина он видел владыку преисподней [Мацулевич, 1962: 29, 32, рис. 1]. Ю. А. Рапопорт поставил вопрос о среднеазиатском и даже, конкретнее, хорезмийском происхождении этой чаши. Он отметил бесспорное сходство своеобразно переданных птиц на бартымской чаше и на обломках двух больших керамических фляг, обнаруженных при раскопках древнехорезмийского храма-мавзолея Кой-Крылган-кала в слое IV–III вв. до н. э. Но на этих сосудах, в отличие от бартымской чаши, фантастической птицей является гусь. Изображение павлина вместо гуся, по мнению Ю. А. Рапопорта, «видимо, отражает закономерность, хорошо прослеженную прежде всего в индийском искусстве, где водоплавающий спутник водной богини Сарасвати через ряд промежуточных форм был сменен павлином». Рассматривая эти воспроизведения, автор предположил, что подобное сочетание различных образов в одном персонаже связано с попыткой создания божественного персонажа в образе космической птицы. Авеста и поздняя зороастрийская традиция считают водоплавающую птицу главой пернатых. Она первой принесла божье слово в этот мир, говорила словами Мазды. По мнению автора, «уже этого достаточно, чтобы предположить, что она была воплощением божества и некогда играла в мифологии очень значительную роль» [Рапопорт, 1977: 58–64, рис. 6–9, 12].

В заключение необходимо отметить неоценимый труд археологов, которые вскрыли, расчистили и тщательно зафиксировали изображения, несущие важную информацию. Граффити на стенах «тронного зала» дворца в Кулане содержат сведения о правителях, исторических событиях и религиозно-мифологических представлениях.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Акылбек С. Ш., Смагулов Е. А., Яценко С. Я. Декоративное убранство резиденции тюркских правителей VIII вв. в цитадели г. Кулан // Культурное наследие Евразии. Алматы, 2011. С. 29–66.

Аникеева Т. А., Зайцев И. В. Хакаский героический эпос «Ай-Мирген и Айдолай» в переводе князя П. П. Вяземского // Тюркологический сборник 2018. М., 2018. С. 191–235.

Аристов Н. А. Опыт выяснения этнического состава киргиз-казаков Большой орды и каракиргизов на основании родословных сказаний и сведений о существующих ро-

довых делениях и о родовых тамгах, а также исторических данных и начинающихся антропологических исследований // Живая старина. 1894. Вып. III–IV. С. 391–486.

Арсланова Ф.Х. Очерки средневековой археологии Верхнего Прииртышья. Астана, 2013. 406 с.

Бадер О.Н. Бартымская чаша // Краткие сообщения Института истории материальной культуры (КСИИМК). Вып. XXIX. 1949. С. 84–91.

Байпаков К.М. Средневековые города Казахстана на Великом Шелковом пути. Алматы: Ғылым, 1998. 216 с.

Байпаков К.М., Акылбек С.Ш., Терновоя Г.А. К вопросу о религиозной жизни города Кулан в VIII–IX вв. (по материалам исследований цитадели в 2017 г.) // Народы и религии Евразии. 2019. № 2 (19). С. 9–35.

Байпаков К.М., Терновоя Г.А. Легенда о Сиявуше на резном дереве Куйрук-тобе // Известия МН-АН РК. Серия общест. наук. 1998 № 1 (213). С. 58–67.

Байпаков К.М., Терновоя Г.А. «Парадиз» в загородном дворцовом комплексе владельцев средневекового Кулана // Известия МОН РК, НАН РК. Серия общест. наук. Алматы, 2002. № 1 (236). С. 244–268.

Байпаков К.М., Терновоя Г.А. Резная глина Жетысу. Алматы : CREDO, 2004. 164 с.

Байпаков К.М., Терновоя Г.А. Религии и культы средневекового Казахстана (по материалам городища Куйрыктобе). Алматы : Баур, 2005. 236 с.

Байпаков К.М., Терновоя Г.А. Манихейский комплекс во дворце средневекового города Кулан (VIII в.) // Народы и религии Евразии. 2018. № 3 (16). С. 111–129.

Бартольд В.В. Очерк истории Семиречья. Фрунзе : Киргизгосиздат, 1943. 104 с.

Бартольд В.В. Туркестан в эпоху монгольского нашествия // Сочинения. Т. I. М. : Наука, 1963. С. 233–270.

Бартольд В.В. О христианстве в Туркестане в домонгольский период (По поводу семиреченских надписей) // Сочинения. Т. II, ч. 2. М. : Наука, 1964. С. 266–300.

Бартольд В.В. Отчет о поездке в Среднюю Азию с научной целью в 1893–1894 гг. // Сочинения. Т. IV. М. : Наука, 1966а. С. 21–94.

Бартольд В.В. Отчет о командировке в Среднюю Азию с научной целью // Сочинения. Т. IV. М. : Наука, 1966б. С. 111–115.

Войтов В.Е. Каменные изваяния Унгету // Центральная Азия: новые памятники письменности и искусства. М. : Наука, 1987. С. 92–109, 327–331.

Волин С. Сведения арабских источников IX–XVI вв. о долине р. Талас и смежных районах // Труды Института истории, археологии и этнографии АН КазССР. Т. 8. Алма-Ата, 1960. С. 72–92.

Востров В.В., Муканов М.С. Родоплеменной состав и расселение казахов (конец XIX — начало XX в.). Алма-Ата : Наука КазССР, 1968. 255 с.

Вяземский П.П. Две статьи: Волк и лебеди сказочного мира. Отдельный оттиск из «Филологических записок» 1876–1877 гг. Воронеж, 1893. 98 с.

Грач А.Д. Вопросы датировки и семантики древнетюркских тамгообразных изображений горного козла // Тюркологический сборник 1972. М., 1973. С. 316–333.

Досымбаева А. История тюркских народов. Традиционное мировоззрение тюрков. Астана: Service Press, 2013. 254 с.

Досымбаева А., Бондарев М. Тамги — маркеры этнической культуры и символы тюркского государства // «IX Дулатовские чтения» на тему: «М. Х. Дулати и тюркский мир»: материалы Международной научно-практической конференции, посвященной 25-летию независимости Республики Казахстан. Тараз: Тараз университеті, 2016. С. 112–119.

Жданович О. П. Посольство Земарха в ставку тюркского кагана (перевод и комментарии фрагментов труда Менандра Протектора) // Золотоордынское обозрение. 2014. № 2 (4). С. 6–20.

Живопись древнего Пянджикента. М.: Изд-во АН СССР, 1954. 252 с.

Зуев Ю. А. Ранние тюрки: очерки истории и идеологии. Алматы: Дайк-Пресс, 2002. 338 с.

Зуев Ю. А. Самое сильное племя // Историко-культурные взаимосвязи Ирана и Дашт-и Кипчака в XIII–XVIII вв.: материалы Международного круглого стола. Алматы, 2004. С. 31–67.

Кляшторный С. Г. Древнетюркская надпись на каменном изваянии из Чойрэна // Страны и народы Востока. 1980. Вып. 22. Кн. 2. С. 90–102.

Кляшторный С. Г. Памятники древнетюркской письменности и этнокультурная история Центральной Азии. СПб.: Наука, 2006. 591 с.

Комиссаров С. А., Кудинова М. А. Образ Небесного Пса в китайской мифологии // Вестник Новосиб. гос. ун-та. Серия: История, филология. 2012. Т. 11, вып. 4: Востоковедение. С. 70–79.

Кызласов Л. Р. К уяснению исходных позиций изучения и сбережения писаниц // Человек, адаптация, культура. М.; Тула: Гриф и К. 2008. С. 451–463.

Кызласов Л. Р. История Тувы в средние века. М.: Изд-во Московского университета, 1969. 212 с.

Кызласов Л. Р. Символ креста у манихеев и сакральное пространство города Суяба на реке Чу // Вестник Московского университета. Сер. 8: История. 2006. № 2. С. 138–150.

Малов С. Е. Памятники древнетюркской письменности. Тексты и исследования. М.; Л.: Изд. АН СССР, 1951. 451 с.

Мацулевич Л. А. Чаша из Бартыма // Советская археология. 1962. № 3. С. 25–32.

Неклюдов Ю. Героический эпос монгольских народов. Устные и литературные традиции. М.: Наука: ГРВЛ, 1984. 316 с.

Нуржанов А. А., Терновая Г. А. Столики-дастарханы из архитектурного комплекса Луговое Г (VII–XII вв.) // Вестник КазНПУ им. Абая. Серия: Исторические и социально-политические науки. Алматы, 2014. № 3. С. 124–132.

Потапов Л. П. Умай — божество древних тюрков в свете этнографических данных // Тюркологический сборник 1972. М., 1973. С. 265–286.

Потапов Л. П. Элементы религиозных верований в древнетюркских генеалогических легендах // Советская этнография. 1991. № 5. С. 79–86.

Радлов В. В. Атлас древностей Монголии. СПб.: тип. Имп. Акад. наук, 1892–1899. Вып. 1. 1892. 14 с. 70 л.

Рапопорт Ю. А. Космогонический сюжет на хорезмийских сосудах // Средняя Азия в древности и Средневековье (История и культура). М.: Наука, 1977. С. 58–71.

Рогожинский А. Е. Новые находки памятников древнетюркской эпиграфики и монументального искусства на юге и востоке Казахстана // Роль кочевников в формировании культурного наследия Казахстана: Научные чтения памяти Н. Э. Масанова. Алматы : Print-S, 2010. С. 329–344.

Рогожинский А. Е. Флаги на скалах (изображения знамен в ландшафтах с петроглифами тюркской эпохи Казахстана) // Изобразительные технологические традиции ранних форм искусства. 2. Памяти Е. Г. Дэвлет. Труды Сибирской Ассоциации исследователей первобытного искусства. Вып. XII. М. ; Кемерово : Кузбассвуиздат, 2019. С. 275–289.

Сенигова Т. Н. Вопросы идеологии культов Семиречья (VI–VIII вв.) // Новое в археологии Казахстана. Алма-Ата : Наука КазССР, 1968. С. 51–67.

Терновая Г. А. Образы искусства как источник по мировоззрению городского населения Южного Казахстана и Семиречья VI–XII вв. (по материалам археологии) : дис. ... канд. ист. наук. Алматы, 1998. 26 с.

Чебодаева М. П. Образ Богини Умай (Ымай) в изобразительном и декоративном искусстве Хакасии. Абакан, 2019. 40 с.

Шань хай цзин (Каталог гор и морей) / предисловие, перевод и комментарий Э. М. Яншиной. М. : Наука: ГРВЛ, 1977. 236 с.

Яценко С. А. Костюм // Восточный Туркестан в древности и раннем Средневековье / под ред. Б. А. Литвинского. М. : Восточная литература РАН, 2000. С. 296–384.

Hamilton J. Le colophon de l'İrğam // *Turcica* 7, 1975. P. 7–19.

Thomsen W. Dr. M. A. Stein s. manuscripts in Turkish «Runic» Script from Miran and Tunhuang // *Journal of the Royal Asiatic Society of Great Britain and Ireland*. London, 1912. January. P. 181–227.

REFERENCES

Akylbek S. Sh., Smagulov E. A., Iatsenko S. Ia. Dekorativnoe ubranstvo rezidentsii tiurkskikh pravitelei VIII vv. v tsitadeli g. Kulan [Decorative decoration of the residence of the Turkic rulers of the VIII centuries. in the citadel of Kulan]. *Kul'turnoe nasledie Evrazii* [Cultural heritage of Eurasia]. Almaty, 2011. S. 29–66 (in Russian).

Anikeeva T. A., Zaitsev I. V. Khakasskii geroicheskii epos “Ai-Mirgen i Aidolai” v perevode kniazia P. P. Viazemskogo [Khakass heroic epic “Ai-Mirgen and Aidolai” translated by prince P. P. Vyazemsky]. *Tiurkologicheskii sbornik 2018* [Turkological collection 2018]. Moscow, 2018. S. 191–235 (in Russian).

Aristov N. A. Opyt vyiasneniia etnicheskogo sostava kirgiz-kazakov Bol'shoi ordy i karakirgizov na osnovanii rodoslovnykh skazanii i svedenii o sushchestvuiushchikh rodovykh deleniakh i o rodovykh tamgakh, a takzhe istoricheskikh dannykh i nachinauiushchikhsia antropologicheskikh issledovaniia [The experience of clarifying the ethnic composition of the Kirghiz Cossacks of the Great Horde and karakirgiz on the basis of genealogical legends and information about existing clan divisions and clan tamgas, as well as historical data and beginning anthropological studies]. *Zhivaia starina* [Living antiquity]. 1894. III–IV. S. 391–486 (in Russian).

Arslanova F. Kh. *Ocherki srednevekovoi arkheologii Verkhnego Priirtysh'ia* [Essays on the medieval archeology of the Upper Irtysh region]. Astana, 2013. 406 s. (in Russian).

Bader O. N. Bartymskaia chasha [Bartym bowl]. *Kratkie soobshcheniia Instituta istorii material'noi kul'tury (KSIIMK)* [Brief reports of the Institute for the History of Material Culture]. XXIX. 1949. S. 84–91 (in Russian).

Baipakov K. M. *Srednevekoveye goroda Kazakhstana na Velikom Shelkovom puti* [Medieval cities of Kazakhstan on the Great Silk Road]. Almaty : Fylym Publ., 1998. 216 s. (in Russian).

Baipakov K. M., Akylbek S. Sh., Ternovaya G. A. K voprosu o religioznoi zhizni goroda Kulan v VIII–IX vv. (po materialam issledovaniia tsitadeli v 2017 g.) [On the question of the religious life of the city of Kulan in the 8th — 9th centuries (based on research materials of the citadel in 2017)]. *Narody i religii Evrazii* [Nations and religions of Eurasia]. Barnaul, 2019. 2 (19). S. 9–35 (in Russian).

Baipakov K. M., Ternovaya G. A. Legenda o Siiavushe na reznom dereve Kuiruk-tobe [The legend of Siyavush on the carved wood Kuyruk-tobe]. *Izvestiia MN-AN RK. Ser. obshchest. Nauk* [News of the Ministry of Science-Academy of Sciences of the Republic of Kazakhstan. Social Science Series]. 1998. 1 (213). S. 58–67 (in Russian).

Baipakov K. M., Ternovaya G. A. “Paradiz” v zagorodnom dvortsovom komplekse vladetelei srednevekovogo Kulana [“Paradise” in the suburban palace complex of the rulers of the medieval Kulan]. *Izvestiia MON RK, NAN RK. Seriia obshchest. Nauk* [News of the Ministry and Education of the Republic of Kazakhstan, National Academy of the Republic of Kazakhstan. Social Science Series]. Almaty, 2002. 1 (236). S. 244–268 (in Russian).

Baipakov K. M., Ternovaya G. A. *Reznaia glina Zhetysu* [Carved clay Zhetysu]. Almaty : CREDO Publ., 2004. 164 s. (in Russian).

Baipakov K. M., Ternovaya G. A. *Religii i kul'ty srednevekovogo Kazakhstana (po materialam gorodishcha Kuiryktobe)* [Religions and cults of medieval Kazakhstan (based on the materials of the settlement of Kuyryktobe)]. Almaty : Baur Publ., 2005. 236 s. (in Russian).

Baipakov K. M., Ternovaya G. A. Manikeiskii kompleks vo dvortse srednevekovogo goroda Kulan (VIII v.) [Manichean complex in the palace of the medieval city of Kulan (VIII century)]. *Narody i religii Evrazii* [Nations and religions of Eurasia]. Barnaul, 2018. 3 (16). S. 111–129 (in Russian).

Bartol'd V. V. *Ocherk istorii Semirech'ia* [Essay on the history of Semirechye]. Frunze : Kirgizgosizdat Publ., 1943. 104 s. (in Russian).

Bartol'd V. V. Turkestan v epokhu mongol'skogo nashestiia [Turkestan in the era of the Mongol invasion]. *Sochineniia. T. I* [Works. Vol. 1]. Moscow : Nauka Publ., 1963. S. 233–270 (in Russian).

Bartol'd V. V. O khristianstve v Turkestane v domongol'skii period. (Po povodu semirechenskikh nadpisei) [About Christianity in Turkestan in the pre-Mongol period. (Regarding the Semirechye inscriptions)]. *Sochineniia. T. II. Ch.2* [Works. Vol. II. Part 2]. Moscow : Nauka, 1964. S. 266–300 (in Russian).

Bartol'd V. V. Otchet o poezdke v Sredniuiu Aziyu s nauchnoi tsel'iu v 1893–1894 gg. [Report on a trip to Central Asia with a scientific purpose in 1893–1894]. *Sochineniia. T. IV* [Works. Vol. IV]. Moscow : Nauka, 1966a. S. 21–94 (in Russian).

Bartol'd V. V. Otchet o komandirovke v Sredniuiu Aziyu s nauchnoi tsel'iu [Report on a business trip to Central Asia with a scientific purpose]. *Sochineniia. T. IV* [Works. Vol. IV]. Moscow : Nauka, 1966b. S. 111–115 (in Russian).

Voitov V. E. Kamennye izvaianiia Ungetu [Stone statues of Ungetu]. *Tsentral'naia Aziia: novye pamiatniki pis'mennosti i iskusstva* [Central Asia: new monuments of writing and art]. Moscow : Nauka, 1987. S. 92–109, 327–331 (in Russian).

Volin S. Svedeniia arabskikh istochnikov IX–XVI vv. o doline r. Talas i smezhnykh raionakh [Information from Arab sources of the 9th — 16th centuries about the valley of the river Talas and adjacent areas]. *Trudy Instituta istorii, arkheologii i etnografii AN KazSSR. T. 8* [Works of the Institute of History, Archeology and Ethnography of the Academy of Sciences of the Kazakh SSR. T. 8]. Alma-Ata, 1960. S. 72–92 (in Russian).

Vostrov V. V., Mukanov M. S. *Rodoplemennoi sostav i rasselenie kazakhov (konets XIX — nachalo XX v.)* [Tribal composition and settlement of Kazakhs (late 19th — early 20th centuries)]. Alma-Ata : Nauka KazSSR Publ., 1968. 255 s. (in Russian).

Viazemskii P. P., kniaz'. *Dve stat'i: Volk i lebedi skazochnogo mira. Otdel'nyi ottisk iz "Filologicheskikh zapisok" 1876–1877 gg.* [Two articles: The wolf and the swans of the fairy world. A separate print from the "Philological Notes" 1876–1877]. Voronezh : Tip. V. I. Isaeva Publ., 1893. 98 s. (in Russian).

Grach A. D. Voprosy datirovki i semantiki drevnetiurkskikh tamgoobraznykh izobrazhenii gornogo kozla [Dating and semantics of ancient Türkic tamga-like images of a mountain goat] *Tiurkologicheskii sbornik 1972* [Turkological collection 1972]. Moscow, 1973. S. 316–333 (in Russian).

Dosymbaeva A. *Istoriia tiurkskikh narodov. Traditsionnoe mirovozzrenie tiurkov* [History of the Turkic peoples. Traditional worldview of the Turks]. Astana : Service Press Publ, 2013. 254 s. (in Russian).

Dosymbaeva A., Bondarev M. Tamgi — markery etnicheskoi kul'tury i simvoly tiurkskogo gosudarstva [Tamgi — markers of ethnic culture and symbols of the Turkic state]. *Materialy Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii "IX Dulatovskie chteniia" na temu: "M. Kh. Dulati i tiurkskii mir", posviashchennye 25-letiiu Nezavisimosti Respubliki Kazakhstan'* [Materials of the International Scientific and Practical Conference "IX Dulatov Readings" on the topic: M. Kh. Dulati and the Turkic world "dedicated to the 25th anniversary of the Independence of the Republic of Kazakhstan"]. Taraz : Taraz universiteti Publ., 2016. S. 112–119 (in Russian).

Zhdanovich O. P. Posol'stvo Zemarkha v stavku tiurkskogo kagana (perevod i kommentarii fragmentov truda Menandra Protektora) [Zemarkh's embassy at the headquarters of the Turkic kagan (translation and commentary on fragments of the work of Menander the Protector)] *Zolotoordynskoe obozrenie* [Golden Horde Review]. 2 (4). 2014. S. 6–20 (in Russian).

Zhivopis' drevnego Piandzhikenta [Painting of ancient Panjikent]. Moscow : AN SSSR Publ, 1954. 252 s. (in Russian).

Zuev Iu. A. *Rannie tiurki: ocherki istorii i ideologii* [Early Turks: Essays on History and Ideology]. Almaty : Daik-Press Publ., 2002. 338 s. (in Russian).

Zuev Iu. A. Samoe sil'noe plemia [Strongest tribe]. *Istoriko-Kul'turnye vzaimosviazi Irana i Dasht-i Kipchaka v XIII–XVIII vv. Materialy mezhdunarodnogo kruglogo stola* [Historical and Cultural Relations of Iran and Dasht-i Kipchak in the XIII–XVIII centuries. Materials of the international round table]. Almaty, 2004. S. 31–67 (in Russian).

Kliashtornyi S. G. Drevnetiurkskaia nadpis' na kamennom izvaianii iz Choirena [Ancient Türkic inscription on a stone statue from Choiren]. *Strany i narody Vostoka* [Countries and peoples of the East]. 1980. Vyp. 22. Kn. 2. S. 90–102 (in Russian).

Kliashtornyi S. G. *Pamiatniki drevnetiurkskoi pis'mennosti i etnokul'turnaia istoriia Tsentral'noi Azii* [Monuments of ancient Turkic writing and ethnocultural history of Central Asia]. Sankt-Peterburg : Nauka Publ., 2006. 591 s. (in Russian).

Komissarov S. A., Kudinova M. A. Obraz Nebesnogo Psa v kitaiskoi mifologii [The image of the Heavenly Dog in Chinese mythology]. *Vestnik Novosib. gos. un-ta. Seriia: Istoriia, filologiia* [Novosibirsk State University Bulletin. Series: History, Philology]. 2012. T. 11, vyp. 4: Vostokovedenie. S. 70–79 (in Russian).

Kyzlasov L. R. K uiasneniiu iskhodnykh pozitsii izuchenii i sberezheniia pisanits [To clarify the starting points of studying and saving petroglyphs]. *Chelovek, adaptatsiia, kul'tura* [Human, adaptation, culture]. Moscow; Tula : Grif i K Publ. 2008. S. 451–463 (in Russian).

Kyzlasov L. R. *Istoriia Tuvy v srednie veka* [History of Tuva in the Middle Ages]. Moscow : Moskovskii universitet Publ., 1969. 212 s. (in Russian).

Kyzlasov L. R. Simvol kresta u manikheev i sakral'noe prostranstvo goroda Suiaba na reke Chu [The symbol of the cross among the Manichaeans and the sacred space of the city of Suyaba on the Chu River]. *Vestnik Moskovskogo Universiteta* [Moscow University Bulletin]. Ser. 8. Istoriia. 2006. 2. S. 138–150 (in Russian).

Malov S. E. *Pamiatniki drevnetiurkskoi pis'mennosti. Teksty i issledovaniia* [Monuments of ancient Turkic writing. Texts and research]. Moscow ; Leningrad : AN SSSR Publ., 1951. 451 s. (in Russian).

Matsulevich L. A. Chasha iz Bartyma [Bowl from Bartym] *Sovetskaia arkheologiia* [Soviet archeology], 1962. 3. S. 25–32 (in Russian).

Nurzhanov A. A., Ternovaya G. A. Stoliki-dastarkhany iz arkhitekturnogo kompleksa Lugovoe G (VII–XII vv.) [Tables-dastarkhan from the architectural complex Lugovoye G (VII–XII centuries)]. *Khabarshy / Vestnik KazNPU im. Abaia. Ser. "Istoricheskie i sotsial'no-politicheskie nauki"* [Bulletin of the Abay Kazakh national pedagogical university. Series "Historical and socio-political sciences"]. Almaty, 2014. 3. S. 124–132.

Nekliudov Iu. *Geroicheskii epos mongol'skikh narodov. Ustnye i literaturnye traditsii* [The heroic epic of the Mongolian peoples. Oral and literary traditions]. Moscow : Nauka: GRVL Publ., 1984. 316 s. (in Russian).

Potapov L. P. Umai — bozhestvo drevnikh tiurkov v svete etnograficheskikh dannyykh [Umai — the deity of the ancient Turks in the light of ethnographic data]. *Tiurkologicheskii sbornik 1972* [Turkological collection 1972]. Moscow, 1973. S. 265–286 (in Russian).

Potapov L. P. Elementy religioznykh verovaniy v drevnetiurkskikh genealogicheskikh legendakh [Elements of Religious Beliefs in Ancient Türkic Genealogical Legends]. *Sovetskaia etnografiia* [Soviet ethnography] 1991. 5. S. 79–86 (in Russian).

Radlov V. V. *Atlas drevnostei Mongolii* [Atlas of Antiquities of Mongolia]. Sankt-Peterburg: tip. Imp. Akad. Nauk Publ., 1892–1899. Vyp. 1. 1892. 14 s., 70 l. il. (in Russian).

Rapoport Iu. A. Kosmogonicheskii siuzhet na khorezmiiskikh sosudakh [Cosmogonic plot on the Khorezm vessels]. *Sredniaia Aziia v drevnosti i srednevekov'e. (Istoriia i kul'tura)*

[Central Asia in antiquity and the Middle Ages. (History and culture)]. Moscow : Nauka Publ., 1977. S. 58–71 (in Russian).

Rogozhinskii A. E. Novye nakhodki pamiatnikov drevnetiurkskoi epigrafiki i monumental'nogo iskusstva na iuge i vostoке Kazakhstana [New finds of monuments of ancient Turkic epigraphy and monumental art in the south and east of Kazakhstan]. *Rol' nomadov v formirovanii kul'turnogo nasledii Kazakhstana. Nauchnye chteniia pamiati N. E. Masanova* [The role of nomads in the formation of the cultural heritage of Kazakhstan. Scientific readings in memory of N. E. Masanova]. Almaty : Print-S Publ., 2010. S. 329–344 (in Russian).

Rogozhinskii A. E. Flagi na skalakh (izorazheniia znamen v landshaftakh s petroglifami tiurkskoi epokhi Kazakhstana) [Flags on rocks (depictions of banners in landscapes with petroglyphs of the Turkic era of Kazakhstan)]. *Izobrazitel'nye tekhnologicheskie traditsii rannikh form iskusstva. 2. Pamiati E. G. Devlet. Trudy Sibirskoi Assotsiatsii issledovatelei pervobytnogo iskusstva* [The graphical technological traditions of early art forms. 2. In memory of E. G. Devlet. Proceedings of the Siberian Association of Researchers of Primitive Art. Issue XII]. Vyp. XII. Moscow; Kemerovo : Kuzbassvuzizdat Publ., 2019. S. 275–289 (in Russian).

Senigova T. N. Voprosy ideologii kul'tov Semirech'ia (VI–VIIIvv.) [Questions of the ideology of the Semirechye cults (VI–VIII centuries)]. *Novoe v arkheologii Kazakhstana* [New in the archeology of Kazakhstan]. Alma-Ata : Nauka KazSSR Publ., 1968. S. 51–67 (in Russian).

Ternovaya G. A. *Obrazy iskusstva kak istochnik po mirovozzreniiu gorodskogo naseleniia Iuzhnogo Kazakhstana i Semirech'ia VI–XII vv. (po materialam arkheologii)*. Diss. kand. ist. Nauk [Images of Art as a Source for the Worldview of the Urban Population of Southern Kazakhstan and Semirechye of the 6th — 12th centuries. (based on archeology materials). Ph. D. Thesis in History]. Almaty, 1998. 26 s. (in Russian).

Chebodaeva M. P. *Obraz Bogini Umai (Ymai) v izobrazitel'nom i dekorativnom iskusstve Khakasii* [The image of the Goddess Umai (Ymai) in the fine and decorative arts of Khakassia]. Abakan, 2019. 40 s. (in Russian).

Shan' khai tszin (Katalog gor i morei) [Shan hai jing (catalog of mountains and seas)]. Predislovie, perevod i kommentarii E. M. Ianshinoi. Moscow : Nauka: GRVL Pub., 1977. 236 s. (in Russian).

Iatsenko S. A. Kostium [Costume]. *Vostochnyi Turkestan v drevnosti i rannem srednevekov'e* [East Turkestan in antiquity and early Middle Ages]. Pod red. B. A. Litvinskogo. Moscow : Vostochnaia literatura RAN Publ., 2000. S. 296–384 (in Russian).

Hamilton J. Le colophon de l'İrq bitig [Colophon Irq bitig]. *Turcica* 7, 1975. P. 7–19 (in French).

Thomsen W. Dr. M. A. Stein s. manuscripts in Turkish “Runic” Script from Miran and TunHuang. *Journal of the Royal Asiatic Society of Great Britain and Ireland*. London, 1912. January. P. 181–227.

Статья поступила в редакцию: 12.08.2021.

Принята к публикации 20.01.2022

Дата публикации 25.03.2022

УДК 903.22

DOI: 10.14258/nreur(2022)1–02

М. Г. Сулейменов

Гуманитарный научный центр Кузбасского государственного технического университета им. Т. Ф. Горбачева, Кемерово (Россия)

А. М. Илюшин

Гуманитарный научный центр Кузбасского государственного технического университета им. Т. Ф. Горбачева, Кемерово (Россия)

КОЛЧАНЫ У СРЕДНЕВЕКОВОГО НАСЕЛЕНИЯ КУЗНЕЦКОЙ КОТЛОВИНЫ

Работа посвящена исследованию вооружения средневекового населения Кузнецкой котловины. Описываются и обобщаются случаи обнаружения колчанов в средневековых погребальных комплексах на территории Кузнецкой котловины. Эта категория предметов слабо исследована, что объясняется их плохой сохранностью и, как следствие, малой базой источников. По материалу изготовления и форме колчанов осуществляется первичная классификация находок, чья конструкция сохранилась практически полностью или может быть реконструирована. Выделены две группы и три типа берестяных колчанов. По датировке памятников, на которых были найдены колчаны, гипотетично определены периоды бытования каждого типа колчанов на территории Кузнецкой котловины. Конические колчаны с карманом бытовали в конце I тысячелетия и развитом Средневековье. Конические и цилиндрические колчаны с горизонтальным верхом использовались в развитом Средневековье. Выделенным типам колчанов приводится широкий круг аналогий из памятников раннего и развитого Средневековья сопредельных и удаленных регионов Центральной Азии. Фиксируется схожая динамика развития аналогичных типов колчанов на других территориях. Исследованные колчаны входят в предметный комплекс второй стадии развития саратовской (вторая половина VIII–X вв.) и шандинской археологической культуры (XI–XIV вв.).

Ключевые слова: Кузнецкая котловина, Средневековье, вооружение, колчан, классификация, хронология, саратовская и шандинская археологические культуры.

Цитирование статьи:

Сулейменов М. Г., Илюшин А. М. Колчаны у средневекового населения Кузнецкой котловины // Народы и религии Евразии. 2022. Т. 27, № 1. С. 32–41.

DOI: 10.14258/nreur(2022)1–02

M. G. Suleymenov*Kuzbass State Technical University named after T. F. Gorbachev, Kemerovo (Russia)*

A. M. Ilyushin*Kuzbass State Technical University named after T. F. Gorbachev, Kemerovo (Russia)*

QUIVERS FROM THE MEDIEVAL POPULATION OF THE KUZNETSK BASIN

The work is devoted to the study of weapons of the medieval population of the Kuznetsk basin. Cases of the discovery of quivers in medieval funeral complexes on the territory of the Kuznetsk basin are described and summarized. This category of items is poorly researched, which is due to the poor safety of these items and, as a result, a small source base. According to the material of manufacture and the shape of the quivers, the primary classification of finds is carried out, whose design has been preserved almost completely or can be reconstructed. Two groups and three types of birch bark quivers are distinguished. According to the dating of the monuments on which the quivers were found, the periods of existence of each type on the territory of the Kuznetsk basin are hypothetically determined. Conical quivers with a pocket existed at the end of the 1st millennium and the developed Middle Ages. Conical and cylindrical quivers with a horizontal top were used in the developed Middle Ages. A wide range of analogies from monuments of the early and developed Middle Ages from neighboring and remote territories of Central Asia are given to the selected types of quivers. A similar dynamics of the development of similar types of quivers in other territories is recorded. The studied quivers are part of the subject complex of the second stage of development of the Saratov (second half of the VIII–X centuries) and Shanda archaeological culture (XI–XIV centuries).

Key words: Kuznetsk basin, Middle Ages, armament, quiver, classification, chronology, Saratov and Shandin archaeological cultures.

For citation:

Ilyushin A. M., Suleymenov M. G. Quivers from the medieval population of the Kuznetsk basin. Nations and religions of Eurasia. 2022. T. 27, № 1. P. 32–41. DOI: 10.14258/nreur(2022)1–02

Сулейменов Марат Гарифулович, научный сотрудник Гуманитарного научного центра Кузбасского государственного технического университета имени Т. Ф. Горбачева, Кемерово (Россия). **Адрес для контактов:** marat_suleymenov@mail.ru

Илюшин Андрей Михайлович, доктор исторических наук, директор Гуманитарного научного центра Кузбасского государственного технического университета имени Т. Ф. Горбачева, Кемерово (Россия). **Адрес для контактов:** ilushin1963@mail.ru

Suleymenov Marat Garifulovich, Researcher of the Humanitarian Research Center of the Kuzbass State Technical University named after T. F. Gorbachev, Kemerovo (Russia).

Contact address: marat_suleymenov@mail.ru ORCID: 0000-0001-6038-8009

Ilyushin Andrey Mikhailovich, Doctor of Historical Sciences, Director of the

Humanitarian Research Center of the Kuzbass State Technical University named after T. F. Gorbachev, Kemerovo (Russia). **Contact address:** ilushin1963@mail.ru ORCID: 0000-0001-9937-646X

Введение

При изучении истории средневекового вооружения и военного дела на территории Кузнецкой котловины одним из наименее исследованных предметов воинского снаряжения являются колчаны. Это обусловлено тем, что эти предметы экипировки воина-лучника изготавливались из органических материалов (кожи или бересты) и редко сохранялись в почве, за исключением случаев, когда после попадания в грунт к ним был прекращен доступ кислорода. При исследовании средневековых погребальных памятников в Кузнецкой котловине были выявлены единичные случаи находок этих изделий, но обобщающей работы до сих пор нет. Археологические материалы указывают на то, что лук и стрелы в эпоху Средневековья у населения этого региона являлись ведущим видом вооружения [Илюшин, 2010: 120–133; Илюшин, Сулейменов, 2021: 210–215]. Поэтому настоящая статья посвящена обобщающему исследованию колчанов, обнаруженных при исследовании средневековых археологических памятников на территории Кузнецкой котловины, которые являлись обязательным аксессуаром экипировки конного и пешего воина-лучника. При проведении исследования использовались методы описания, типологической классификации, типолого-хронологического и сравнительно-исторического анализов. В качестве источников исследования выступают находки колчанов на средневековых археологических памятниках Кузнецкой котловины.

Основы классификации колчанов и материалы исследования

Колчан — это вид снаряжения пешего и конного лучника, предназначенный для ношения и хранения стрел. Конструктивно колчан имеет приемник (футляр), куда укладываются стрелы, днище для закрепления нижней части стенок колчана, горловину, оформляющую верхнюю часть приемника колчана, в отдельных случаях встречается карман в виде стенки над тыльной стороной горловины. Колчан мог быть открытым или закрытым, в зависимости от наличия крышки — детали горловины, закрывающей приемник сверху [Худяков, 1979: 190–191; 1980: 112]. В основе выделения категории «классы» при классификации колчанов лежит материал, из которого изготовлен приемник, форма приемника и оформление его верхней части — горловины [Николаев, 2006: 284]. Группы выделяются по общей форме приемника [Горбунов, 2006: 45; Медведев, 1966: 19–20; Худяков, 1986: 190], а типы — по оформлению верха приёмника (горловины) [Горбунов, 2006: 46; Худяков, 1980: 112–113].

Найденные в Кузнецкой котловине колчаны по материалу изготовления были отнесены к двум классам — берестяные и кожаные. Второй класс (кожаные колчаны) выделяется гипотетично, по расположению стрел в захоронениях воинов, но при этом деревянный каркас и кожаная обшивка колчанов в этих могилах не сохранились [Илюшин, 2012: 43; Илюшин, Сулейменов, 2007: 82].

Все выявленные остатки средневековых колчанов в Кузнецкой котловине по материалу изготовления относятся к одному классу — берестяные, а по форме приемника и оформлению горловины они подразделяются на группы и типы.

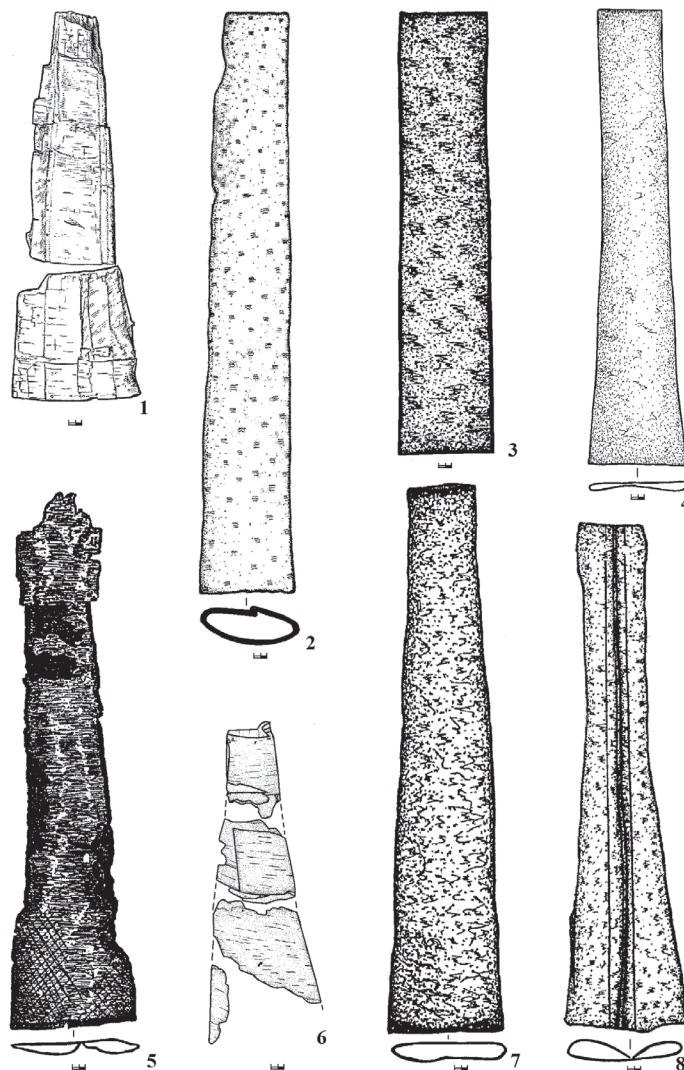

Рис. 1. Находки берестяных колчанов на средневековых памятниках Кузнецкой котловины: 1 — Сапогово, 2 — Беково, 3 — Солнечный — 1, 4 — Конево, 5, 7, 8 — Торопово-1, 6 — Конево
Fig. 1. Finds of birch bark quivers on medieval monuments of the Kuznetsk basin: 1 — Sapogovo, 2 — Bekovo, 3 — Solnechny-1, 4 — Konevo, 5, 7, 8 — Toropovo-1, 6 — Konevo

Группа 1. Конические. Включает 2 типа.

Тип 1. С карманом. Насчитывает 2 экземпляра (рис. 1.-1, 8). Первый экземпляр был найден в кургане № 19 на могильнике Сапогово (вторая половина VIII — первая поло-

вина IX в.) [Илюшин, Сулейменов, Гузь, Стародубцев, 1992: рис. 54.-1). Размеры тулова этого колчана составляют 58×22×10,5 см, а его кармана — 9×8 см. Второй экземпляр был выявлен в могиле 3 кургана № 1 на могильнике Торопово-1 (XIII–XIV вв.) [Илюшин, 1999: рис. 5.-10]. Размеры тулова этого колчана составляли 68,7×17,5×9,3 см, а размер кармана — 5×8 см. В последнем случае в колчане были обнаружены пять наконечников стрел остриями вверх и три наконечника остриями вниз. Конструктивно колчаны многооборотные по количеству слоев бересты тулова, с дополнительным оборачиванием берестой приемника и укрепления выступающего кармана.

Тип 2. С горизонтальным верхом (рис. 1.-2, 4, 5, 6, 7). Насчитывает пять экземпляров. Первый экземпляр был найден в могиле 2 кургана № 9 могильника Беково (XI–XII вв.) [Илюшин, 1993: 39, рис. 49.-1]. Размеры его тулова 91,4×15,5×10 см. Два экземпляра колчанов этого типа были обнаружены в могиле 8 кургана № 9 и могиле 8 кургана № 10 на могильнике Торопово-1 (XIII–XIV вв.) [Илюшин, 1999: рис. 50.-1; 55.-5]. Размеры тулова первого из них составляют 71,3×17,5×8,1 см. В этом колчане были обнаружены три наконечника стрел остриями вверх и один — острием вниз. Размеры тулова второго колчана из Торопово-1 — 74,3×15,6×9,7 см. В нем тоже были обнаружены семь наконечников стрел, которые располагались остриями вниз. Четвертый и пятый экземпляры колчанов этого типа были найдены в могиле 2 кургана № 1 и в могиле 9 кургана № 4 курганной группы Конево (рубеж XII–XIII вв.) [Илюшин, 2012: 70, рис. 9.-35; рис. 54.-8; Илюшин, Сулейменов, 2007: рис. 1.-29]. Размеры тулова первого колчана составляют 70×14,3×9,7 см, а второго — 44,8×16×6,0 см. В колчане из кургана № 1 было зафиксировано тринадцать наконечников стрел, которые располагались остриями в противоположные стороны.

Группа 2. Цилиндрические. Насчитывает один тип.

Тип. 1. С горизонтальным верхом. Включает один экземпляр (рис. 1.-3). Колчан этого типа был найден в могиле 1 кургана № 3 на курганной группе Солнечный-1 (XII–XIII вв.) [Сулейменов, 2008: рис. 1.-24]. Размеры его тулова 66×14,5 см. Конструктивно выполнен из листа бересты в один оборот.

Сравнительный анализ

Из 8 средневековых колчанов, найденных в Кузнецкой котловине, по количеству (7 экз.) преобладают изделия первой группы, имеющие коническую форму. Первый тип этой группы (с карманом) был зафиксирован на памятниках, датированных второй половиной VIII — первой половиной IX в. и XIII–XIV вв., что позволяет предполагать использование этих изделий в регионе с конца I тысячелетия и на протяжении всего периода развитого Средневековья. В пользу этой датировки указывают находки колчанов этого типа в Центральной Азии и Западной Сибири. Аналогичные колчаны известны в материалах древнетюркской культуры Минусинской котловины, Тувы и Горного Алтая VII–X вв., у уйгуров Минусинской котловины конца I тыс. и у кимаков в Приобья IX–X вв., на памятниках развитого Средневековья лесостепного и Горного Алтая, а также у курыкан и байырку Прибайкалья и Забайкалья в VI–X вв., на памятниках монгольского времени кочевников Восточного Забайкалья и предтаёжного Обь-Иртышья (XIII–XIV вв.) [Горбунов, 2006: рис. 39.-4; Молодин, Соловьёв, 2004: 124, табл. V.-1, А, Б; Худяков, 1986: рис. 66.-71, 77, 91; 1991: рис. 7.-20; 69.-1; Худяков, Мякинников, 1991: рис. 1.-5–9].

Второй тип конических колчанов со срезанным верхом количественно преобладает среди всех выделенных типов средневековых колчанов в Кузнецкой котловине. Остатки этих изделий были найдены на трех памятниках, которые датируются разными интервалами в пределах XI–XIV вв. Это позволяет предполагать время их бытования на территории Кузнецкой котловины на протяжении всего развитого Средневековья. Косвенно эту датировку подтверждают аналогичные находки с других территорий Евразии. Этот тип колчанов известен на памятниках развитого Средневековья восточных кыпчаков Восточного Казахстана, у кыпчаков Приуралья (XII–XIV вв.) и кочевников Тянь-Шаня XIII–XIV вв. [Акматов, Табалдиев, 2017: рис. 3.-1; 7.-16; 8; Иванов, 1987: рис. 2.-1; Иванов, Кригер, 1988: рис. 2.-3; Худяков, 1997: рис. 74.-1].

Цилиндрические колчаны (группа 2) представлены одним типом с горизонтальным верхом, который был найден в единичном случае в закрытом комплексе, датированном XII–XIII вв. Это позволяет предполагать, что подобные изделия использовались населением Кузнецкой котловины в развитом Средневековье. В Центральной Азии этот тип колчанов известен в погребениях древнетюркского времени Среднего Енисея VI–IX вв., у кыштымов Минусинской котловины XI–XIV вв., на Алтае, в Приобье и Казахстане XIII–XIV вв.; в Южном Приангарье и Приольхонье XII–XIV вв., а также на памятниках монгольского времени (XI–XIV вв.) Забайкалья и Монголии [Николаев, 2006: 284, рис. 2; Овчинникова, 1990: рис. 36.-11; Худяков, 1991: рис. 69.-2, 3; Худяков, 1997: рис. 24; 45; 76; Худяков, Мякинников, 1991: рис. 1.-1–3].

Среди выделенных средневековых археолого-этнографических комплексов (АЭК) и археологических культур (АК) в Кузнецкой котловине найденные колчаны распределяются неравномерно. Лишь одна находка (рис. 1.-1) раннего Средневековья на курганном могильнике Сапогово (группа 1, тип 1) относится к кругу памятников АЭК, погребенных по обряду кремации на стороне, относимых ко второй стадии развития саратовской АК (вторая половина VIII–X вв.) [Илюшин, 2005: 87, табл. 4.-113]. Остальные экземпляры колчанов (группа 1, типы 1 и 2, группа 2, тип 1) происходят из АЭК, погребенных по обряду трупоположения с тушей или шкурой коня (XI–XIV вв.) (рис. 1.-2–4, 6–8) и АЭК, погребенных по обряду трупобожения с тушей или шкурой коня (XIII–XIV вв.) (рис. 1.-5), которые относятся к шандинской АК XI–XIV вв. [Илюшин, 2005: 101, табл. 13.-69; 16.-26, 27; 18.-31].

Заключение

Средневековые берестяные колчаны в Кузнецкой котловине представлены единичными находками на погребальных памятниках — Сапогово, Торопово-1, Солнечный-1, Конево и Беково. Наибольшее количество колчанов было найдено на курганном могильнике Торопово-1. В процессе классификации этих материалов были выделены две группы и три типа колчанов. Лишь один тип с карманом первой группы бытовал в раннем и развитом Средневековье. Два других типа колчанов с горизонтальным верхом первой и второй группы бытовали в период развитого Средневековья. Периоды бытования выделенных типов средневековых берестяных колчанов в Кузнецкой котловине в целом совпадают с периодами бытования аналогичных изделий в Центральной Азии и на сопредельных территориях. Опубликованные находки были зафиксирова-

ны во всех трех ранее выделенных средневековых АЭК в Кузнецкой котловине и в материалах саратовской и шандинской АК. Наибольшее количество колчанов было найдено в АЭК, погребенных по обряду труположения с тушей или шкурой коня (XI–XIV вв.), который отождествляется с культурой восточных кыпчаков. В целом, опубликованная и исследованная коллекция находок берестяных колчанов расширяет кругозор исследователей истории военного дела и вооружения средневекового населения Кузнецкой котловины и Центральной Азии.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Акматов К. Т., Табалдиев К. Ш. Комплекс вооружения кочевников Тянь-Шаня в монгольское время (по археологическим данным) // Теория и практика археологических исследований. Барнаул, 2017. № 3 [19]. С. 7–20.

Горбунов В. В. Военное дело населения Алтая в III–XIV вв. Ч II: Наступательное вооружение (оружие). Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2006. 232 с.

Иванов В. А. Вооружение средневековых кочевников Южного Урала и Приуралья // Военное дело древнего населения Северной Азии. Новосибирск : Наука, 1987. С. 172–189.

Иванов В. А., Кригер В. А. Курганы кыпчакского времени на Южном Урале (XII–XIV вв.). М. : Наука, 1988. 92 с.

Илюшин А. М. Курганы средневековых кочевников долины реки Бачат. Кемерово : Кузбассвузиздат, 1993. 116 с.

Илюшин А. М. Население Кузнецкой котловины в период развитого Средневековья (по материалам раскопок курганного могильника Торопово-1). Кемерово : Изд-во КузГТУ, 1999. 208 с.

Илюшин А. М. Этнокультурная история Кузнецкой котловины в эпоху Средневековья. Кемерово : Изд-во КузГТУ, 2005. 240 с.

Илюшин А. М. Железные наконечники стрел из средневековых курганов Кузнецкой котловины // Известия Алтайского государственного университета. 2010. № 4/1. С. 120–133.

Илюшин А. М. Курганы поздних кочевников близ устья Ура. Кемерово : Изд-во КузГТУ, 2012. 188 с.

Илюшин А. М., Сулейменов М. Г. Комплекс вооружения кочевников развитого Средневековья на курганной группе Конево // Вестник Кузбасского государственного технического университета. 2007. № 4. С. 79–83.

Илюшин А. М., Сулейменов М. Г. Средневековые луки из могил средневековых кочевников Кузнецкой котловины // Археология Северной и Центральной Азии: новые открытия и результаты междисциплинарных исследований. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2021. С. 210–215.

Илюшин А. М., Сулейменов М. Г., Гузь В. Б., Стародубцев А. Г. Могильник Сапогово — памятник древнетюркской эпохи в Кузнецкой котловине. Новосибирск : Изд-во НГУ, 1992. 126 с.

Медведев А. Ф. Ручное метательное оружие (лук и стрелы, самострел) VIII–XIV вв. // САИ. Вып. Е 1–36. М. : Наука, 1966. 182 с.

Молодин В. И., Соловьев А. И. Памятник Сопка-2 на реке Оми. Т. 2: Культурно-хронологический анализ погребальных комплексов эпохи Средневековья. Новосибирск : ИАЭТ СО РАН, 2004. 184 с.

Николаев В. С. Колчаны кочевников Предбайкалья и Прибайкалья в XII–XIV вв. // Известия лаборатории древних технологий. № 4. Иркутск : ИрГТУ, 2006. С. 284–298.

Овчинникова Б. Б. Тюркские древности Саяно-Алтая в VI–X вв. Свердловск : УрГУ, 1990. 223 с.

Сулейменов М. Г. Средневековый комплекс вооружения кочевников Кузнецкой котловины (по материалам курганный группы Солнечный-1) // Древние и средневековые кочевники Центральной Азии. Барнаул : Азбука, 2008. С. 93–96.

Табалдиев К., Солтобаев О. Предметы вооружения из погребений Центрального Тянь-Шаня // Военное дело и средневековая археология Центральной Азии. Кемерово : Кузбассвуиздат, 1995. С. 108–124.

Худяков Ю. С. Основные понятия оружейведения // Новое в археологии Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск : Наука, 1979. С. 184–193.

Худяков Ю. С. Вооружение енисейских кыргызов VI–XII вв. Новосибирск : Наука, 1980. 176 с.

Худяков Ю. С. Вооружение средневековых кочевников Южной Сибири и Центральной Азии. Новосибирск : Наука, 1986. 226 с.

Худяков Ю. С. Вооружение центрально-азиатских кочевников в эпоху раннего и развитого Средневековья. Новосибирск : Наука, 1991. 192 с.

Худяков Ю. С. Вооружение кочевников Южной Сибири и Центральной Азии в эпоху развитого Средневековья. Новосибирск : Изд-во ИАЭ СО РАН, 1997. 160 с.

Худяков Ю. С., Мякинников В. В. Колчаны древних тюрков Среднего Енисея // Проблемы средневековой археологии Южной Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск : Изд-во НГУ, 1991. С. 60–66.

REFERENCES

Akmatov K. T., Tabaldiev K. Sh. Kompleks vooruzheniia kochevnikov Tian' — Shania v mongol'skoe vremia (po arkheologicheskim dannym) [A complex of arms of nomads of Tien Shan in the Mongolian time (according to archaeological data)]. *Teoriia i praktika arkheologicheskikh issledovanii* [Theory and practice of archaeological research]. Barnaul, 2017. № 3 [19]. S. 7–20 (in Russian).

Gorbunov V. V. *Voennoe delo naseleniia Altaia v III–XIV vv. Ch. II: Nastupatel'noe vooruzhenie (oruzhie)* [Military science of the population of Altai in the III–XIV centuries. Part II: Offensive weapon]. Barnaul : Izd-vo Alt. un-ta, 2006. 232 s. (in Russian).

Ivanov V. A. Vooruzhenie srednevekovykh kochevnikov Iuzhnogo Urala i Priural'ia [Arms of medieval nomads of South Ural and Cisural area]. *Voennoe delo drevnego naseleniia Severnoi Azii* [Military science of the ancient population of Northern Asia]. Novosibirsk : Nauka, 1987. S. 172–189 (in Russian).

Ivanov V. A., Kriger V. A. *Kurgany kypchakskogo vremeni na Iuzhnom Urale (XII–XIV vv.)* [Barrows of kypchaksky time in South Ural (XII–XIV centuries)]. M. : Nauka, 1988. 92 s. (in Russian).

Ilyushin A. M. *Kurgany srednevekovykh kochevnikov doliny reki Bachat* [Barrows of medieval nomads of the valley of the Bachat River]. Kemerovo: Kuzbassvuzizdat, 1993. 116 s. (in Russian).

Ilyushin A. M. *Naselenie Kuznetskoi kotloviny v period razvitogo srednevekov'ia (po materialam raskopok kurgannogo mogil'nika Toropovo-1)* [The population of Kuznetsk Depression in the period of the developed Middle Ages (on materials of excavation of the kurganny burial ground Toropovo-1)]. Kemerovo : Izd-vo KuzGTU, 1999. 208 s. (in Russian).

Ilyushin A. M. *Etnokul'turnaia istoriia Kuznetskoi kotloviny v epokhu srednevekov'ia* [Ethnocultural history of Kuznetsk Depression during a Middle Ages era]. Kemerovo : Izd-vo KuzGTU, 2005. 240 s. (in Russian).

Ilyushin A. M. Zheleznye nakonechniki strel iz srednevekovykh kurganov Kuznetskoi kotloviny [Iron tips of arrows from medieval barrows of Kuznetsk Depression]. *Izvestiia Altaiskogo gosudarstvennogo universiteta* [News of the Altai state university]. 2010. № 4/1. S. 120–133 (in Russian).

Ilyushin A. M. *Kurgany pozdnykh kochevnikov bliz ust'ia Ura* [Barrows of late nomads near the mouth of Ur]. Kemerovo : Izd-vo KuzGTU, 2012. 188 s. (in Russian).

Ilyushin A. M., Suleymenov M. G. Kompleks vooruzheniia kochevnikov razvitogo srednevekov'ia na kurgannoi gruppe Konevo [A complex of arms of nomads of the developed Middle Ages on kurganny group of Konevo]. *Vestnik Kuzbasskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta* [Messenger of the Kuzbass state technical university]. 2007. № 4. S. 79–83 (in Russian).

Ilyushin A. M., Suleymenov M. G. Srednevekovye luki iz mogil srednevekovykh kochevnikov Kuznetskoi kotloviny [Medieval onions from graves of medieval nomads of Kuznetsk Depression]. *Arkheologiya Severnoi i Tsentral'noi Azii: novye otkrytiia i rezul'taty mezhdistitsiplinarnykh issledovanii* [Archeology of Northern and Central Asia: new opening and results of cross-disciplinary researches]. Barnaul : Izd-vo Alt. un-ta, 2021. S. 210–215 (in Russian).

Ilyushin A. M., Suleymenov M. G., Guz' V. B., Starodubtsev A. G. *Mogil'nik Sapogovo — pamiatnik drevnetiurkskoi epokhi v Kuznetskoi kotlovine* [Mogilnik Sapogovo — a monument of an Old Turkic era in Kuznetsk Depression]. Novosibirsk : Izd-vo NGU, 1992. 126 s. (in Russian).

Medvedev A. F. *Ruchnoe metatel'noe oruzhie (luk i strely, samostrel) VIII–XIV vv.* [Person-portable throwing weapon (onions and arrows, self-arrows) the VIII–XIV centuries]. M. : Nauka, 1966. SAI. Vyp. E1–36. 182 s. (in Russian).

Molodin V. I., Solov'ev A. I. *Pamiatnik Sopka-2 na reke Omi. T. 2. Kul'turno-khronologicheskii analiz pogrebal'nykh kompleksov epokhi srednevekov'ia* [A monument the Hill-2 on the Om River. T. 2. Cultural and chronological analysis of funeral complexes of an era of the Middle Ages]. Novosibirsk : IAET SO RAN, 2004. 184 s. (in Russian).

Nikolaev V. S. *Kolchany kochevnikov Predbaikal'ia i Pribaikal'ia v XII–XIV vv.* [Quivers of nomads Predbaykalya and Baikal region in the XII–XIV centuries] *Izvestiia laboratorii drevnikh tekhnologii*. № 4 [News of laboratory of ancient technologies. No. 4.]. Irkutsk : IrGTU, 2006. S. 284–298 (in Russian).

Ovchinnikova B. B. *Tiurkskie drevnosti Saiano-Altai v VI–X vv.* [Turkic antiquities of Sayano-Altai in the VI–X centuries]. Sverdlovsk : UrGU, 1990. 223 s. (in Russian).

Suleymenov M. G. Srednevekovyi kompleks vooruzheniia kochevnikov Kuznetskoi kotloviny (po materialam kurgannoi gruppy Solnechnyi-1) [A medieval complex of arms of nomads of Kuznetsk Depression (on materials of kurganny Solar-1 group)]. *Drevnie i srednevekovye kochevniki Tsentral'noi Azii* [Ancient and medieval nomads of Central Asia]. Barnaul : Azbuka, 2008. S. 93–96 (in Russian).

Tabaldiev K., Soltobaev O. Predmety vooruzheniia iz pogrebenii Tsentral'nogo Tian' — Shania [Arms objects from burials of the Central Tien Shan]. *Voennoe delo i srednevekovaia arkhologiiia Tsentral'noi Azii* [Military science and medieval archeology of Central Asia]. Kemerovo : Kuzbassvuzizdat, 1995. S. 108–124 (in Russian).

Khudiakov Iu. S. Osnovnye poniatii oruzhievideniia [The basic concepts of an oruzhiyevideniye]. *Novoe v arkhologii Sibiri i Dal'nego Vostoka* [New in archeology of Siberia and the Far East]. Novosibirsk : Nauka, 1979. S. 184–193. (in Russian).

Khudiakov Iu. S. *Vooruzhenie eniseiskikh kyrgyzov VI–XII vv.* [Arms of the Yenisei Kyrgyz of the VI–XII centuries]. Novosibirsk : Nauka, 1980. 176 s. (in Russian).

Khudiakov Iu. S. *Vooruzhenie srednevekovykh kochevnikov Iuzhnoi Sibiri i Tsentral'noi Azii* [Arms of medieval nomads of Southern Siberia and Central Asia]. Novosibirsk : Nauka, 1986. 226 s. (in Russian).

Khudiakov Iu. S. *Vooruzhenie tsentral'no-aziatskikh kochevnikov v epokhu rannego i razvitogo srednevekov'ia* [Arms of the Central Asian nomads during an era of the early and developed Middle Ages]. Novosibirsk : Nauka, 1991. 192 s. (in Russian).

Khudiakov Iu. S. *Vooruzhenie kochevnikov Iuzhnoi Sibiri i Tsentral'noi Azii v epokhu razvitogo srednevekov'ia* [Arms of nomads of Southern Siberia and Central Asia during an era of the developed Middle Ages]. Novosibirsk : Izd-vo IAE SO RAN, 1997. 160 s. (in Russian).

Khudiakov Iu. S., Miakinnikov V. V. Kolchany drevnikh tiurok Srednego Eniseia [Quivers ancient tyurok of the Average of Yenisei]. *Problemy srednevekovoi arkhologii Iuzhnoi Sibiri i sopredel'nykh territorii* [Problem of medieval archeology of Southern Siberia and adjacent territories]. Novosibirsk : Izd-vo NGU, 1991. S. 60–66 (in Russian).

Сокращения

АК — археологическая культура

АЭК — археолого-этнографический комплекс

ИАЭт СО РАН — Институт археологии и этнографии Сибирского отделения Российской академии наук

ИАЭ СО РАН — Институт археологии и этнографии Сибирского отделения Российской академии наук

КузГТУ — Кузбасский государственный технический университет

НГУ — Новосибирский государственный университет

САИ — Свод археологических источников

УрГУ — Уральский государственный университет

Статья поступила в редакцию: 20.06.2021.

Принята к публикации 15.01.2022.

Дата публикации 25.03.2022.

УДК 902/904

DOI: 10.14258/nreur(2022)1–03

Н. Н. Серегин

Алтайский государственный университет, Барнаул (Россия)

М. А. Демин

Алтайский государственный педагогический университет, Барнаул (Россия)

С. С. Матренин

*Барнаульский юридический институт Министерства внутренних дел
Российской Федерации, Барнаул (Россия)*

КОМПЛЕКС УКРАШЕНИЙ КОЧЕВНИКОВ СЕВЕРНОГО АЛТАЯ ЭПОХИ ВЕЛИКОГО ПЕРЕСЕЛЕНИЯ НАРОДОВ (ПО МАТЕРИАЛАМ ПАМЯТНИКА КАРБАН-I)

Статья посвящена публикации результатов изучения серии украшений, обнаруженных в ходе раскопок погребений булан-кобинской культуры памятника Карбан-I. Данный комплекс, расположенный в Чемальском районе Республики Алтай, частично исследован в 1989–1990 гг. Полученная коллекция изделий из четырех мужских (курганы № 9, 11, 14, 33), двух женских (курганы № 10, 15) и одного детского (курган № 19) захоронений представлена разнообразными предметами, которые использовались для декоративного оформления прически, головных уборов и верхней плечевой одежды. Осуществлен анализ блях-нашивок (6 экз.), серег (2 экз.), подвесок (2 экз.), наконечников (2 экз.), бусин (43 экз.) и гривны. Установлено, что рассматриваемые изделия имеют значительное количество аналогий в сопроводительном инвентаре погребений, исследованных на территории Северного Алтая. Выявленные общие и единичные случаи размещения бус свидетельствуют об их использовании преимущественно в качестве подвесок и реже как нашивок на женский головной убор. Зафиксированная вариативность состава украшений в захоронениях некрополя Карбан-I, очевидно, демонстрирует специфику прижизненного статуса умерших людей. Анализ хронологически информативных морфологических признаков изделий позволяет определить датировку большинства предметов в рамках сянбийского времени (II — первая половина IV в. н.э.).

Ключевые слова: Алтай, украшения, эпоха Великого переселения народов, булан-кобинская культура, хронология, социальная история.

Цитирование статьи:

Серегин Н. Н., Демин М. А., Матренин С. С. Комплекс украшений кочевников Северного Алтая эпохи Великого переселения народов (по материалам памятника Карбан-I) // Народы и религии Евразии. 2022. Т. 27, № 1. С. 42–59.
DOI: 10.14258/nreur(2022)1–03

N. N. Seregin

Altai State University, Barnaul (Russia)

M. A. Demin

Altai State Pedagogical University, Barnaul (Russia)

S. S. Matrenin

Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation Barnaul (Russia)

DECORATION COMPLEX OF NORTH ALTAI NOMADS IN THE GREAT MIGRATION PERIOD (ON THE MATERIALS OF KARBAN-I SITE)

The article presents the results of the study of decorations discovered during excavations of the Bulan-Koby culture burials in the Karban-I necropolis. This complex, located in the Chermal region of the Altai Republic, was partially explored in 1989–1990. The collection of finds from four male (mounds No. 9, 11, 14, 33), two female (mounds No. 10, 15) and one children's (mound No. 19) burials is represented by a variety of items that were used to decorate hair, hats and upper shoulder garment. The analysis of badges-strips (6 pieces), earrings (2 pieces), pendants (2 pieces), braces (2 pieces), beads (43 pieces) and torcs. It has been established that the items under consideration have a significant number of analogies in the accompanying inventory of burials excavated in the territory of Northern Altai. The revealed common and rare cases of placing beads indicate their use mainly as pendants and, less often, as stripes on women's headwear. The recorded variability in the composition of decorations in the burials of the Karban-I necropolis, obviously, demonstrates the specificity of the lifetime status of deceased people. The analysis of chronologically informative morphological features of the items makes it possible to determine the dating of most items within the Xianbei period (II — first half of the IV centuries AD).

Keywords: Altai, decorations, Great Migration period, Bulan-Koby culture, chronology, social history.

For citation:

Seregin N. N., Demin M. A., Matrenin S. S. Decoration complex of North Altai nomads in the Great migration period (on the materials of Karban-I site). Nations and religions of Eurasia. 2022. T. 27, № 1. P. 42–59. DOI: 10.14258/nreur(2022)1–03.

Серегин Николай Николаевич, доктор исторических наук, доцент кафедры археологии, этнографии и музеологии Алтайского государственного университета, Барнаул (Россия). **Адрес для контактов:** nikolay-seregin@mail.ru

Демин Михаил Александрович, доктор исторических наук, профессор кафедры отечественной истории Алтайского государственного педагогического университета, Барнаул (Россия). **Адрес для контактов:** mademin52@mail.ru

Матренин Сергей Сергеевич, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и философии Барнаульского юридического института МВД России, Барнаул (Россия). **Адрес для контактов:** matrenins@mail.ru

Seregin Nikolay Nikolaevich, Doctor of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of Archeology, Ethnography and Museology of Altai State University, Barnaul (Russia). **Contact address:** nikolay-seregin@mail.ru ORCID: 0000–0002–8051–7127

Demin Mikhail Alexandrovich, Doctor of Historical Sciences, Professor of the Department of Russian History of Altai State Pedagogical University, Barnaul (Russia). **Contact address:** mademin52@mail.ru. ORCID: 0000–0003–0954–9297.

Matrenin Sergey Sergeevich, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the History and Philosophy of Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Barnaul (Russia). **Contact address:** matrenins@mail.ru. ORCID: 0000–0001–7752–2470

Введение

Комплекс украшений номадов Алтая эпохи Великого переселения народов представлен обширной и разнообразной серией вещественных материалов, обнаруженных в процессе раскопок объектов бело-бомского (II в. — первая половина IV в. н.э.) и верх-уймонского (вторая половина IV — первая половина V в. н.э.) этапов булан-кобинской культуры. В течение последних двадцати лет многие зафиксированные категории декоративных предметов были проанализированы в рамках обобщающих статей и монографий [Трифанова, 2004, 2005а–в, 2006; Тетерин, 2001, 2005; Худяков, 2014; Тишкин, Матренин, Шмидт, 2018: 139–147; Трифанова, Соенов, 2019]. Результаты проведенных исследований демонстрируют информативность украшений для уточнения относительной хронологии погребальных памятников обозначенного региона, исследования процессов взаимодействия «булан-кобинцев» с народами Центральной и Средней Азии, а также для осуществления социальных реконструкций.

Несмотря на имеющийся положительный опыт изысканий в обозначенном направлении, весьма актуальной остается проблема выделения и изучения традиций изготовления украшений отдельными локальными группами скотоводов Алтая эпохи Велико-

го переселения народов, а также интерпретации общих, особенных и единичных черт декоративного оформления костюма людей, относившихся к разным половозрастным и социальным группам. Важным фактором, определяющим возможность рассмотрения обозначенных вопросов, является полноценная публикация материалов раскопок некрополей булан-кобинской культуры. Настоящая статья посвящена введению в научный оборот результатов изучения коллекции украшений кочевников Северного Алтая, сформированной в процессе археологических работ на некрополе Карбан-I.

Рис. 1. Расположение погребально-поминального комплекса Карбан-I

Fig. 1. Location of the burial and memorial complex Karban-I

Характеристика источников

Погребально-поминальный комплекс Карбан-I находится в Чемальском районе Республики Алтай, в 1,7 км к северо-западу от с. Куюс, на левом берегу реки Катунь (рис. 1). В 1989–1990-х гг. аварийные раскопки на памятнике осуществлены экспедицией Барнаульского государственного педагогического института (ныне Алтайский государственный педагогический университет) под руководством М. А. Демина. В результате данных работ был частично раскопан могильник булан-кобинской культуры, содержащий захоронения по обряду одиночной ингумации с ориентировкой умерших людей головой на север — северо-запад, преимущественно в каменных ящиках [Контев, 1991; Серегин, Демин, Матренин, 2021]. В семи непотревоженных погребениях данно-

го некрополя обнаружены украшения, выполненные из разного материала (цветной металл, железо, минералы, кость, раковины) (рис. 2–3). Данные изделия входили в состав сопроводительного инвентаря четырех мужчин, двух женщин и одного ребенка. В процессе полевого изучения документированы ситуации размещения декоративных предметов *in situ* в следующих объектах.

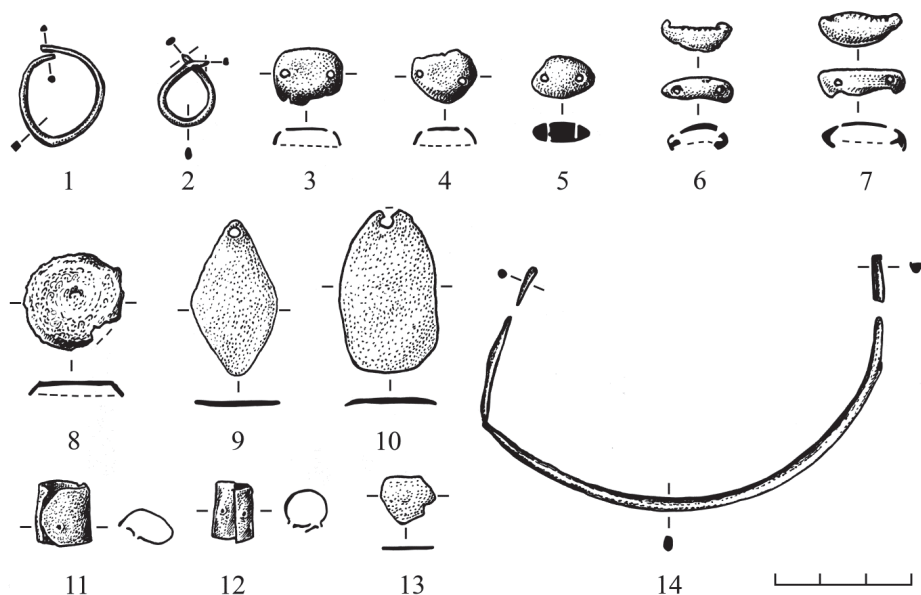

Рис. 2. Украшения из некрополя Карбан-І. 1, 4–8, 13 — курган № 10; 2 — курган № 15; 9–12 — курган № 11; 14 — курган № 19

Fig. 2. Jewelry from the Karban-I necropolis. 1, 4–8, 13 — mound No. 10; 2 — mound No. 15; 9–12 — mound No. 11; 14 — mound No. 19

Курган № 9. В захоронении мужчины, в области груди умершего, лежала крупная каменная бусина белого цвета (рис. 3.-3). Еще три бусины меньшего размера (рис. 3.-16, 31, 42) обнаружены возле нижней челюсти.

Курган № 10. В могиле расчищен скелет женщины, у которой в районе груди найдена кольцевидная серьга из цветного металла (рис. 2.-1). Внутри погребальной камеры в виде каменного ящика за черепом умершей на протяжении полуметра находилось свободное пространство, в котором зафиксированы декоративные детали головного убора. Среди них преобладали (29 экз.) каменные белые бусы небольшого размера (рис. 3.-6–10, 17–27, 29–30, 32–41, 43), лежавшие без видимого порядка. Ближе к черепу зафиксированы металлические бляхи-нашивки: две овальные из цветного металла с парой сквозных отверстий по краям (рис. 2.-3–4) — на расстоянии 16 и 19 см от талии с правой стороны; одна железная округлой формы (рис. 2.-8) на удалении 6,5 см с левой стороны. В 8 см выше черепа встречен обломок плоской пластинки из цветного металла (рис. 2.-13). Под головой обнаружена каменная бляха овальной формы

(рис. 2.-5). В 27,5 и 39 см от темени слева выявлены две бляхи-нашивки, выполненные из половинок раковин каури (рис. 2.-6–7).

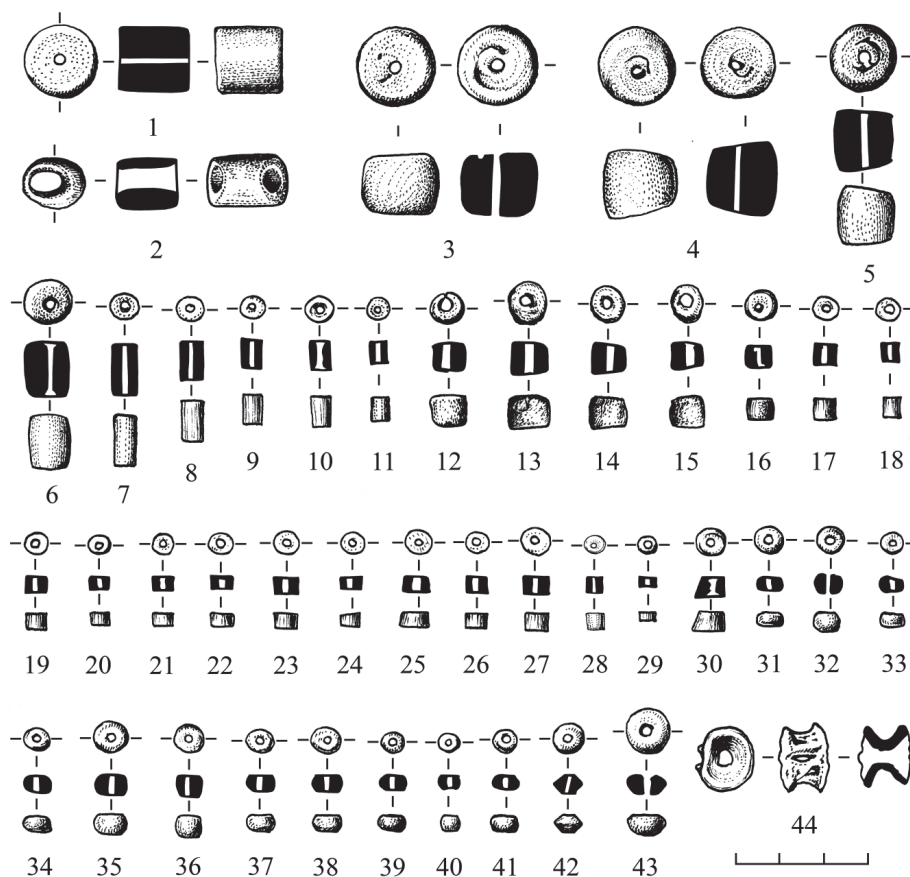

Рис. 3. Бусы из некрополя Карбан-1. 1, 11, 28 – курган № 11; 2 – курган № 15; 3, 16, 31, 42 – курган № 9; 4, 44 – курган № 14; 5 – курган № 33; 12–15 – курган № 19; 6–10, 17–27, 29, 30, 32–41, 43 – курган № 10

Fig. 3. Beads from the Karban-I necropolis. 1, 11, 28 – mound No. 11; 2 – mound No. 15; 3, 16, 31, 42 – mound No. 9; 4, 44 – mound No. 14; 5 – mound No. 33; 12–15 – mound No. 19; 6–10, 17–27, 29, 30, 32–41, 43 – mound No. 10

Курган № 11. В погребении мужчины встречен редкий по составу набор украшений. У правого плеча умершего человека лежали две пластинчатые подвески ромбовидной и овальной формы из цветного металла (рис. 2.-9–10). Чуть ниже правой лопатки обнаружен накосник, изготовленный из тонкой пластины, согнутой в овальную обойму (рис. 2.-11). Аналогичное изделие (рис. 2.-12) с застрявшей в нем белой пастовой (?) бусиной (рис. 3.-28) находилось у левого плеча под роговыми концевыми накладками лука. Там же зафиксирована еще одна белая бусинка (рис. 3.-11). Крупная белая буси-

на (рис. 3.-1) обнаружена с внешней стороны левой плечевой кости около стенки погребальной камеры.

Курган № 14. Под нижней челюстью мужчины зафиксирована крупная белая каменная бусина (рис. 3.-4). Между ног умершего, ближе к коленям, обнаружен лежавший на ребре крупный, просверленный по центру рыбий позвонок (рис. 3.-44). В его отверстие было вставлено костяное острие длиной чуть менее 3 см.

Курган № 15 содержал захоронение молодой женщины. На черепе покойной в области правого уха найдена бронзовая проволоочная серьга (рис. 2.-2), а под третьим шейным позвонком — крупная белая каменная бусина (рис. 3.-2).

Курган № 19. В могиле сохранились отдельные кости скелета (зубы, обломки нижней челюсти, шейный позвонок и обе ключицы) небольшого ребенка, по-видимому, младенца. Под обломками нижней челюсти выявлена дугообразно изогнутая проволоочная гривна (рис. 2.-14), а вдоль нее между ключицами — четыре небольших по размеру бусины (рис. 3.-12–15).

Курган № 33. В одном из наиболее «богатых» воинских погребений, исследованных в составе некрополя Карбан-I, украшения представлены одной крупной белой бусиной (рис. 3.-5). Данное изделие лежало у нижней челюсти умершего человека, с левой стороны.

Представленные украшения имеют хорошую и удовлетворительную сохранность, что дает возможность для осуществления полноценной морфологической характеристики предметов, а в отдельных случаях — их классификации для хронологической интерпретации в контексте известных вещественных материалов из других памятников Алтая и сопредельных территорий эпохи Великого переселения народов.

Анализ материалов

Сформированная коллекция украшений населения булан-кобинской культуры из некрополя Карбан-I включает разные категории предметов, которые использовались для декорирования головных уборов, верхней плечевой одежды, а также в качестве элементов прически.

Серьги представлены двумя экземплярами, зафиксированными в женских захоронениях. В одном случае серьга лежала в области груди умершей (курган № 10), а в другом — возле головы в проекции правого уха (курган № 15). Найденные образцы по конструкции, способу крепления, виду и форме основания относятся к одному типу. Изделия представляют собой сомкнутое кольцо округлой или овальной формы (размерами 2,8х3,2 см и 1,9х2,3 см), изготовленное из тонкой (до 0,2 см), вероятно, бронзовой проволоки с овальным или четырехугольным поперечным сечением без дополнительных элементов (рис. 2.-1–2). Такие предметы имеют многочисленные аналогии в костюмном комплексе народов разных регионов Евразии от эпохи бронзы до этнографического времени [Тетерин, 2005: 52, 57–58, рис. 1.-35–44; Соенов, Константинов, Трифанова, 2018: 44; Трифанова, Соенов, 2019: 56]. В Центральной Азии украшения данного типа массово использовались в конце I — начале III в. н. э. племенами сяньби Восточного Забайкалья и реже Внутренней Монголии [Могиляник Циланьшань в аймаке Чфючжун, 2004, рис. 23.-5; Предварительное изучение..., 2004, рис. 6.-2; Яремчук, 2005: 101, рис. 114.-6–

7, 14–15, 25; 115.–5–6; 116.–38; 117.–3–4; 118.–11–15]. В этот же период они фиксируются в Туве у кочевников, оставивших некрополь Аймырлыг-XXXI, а в более позднее время (вторая половина III–IV вв. н. э.) — у носителей кокзельской культуры [Грач, 1966, рис. 30.–5; Памятники кокзельской культуры Тувы, 2010: 61, 65]. Похожие кольцевые серьги известны на Среднем Енисее в памятниках II–III вв. н. э. [Вадецкая, 1999, рис. 16.–26–28; 65; табл. 8.–4; Тетерин, 2005, рис. 1.–40, 43–44; Кузьмин, 2011: 218, рис. 43].

Важно отметить, что в опубликованной обширной коллекции украшений булан-кобинской культуры серьги такого типа представляют большую редкость. Схожие изделия происходят из погребений комплексов Айрыдаш-I (2 экз.), Бике-I (2 экз.), Степушка (1 экз.) [Кубарев, Киреев, Черемисин, 1990, рис. 40.–17–18; Соенов, Константинов, Трифанова, 2018, табл. 5; Трифанова, Соенов, 2019, рис. 3.–2, 3, 19–22], относящихся ко II — первой половине IV в. н.э. Появление данных кольцевых серег у населения Алтая относится, по-видимому, ко времени не ранее II в. н.э. и, вероятно, отражает влияние культурных традиций одной из этнических групп северных сяньюби.

Бляхи-нашивки. Обозначенная категория украшений включает шесть изделий, использовавшихся для оформления головного убора и прически женщины, похороненной в кургане № 10. Зафиксированные экземпляры по материалу, конструкции, форме корпуса и способу фиксации к одежде подразделяются на несколько типов. К первому типу относятся две бронзовые бляхи в виде гладких прямых пластин с овальным абрисом (длина 2,1–2,2 см, ширина 1,8 см), без выраженных пол, с загнутыми на тыльную сторону бортами, имеющими на противоположных концах по одному сквозному отверстию (рис. 2.–3–4). В костюмном комплексе населения булан-кобинской культуры Алтая металлические нашивные бляхи без пол обычно имеют округлый в плане и полусферический в поперечном сечении корпус. Данные предметы относятся к числу декоративных элементов одежды, известных в регионе уже в хуннское время (II в. до н. э. — I в. н.э.) [Сорокин, 1977, рис. 10.–9, 10; Соенов, Эбель, 1992, рис. 21.–3; Борисенко, Худяков, 2004, рис. 3, 6–7; Трифанова, Соенов, 2019: 44, 71, рис. 20.–4–7]. Судя по имеющимся материалам, более поздние подобные экземпляры датируются II — началом IV в. н.э. [Мамадаков, 1990, рис. 66.–4; Могильников, Суразаков, 2003, рис. 30.–5; Трифанова, Соенов, 2019, рис. 17.–1, 3, 20] и второй половиной IV — первой половиной V в. н.э.¹ Точные аналогии карбанским бляхам-нашивкам с загнутыми бортами обнаружены в булан-кобинских комплексах II в. до н. э. — I в. н.э. (Чендек, курган № 28) и второй половины III — начала IV в. н.э. (Булан-Кобы-IV, погребение № 47) [Мамадаков, 1990, рис. 30.–2; Соенов, Эбель, 1992, рис. 18.–1].

Ко второму типу нашивных украшений относится железная бляха округлой формы с плоским корпусом (диаметр 3 см), имеющим загнутые на тыльную сторону борта. Отверстия для фиксации предмета к одежде не просматриваются в связи с глубокой коррозией (рис. 2.–8). В целом, данное изделие по основным особенностям конструкции совпадает с рассмотренными выше бляхами из цветного металла. Вопрос о его относительной хронологии в рамках первой половины I тыс. н. э. остается открытым.

¹ Такие изделия происходят из неопубликованных комплексов жужанского времени памятников Яломан-II (раскопки А. А. Тишкина) и Чобурак-I (раскопки Н. Н. Серегина). Расположение в захоронениях указывает на то, что они использовались для украшения сумочек.

Третий тип блях-нашивок выполнен из камня и представлен экземпляром эллипсовидной формы (2х1,4 см) с вытянуто-овальным поперечным сечением, имеющим на противоположных концах по одному сквозному отверстию (рис. 2.-5). В материалах булан-кобинской культуры похожие каменные украшения зафиксированы на некрополе сянбийского времени Бике-I [Кубарев, Киреев, Черемисин, 1990, рис. 28.-10–11, 13–14].

Еще один тип блях включает две нашивки, изготовленные из половинок раковин каури (длина 2,3 и 2,8 см, максимальная ширина 0,7 и 1 см), с парой сверленных сквозных отверстий. У изделий была сохранена естественная неровная поверхность (рис. 2.-6–7). Известные на сегодняшний день факты использования раковин таких моллюсков в качестве украшений у населения булан-кобинской культуры Алтая относятся к сянбийскому и жужанскому периодам (II — первая половина IV в. н.э.) [Кубарев, Киреев, Черемисин, 1990: 81, рис. 37.-1–2; 40.-3–5; 44.-6; Мамадаков, 1990, рис. 30; 65.-2; Соенов, Эбель, 1992, рис. 13.-7; 27.-5; Слюсаренко, Богданов, Соенов, 2008: 44; Трифанова, Соенов, 2019: 54]. При этом экземпляры с отверстиями для пришивания единичны [Соенов, Константинова, 2015, рис. 1.-5, 7–9].

Накосники представлены двумя экземплярами из цветного металла, найденными в одном мужском захоронении (курган № 11). Данные украшения изготовлены из пластин четырехугольной формы, сложенных по дуге в обойму, с парой сквозных отверстий для крепления к тканевой основе. Ширина изделий составляет 1,8–2 см (рис. 2.-11–12). Судя по их расположению в разных местах (возле правой лопатки и у левого плеча), волосы умершего человека были разделены на две косы, в одну из которых вплетены две небольшие бусинки. На территории Алтая металлические накосники фиксируются не ранее II в. н.э., они были массово распространены у «булан-кобинцев» до V в. н.э. включительно [Кубарев, Киреев, Черемисин, 1990, рис. 31.-7–8, 11; 37.-3, 6; Соенов, Эбель, 1992, рис. 26.-26–27; Тишкин, Матренин, Шмидт, 2018, табл. 47.-6–9; 48.-4–6, 10–17; Худяков, 2014, рис. 4.-5–6; 6.-21, 30; 7.-2; Трифанова, Соенов, 2019: 49–52, рис. 23–24; Самашев, Кариов, 2020, рис. 16]. Данные изделия служили элементом прически женщин и детей [Трифанова, Соенов, 2019, табл. 10]. Единственный достоверный случай обнаружения накосника в мужском захоронении документирован при раскопках комплекса Степушка-I (курган № 7) в Центральном Алтае [Тишкин, Матренин, Шмидт, 2018: 29, рис. 45.-12; 48.-12].

Подвески. В погребальном инвентаре мужчины из кургана № 11 обнаружены два изделия из цветного металла, представляющие собой прямые пластины ромбовидной и овальной формы (размеры 5–5,2 х 2,7–3 см) с отверстием у одного края (рис. 2.-9–10). Расположение данных украшений относительно костей посткраниального скелета определенно указывает на то, что они подвешивались или пришивались к правому плечу верхней одежды. Похожие декоративные элементы присутствуют обычно в женском и детском костюмном комплексе носителей булан-кобинской культуры Северного и Центрального Алтая II–V вв. н. э. [Тишкин, Матренин, Шмидт, 2018: 142; Трифанова, Соенов, 2019: 52, 74; Тишкин, Горбунов, 2020: 41, рис. 3.-68–69]. Подвески овальной формы найдены в объектах некрополей Айрыдаш-I и Бике-I [Трифанова, Соенов, 2019, рис. 27.-15–17]. В захоронениях такие предметы, как правило, фиксировались к по-

вязке, надеваемой на голову или поверх женского головного убора [Трифанова, 2006б: 109–110; Трифанова, Соенов, 2019, табл. 11].

В кургане № 14 обнаружена оригинальная подвеска из крупного (1,5 x 1,1 см) рыбьего позвонка, просверленного по центру (рис. 3.-44). В сквозное отверстие было вставлено короткое (чуть менее 3 см) костяное острие. Находки рыбьих позвонков, применявшихся в качестве подвесок или бус, выявлены при раскопках памятников майминской культуры Северного Алтая (городище Нижний Чепош-3, Черемшанское городище) [Трифанова, Соенов, 2019, рис. 25.-8, 14]. Данные свидетельства также известны в материалах одинцовской культуры Верхнего Приобья (комплекс Ближние Елбаны) [Грязнов, 1956, табл. XXXVIII. — 12].

Гривна. Единственное шейное украшение найдено в погребении ребенка из кургана № 19. Изделие представляет собой стержень из цветного металла, имеющий овальное поперечное сечение в средней части и округлое ближе к концам, на которых первоначально могли быть петли или отверстия (рис. 2.-14). Судя по зафиксированному *in situ* размещению в могиле, обруч был надет на шею разомкнутой частью вверх. Данная гривна имеет близкие аналогии в памятниках Алтая II — первой половины IV в. н.э. (Айрыдаш-I, Бике-I) [Кубарев, Киреев, Черемисин, 1990, рис. 31.-17; Тетерин, 2001, рис. 2.-3, 5–6]. Находки таких изделий свидетельствуют о существовании традиции использования шейных украшений представителями нескольких локальных групп «булан-кобинцев», проживавших в сяньбийское время на территории Северного Алтая.

Бусы. Обозначенная наиболее многочисленная категория предметов насчитывает 43 экземпляра, обнаруженных во всех погребениях с украшениями из памятника Карбан-I. Количество данных вещей в могилах варьировало: одна (курганы № 14, 15, 33), три (курган № 11), четыре (курганы № 9, 19), двадцать девять (курган № 10). У пяти из семи умерших людей бусы находились на шее (в одном случае также на груди), что указывает на их использование в составе небольшого ожерелья. Отмечено, что практически у всех взрослых индивидов присутствовала одна бусина крупного размера, которая являлась подвеской. В кургане № 11 бусины лежали у левого плеча, при этом две из них были вплетены в косу. В единственном случае (курган № 10) бусы находились за головой без определенного порядка и, возможно, были пришиты к тканевой накидке женского головного убора.

Принимая во внимание положительный опыт классификации бус из памятников Алтая II в. до н. э. — V в. н.э., мы систематизировали зафиксированные изделия с учетом морфологических параметров, без разделения по составу материала [Трифанова, Соенов, 2019: 39–43]. В результате сравнения установлено, что все бусы относятся к одному типу (круглые в поперечном сечении), который по форме продольного сечения разделяется на пять вариантов:

а) четырехугольные — 2 экз. крупных размеров: 1,4–1,7 x 1,4–1,6 см (рис. 3.-1–2) и 30 экз. мелких: 0,4–0,8 x 0,3–0,8 см (рис. 3.-12, 16–41);

б) четырехугольные, асимметрично усеченные поперечно под небольшим углом — 1 экз. крупного размера: 1,8x1,4 см (рис. 3.-3) и 3 экз. мелких: 0,7–0,9 x 0,6–0,8 см (рис. 3.-13–15);

в) вытянуто-прямоугольные («цилиндрические») — 2 экз. размерами 0,5–0,6 x 0,9–1,2 см (рис. 3.-7–8);

г) эллипсообразные, симметрично усеченные поперечно — 2 экз. размерами 1,4–1,7 x 1,2–1,4 см (рис. 3.-4–5);

д) биконические, симметрично усеченные — 2 экз. размерами 0,7–1,1 x 0,4–0,5 см (рис. 3.-42, 43).

Подобные декоративные изделия получили широкое распространение у носителей булан-кобинской культуры Алтая во II–V вв. н. э., что демонстрируют введенные в научный оборот находки из таких хорошо исследованных некрополей, как Айрыдаш-I (тип 1а, б, г, д), Белый-Бом-II (тип 1а), Бике-I (тип 1а), Булан-Кобы-IV (тип 1а, б, в, г, д), Бош-Туу (тип 1а, б, г), Верх-Уймон (тип 1г), Курайка (тип 1б, г, д), Степушка (тип 1а, д), Тьткескень-VI (тип 1г), Чендек (тип 1а, д) [Кубарев, Киреев, Черемисин, 1990, рис. 28.-2, 40.-23, 44.-8; Мамадаков, 1990, рис. 28.-5, 9, 14–15; 30; 38.-11; 55.-13; 65.-3, 5–6, 9, 11; 66.-8; Кирюшин, Тишкин, Матренин, 2014, рис. 16.-19; Трифанова, Соенов, 2019: 42, 43, рис. 16.-4–8]. Значительная часть данных предметов не введена в научный оборот. Поиск аналогий этим изделиям в археологических материалах других регионов не дает надежных оснований для их хронологической интерпретации. Важно отметить, что для полноценного изучения бус необходимо осуществление комплексного анализа обширной серии предметов из всех памятников Алтая с привлечением методов естественных наук.

Обсуждение результатов

Проанализированная серия украшений из семи погребений булан-кобинской культуры некрополя Карбан-I включает разнообразные категории предметов: две серьги, шесть блях-нашивок (две из цветного металла, одна железная, одна каменная, две из раковин каури), две металлических и одна костяная (из позвонка рыбы) подвески, два наконечника, гривна, 43 бусины. Данные экземпляры входили в состав сопроводительного инвентаря четырех мужчин (курганы № 9, 11, 14, 33), двух женщин (курганы № 10, 15) и одного ребенка (курган № 19).

Проведенное сравнительное исследование морфологических особенностей металлических изделий с вещественными находками из памятников Центральной и Северной Азии, а также с известными артефактами из некрополей Алтая эпохи Великого переселения народов позволило осуществить их хронологическую интерпретацию. Установлено, что бронзовые кольцевые серьги, наконечники-полуобоймы, ромбовидная и овальная подвески, гривна, бляхи-нашивки из камня и раковин каури определяют относительную хронологию карбанского комплекса украшений периодом не ранее II в. н.э. и демонстрируют его значительное сходство с материалами сяньбийского времени (II — первая половина IV в. н.э.) из некрополей Северного Алтая (Айрыдаш-I, Бике-I). Более широко датируются металлические нашивные бляхи, имеющие точные аналогии в объектах булан-кобинской культуры II в. до н. э. — I в. н.э. (Чендек) и второй половины III — начала IV в. н.э. (Булан-Кобы-IV). Многочисленное собрание бусин представлено круглыми изделиями, подразделяющимися на пять вариантов по форме поперечного сечения (четыреугольные, четырехугольные усеченные, вытянуто-прямоугольные,

эллипсообразные, биконические). Большинство из них получили широкое распространение в предметном комплексе населения Алтая II–V вв. н. э.

Изучение документированных свидетельств расположения разных категорий украшений в захоронениях *in situ* относительно костяков умерших людей позволило выявить общие и особенные черты использования отдельных вещей для декорирования костюма. Прежде всего отметим, что у пяти из семи покойных в бусы, по-видимому, был пропущен ремешок или веревочка для их ношения на шее (груди). При этом практически у всех взрослых индивидов (четверо мужчины и одна женщина) в таком ожерелье имелась одна бусина-подвеска крупного размера. Данные характеристики представляется возможным рассматривать в качестве «этнографической» черты материальной культуры «карбанцев», что также подтверждают наблюдения, сделанные в процессе раскопок других некрополей Алтая сянбийского времени [Трифанова, Соенов, 2019, табл. 6, рис. 12–15]. Существует мнение, что некоторые крупные бусины, находившиеся на шейных позвонках и груди покойных, являлись подвесками «гривен», сделанных из лозы или прутьев [Тетерин, 2001: 109]. В женском захоронении комплекса Карбан-I (курган № 10) мелкие бусы и бляхи нашивались, вероятно, на тканевую накидку, которая, судя по обнаруженным изделиям, была помещена в могилу в расправленном виде и занимала практически все свободное пространство между головой и торцевой стенкой погребальной камеры. В булан-кобинской культуре похожее размещение деталей головных уборов прослежено по материалам отдельных погребений сянбийского времени некрополей Бике-I, Булан-Кобы-IV, Курайка [Кубарев, Киреев, Черемисин, 1990, рис. 35, 43; Соенов, Эбель, 1998: 113–113, рис. 3; 18.-1].

Распределение украшений в погребениях взрослых людей разного пола показывает, что только у женщин зафиксированы серьги, представленные в захоронениях одним изделием. В могилах мужчин украшения состояли обычно из одной или нескольких (не более четырех) бусин. При этом их наличие не коррелирует с качественным и количественным составом остального сопроводительного инвентаря, включавшего предметы вооружения и воинского снаряжения, а также орудия труда. Достаточно необычным выглядит присутствие в захоронении мужчины из кургана № 11 металлических украшений, традиционно выступающих атрибутом вещевого комплекса женщин и детей [Трифанова, Соенов, 2019, табл. 10–11; Серегин, Матренин, 2020: 36, 49]. Волосы умершего человека из обозначенного объекта были собраны в две косички, скрепленные бронзовыми наконечниками, к одному из которых крепились две бусины небольшого размера. К правому плечу верхней одежды пришивались бронзовые подвески ромбовидной и овальной формы. С этим же мужчиной найдены оружие, наборный пояс с разнообразными железными и бронзовыми ремennыми гарнитурами, а также орудия труда. Такой набор вещей, по-видимому, отражает специфику прижизненного социального статуса покойного.

Обратим внимание на присутствие бронзовой гривны в могиле небольшого ребенка (младенца?) из кургана № 19. С учетом данной находки это всего шестой случай обнаружения таких шейных украшений в детских захоронениях булан-кобинской культуры Алтая [Кубарев, Киреев, Черемисин, 1990, рис. 31.-17; Соенов, Эбель, 1998, рис. 10.-3; Серегин, Матренин, 2020: 102–104]. Подобные изделия во II–V вв. н. э. являлись соци-

ально-престижным элементом одежды женщин и детей [Серегин, Матренин, 2020, рис. 51–52, табл. 4]. Наличие данного предмета, а также другие обозначенные свидетельства отражают неоднородность группы скотоводов, оставивших некрополь сяньбийского времени в устье р. Карбан.

Заключение

Исследованный корпус украшений булан-кобинской культуры из памятника Карбан-I представлен разнообразными категориями предметов, которые использовались для декорирования головных уборов, верхней плечевой одежды, а также в качестве элементов прически. Анализ хронологически информативных морфологических признаков изделий позволяет сделать вывод о том, что большинство предметов датируется в рамках сяньбийского времени (II — первая половина IV в. н.э.). Публикуемая серия находок имеет значительное количество аналогий у «булан-кобинцев» Северного Алтая.

Показательным является наличие украшений во многих мужских захоронениях, в том числе присутствие в одном объекте бронзовых нагосников и подвесок, характерных для костюма женщин и детей. Выявленные общие и единичные случаи размещения бус свидетельствуют об их использовании преимущественно в качестве подвесок и реже как нашивок на женский головной убор. Зафиксированная вариативность состава украшений в захоронениях некрополя Карбан-I, очевидно, демонстрирует специфику прижизненного статуса умерших людей. В заключение подчеркнем, что публикуемые вещественные материалы определенным образом уточняют сложившиеся представления об эволюции комплекса украшений населения Алтая в первой половине I тыс. н. э., а также расширяют возможности разностороннего изучения материальной культуры кочевников обозначенного региона эпохи Великого переселения народов.

Благодарности

Работа выполнена при финансовой поддержке РНФ (проект № 20–18–00179 «Миграции и процессы этнокультурного взаимодействия как факторы формирования полиэтнических социумов на территории Большого Алтая в древности и Средневековье: междисциплинарный анализ археологических и антропологических материалов»).

Выражаем благодарность сотрудникам Государственного Эрмитажа Н. Н. Николаеву и К. В. Чугунову за возможность ознакомления с неопубликованными результатами раскопок памятников Аймырлыг-XX, XXXI (работы А. М. Мандельштама) и Кара-Тал-III, IV (исследования Ю. И. Трифонова).

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Борисенко А. Ю., Худяков Ю. С. Реконструкция женских головных уборов из могильника Усть-Эдиган в Горном Алтае // Археология, этнография и антропология Евразии. 2004. № 1. С. 65–72.

Вадецкая Э. Б. Таштыкская эпоха в древней истории Сибири. СПб. : Петербургское востоковедение, 1999. 440 с.

Грач А. Д. Исследования в Бай-Тайге // Труды Тувинской комплексной археолого-этнографической экспедиции. М. ; Л. : Наука, 1966. Т. II. С. 81–107.

Грязнов М. П. История древних племен Верхней Оби по раскопкам близ с. Большая Речка. М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1956. 162 с.

Кирюшин Ю. Ф., Тишкин А. А., Матренин С. С. Материалы сяньбийского времени погребально-поминального комплекса Тыткескень-VI на Алтае // Теория и практика археологических исследований. 2014. № 2. С. 5–24.

Контев А. В. Раскопки позднегуннских погребений урочища Карбан (Горный Алтай) // Проблемы археологии и этнографии Сибири и Дальнего Востока. Красноярск, 1991. Т. 2. С. 54–55.

Кубарев В. Д., Киреев С. М., Черемисин Д. В. Курганы урочища Бике // Археологические исследования на Катунь. Новосибирск : Наука, 1990. С. 43–95.

Кузьмин Н. Ю. Погребальные памятники хунно-сяньбийского времени в степях Среднего Енисея: тесинская культура. СПб. : Айсинг, 2011. 456 с.

Мамадаков Ю. Т. Культура населения Центрального Алтая в первой половине I тыс. н. э. : дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 1990. 317 с.

Могильник Циланьшань в аймаке Чфючжун // Открытие и исследование сяньбийских могильников во Внутренней Монголии. Пекин: Кэсюэ яизбаньшэ, 2004. XVIII. С. 123–183 (на кит. яз.).

Могильников В. А., Суразаков А. С. Раскопки памятников Ябоган-III // Археология и этнография Алтая. Горно-Алтайск : Ин-т алтаистики им. С. С. Суразакова, 2003. Вып. 1. С. 26–63.

Памятники кокзельской культуры Тувы: материалы и исследования. СПб. : Элик-Сис, 2010. 252 с.

Предварительное изучение сяньбийских погребений Внутренней Монголии // Открытие и исследование сяньбийских могильников во Внутренней Монголии. Пекин : Кэсюэ яизбаньшэ, 2004. XVIII. С. 211–272 (на кит. яз.).

Самашев З. С., Кариев Е. С. О некоторых новых хунно-сяньбэйских погребениях Берея // Мир Большого Алтая. 2020. № 6. С. 915–930.

Серегин Н. Н., Демин Д. А., Матренин С. С. Объекты сяньбийского времени комплекса Карбан-I (Северный Алтай) // Народы и религии Евразии. 2021. № 2. С. 81–91.

Серегин Н. Н., Матренин С. С. Социальная история населения Алтая в эпоху кочевых империй (II в. до н. э. — XIV в. н.э.) : по материалам археологических комплексов. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2020. 268 с.

Слюсаренко И. Ю., Богданов Е. С., Соенов В. И. Новые материалы гунно-сарматской эпохи из Горного Алтая (могильник Курайка) // Изучение историко-культурного наследия народов Южной Сибири. Горно-Алтайск : ГАГУ, 2008. Вып. 7. С. 42–57.

Соенов В. И., Константинов Н. А., Трифанова С. В. Могильник Степушка-2 в Центральном Алтае. Горно-Алтайск, 2018. 242 с.

Соенов В. И., Эбель А. В. Курганы гунно-сарматской эпохи на Верхней Катунь. Горно-Алтайск : ГАГПИ, 1992. 116 с.

Соенов В. И., Эбель А. В. Исследования на могильнике Курайка // Древности Алтая. Известия лаборатории археологии. Горно-Алтайск : ГАГУ, 1998. № 3. С. 113–135.

Сорокин С. С. Погребения эпохи «Великого переселения народов» в районе Пазырыка // Археологический сборник Государственного Эрмитажа. 1977. Вып. 18. С. 57–67.

Тетерин Ю. В. Гривны гунно-сарматской эпохи Южной Сибири // Древности Алтая. Горно-Алтайск : ГАГУ, 2001. № 6. С. 107–115.

Тетерин Ю. В. Серьги гунно-сарматской эпохи Южной Сибири (проблемы типологии и хронологии) // Вестник НГУ. 2005. Т. 4. Вып. 5: Археология и этнография. С. 52–64.

Тишкин А. А., Горбунов В. В. Алтай в сяньбийское время: культурно-хронологический анализ археологических материалов // Российская археология. 2020. № 3. С. 33–46.

Тишкин А. А., Матренин С. С., Шмидт А. В. Алтай в сяньбийско-жужанское время (по материалам памятника Степушка). Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2018. 368 с. (Археологические памятники Алтая. Вып. 3).

Трифанова С. В. Серьги из памятников Саяно-Алтая гунно-сарматского времени // Древности Алтая. Горно-Алтайск : ГАГУ, 2004. № 12. С. 92–95.

Трифанова С. В. Классификация гривен населения Саяно-Алтая гунно-сарматского времени // Снаряжение кочевников Евразии. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2005а. С. 201–205.

Трифанова С. В. Нашивные бляшки из памятников Саяно-Алтая гунно-сарматского времени // Западная и Южная Сибирь в древности. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2005б. С. 139–144.

Трифанова С. В. Реконструкция украшений головы из курганов Айрыдаша // Изучение историко-культурного наследия народов Южной Сибири. Горно-Алтайск : АКИН, 2005 в. С. 95–105.

Трифанова С. В. Украшения населения Саяно-Алтая гунно-сарматской эпохи : дис. ... канд. ист. наук. Горно-Алтайск, 2006. 261 с.

Трифанова С. В., Соенов В. И. Украшения населения Алтая гунно-сарматского времени. Горно-Алтайск, 2019. 160 с.

Худяков Ю. С. Женские украшения населения хунно-сяньбийской эпохи в долине реки Эдиган в Горном Алтае (по материалам раскопок могильника Улуг-Чолтух) // Археология, этнография и антропология Евразии. 2014. № 1. С. 107–114.

Яремчук О. А. Могильник Зоргол-I — памятник хунно-сяньбийской эпохи степной Даурии : дис. ... канд. ист. наук. Чита, 2005. 296 с.

REFERENCE

Borisenko A. Iu., Khudiakov Iu. S. Rekonstruktsiia zhenskikh golovnykh uborov iz mogil'nika Ust' — Edigan v Gornom Altae [Reconstruction of female headdresses from the Ust-Edigan burial ground in Gorny Altai]. *Arkheologiya, etnografiia i antropologiya Evrazii* [Archeology, Ethnography and Anthropology of Eurasia]. 2004, no. 1. S. 65–72 (in Russian).

Vadetskaia E. B. *Tashtykskaia epokha v drevnei istorii Sibiri* [Tashtyk era in the ancient history of Siberia]. Saint Petersburg: Peterburgskoe vostokovedenie, 1999, 440 s. (in Russian).

Grach A. D. *Issledovanie v Bai-Taige* [Research in Bai-Taiga]. *Trudy Tuvinskoi kompleksno arkheologo-etnograficheskoi ekspeditsii* [Proceedings of the Tuva complex archaeological and ethnographic expedition]. Moscow ; Leningrad : Nauka, 1966, Vol. II. S. 81–107 (in Russian).

Griaznov M. P. *Istoriia drevnikh plemen Verkhnei Obi po raskopkam bliz s. Bol'shaia Rechka* [The history of the ancient tribes of the Upper Ob by excavations near the village Bolshaya Rechka]. Moscow ; Leningrad : Izd-vo AN SSSR, 1956, 162 s. (in Russian).

Kiriushin Iu. F., Tishkin A. A., Matrenin S. S. Materialy sian'biiskogo vremeni pogrebal'no-pominal'nogo kompleksa Tytkesken' — VI na Altae [Materials of the Xianbei time of the Tytkesken-VI funeral and memorial complex in Altai]. *Teoriia i praktika arkheologicheskikh issledovaniï* [Theory and practice of archaeological research]. 2014, no. 2. S. 5–24 (in Russian).

Kontev A. V. Raskopki pozdnegunnskikh pogrebenii urochishcha Karban (Gornyi Altai) [Excavation of late Hunnic burials in the Karban tract (Gorny Altai)]. *Problemy arkheologii i etnografii Sibiri i Dal'nego Vostoka* [Problems of archeology and ethnography of Siberia and the Far East]. Krasnoïarsk, 1991, Vol. 2. S. 54–55 (in Russian).

Kubarev V. D., Kireev S. M., Cheremisin D. V. Kurgany urochishcha Bike [Bike tract burial mounds]. *Arkheologicheskie issledovaniia na Katuni* [Archaeological research on the Katun]. Novosibirsk : Nauka, 1990. S. 43–95 (in Russian).

Kuz'min N. Iu. *Pogrebal'nye pamiatniki khunno-sian'biiskogo vremeni v stepiakh Srednego Eniseia: tesinskaia kul'tura* [Burial monuments of the Xiongnu-Xianbei period in the steppes of the Middle Yenisei: Tesinskaya culture]. Saint Petersburg : Aising, 2011, 456 s. (in Russian).

Mamadakov Iu. T. *Kul'tura naseleniia Tsentral'nogo Altaia v pervoi polovine I tys. n. e. Dis. ... kand. hist. nauk* [The culture of the population of Central Altai in the first half of the 1st thousand AD. Ph. D. Thesis in History]. Novosibirsk, 1990, 317 s. (in Russian).

Mogil'nik Tsilan'shan' v aimake Chfiuchzhun [Tsilanshan burial ground in Chfyuzhong aimag]. *Otkrytie i issledovanie sian'biiskikh mogil'nikov vo Vnutrennei Mongolii* [Discovery and exploration of Xianbei burial grounds in Inner Mongolia]. Beijing : Kesiue iaizban'she, 2004, XVIII. S. 123–183 (in Chinese).

Mogil'nikov V. A., Surazakov A. S. Raskopki pamiatnikov Iabogan-III [Excavation of monuments Yabogan-III]. *Arkheologiia i etnografiia Altaia* [Archeology and ethnography of Altai]. Gorno-Altaiisk : In-t altaistiki im. S. S. Surazakova, 2003, Iss. 1. S. 26–63 (in Russian).

Pamiatniki kokel'skoi kul'tury Tuvy: materialy i issledovaniia [Monuments of the Kokel culture of Tuva: materials and research]. Saint Petersburg : ElikSis, 2010, 252 s. (in Russian).

Predvaritel'noe izuchenie sian'biiskikh pogrebenii Vnutrennei Mongolii [Preliminary Study of Xianbei Burials in Inner Mongolia]. *Otkrytie i issledovanie sian'biiskikh mogil'nikov vo Vnutrennei Mongolii* [Discovery and exploration of Xianbei burial grounds in Inner Mongolia]. Beijing : Kesiue iaizban'she, 2004, XVIII. S. 211–272 (in Russian).

Samashev Z. S., Kariev E. S. O nekotorykh novykh khunno-sian'beiskikh pogrebeniiax Berelia [On some new Hunno-Xianbei burials in Berel]. *Mir Bol'shogo Altaia* [World of the Greater Altai]. 2020, no. 6. S. 915–930 (in Russian).

Seregin N. N., Demin D. A., Matrenin S. S. Ob'ekty sian'biiskogo vremeni kompleksa Karban-I (Severnyi Altai) [Objects of the Xianbei time of the Karban-I complex (Northern Altai)]. *Narody i religii Evrazii* [Nations and religions of Eurasia]. 2021, no. 2 (27). S. 81–91 (in Russian).

Seregin N. N., Matrenin S. S. *Sotsial'naia istoriia naseleniia Altaia v epokhu kochevykh imperii (II v. do n. e. — XIV v. n.e.): po materialam arkheologicheskikh kompleksov* [Social history of the Altai population in the era of nomadic empires (II century BC–XIV century AD): based on materials from archaeological complexes]. Barnaul : Izd-vo Alt. un-ta, 2020, 268 s. (in Russian).

Slusarenko I. Iu., Bogdanov E. S., Soenov V. I. Novye materialy gunno-sarmatskoi epokhi iz Gornogo Altaia (mogil'nik Kuraika) [New materials of the Hunno-Sarmatian era from Gorny Altai (Kuraika burial ground)]. *Izuchenie istoriko-kul'turnogo nasledii narodov Iuzhnoi Sibiri* [Study of the historical and cultural heritage of the peoples of Southern Siberia]. Gorno-Altaysk : GAGU, 2008, Iss. 7. S. 42–57 (in Russian).

Soenov V. I., Konstantinov N. A., Trifanova S. V. *Mogil'nik Stepushka-2 v Tsentral'nom Altae* [Burial ground Stepushka-2 in Central Altai]. Gorno-Altaysk, 2018, 242 s. (in Russian).

Soenov V. I., Ebel' A. V. *Kurgany gunno-sarmatskoi epokhi na Verkhnei Katuni* [Mounds of the Hunno-Sarmatian era on the Upper Katun]. Gorno-Altaysk : GAGPI, 1992, 116 s. (in Russian).

Soenov V. I., Ebel' A. V. Issledovaniia na mogil'nike Kuraika [Research at the Kuraika burial ground]. *Drevnosti Altaia. Izvestiia laboratorii arkheologii* [Altai antiquities. News of the laboratory of archeology]. Gorno-Altaysk : GAGU, 1998, Vol. 3. S. 113–135 (in Russian).

Sorokin S. S. Pogrebeniia epokhi "Velikogo pereseleniia narodov" v raione Pazyryka [Burials of the era of the "Great Migration of Nations" in the Pazyryk region]. *Arkheologicheskii sbornik Gosudarstvennogo Ermitazha* [Archaeological collection of the State Hermitage]. 1977, iss. 18. S. 57–67 (in Russian).

Teterin Iu. V. *Grivny gunno-sarmatskoi epokhi Iuzhnoi Sibiri* [Hryvnia of the Hunno-Sarmatian era of Southern Siberia]. *Drevnosti Altaia* [Altai antiquities]. Gorno-Altaysk : GAGU, 2001, Vol. 6. S. 107–115 (in Russian).

Teterin Iu. V. Ser'gi gunno-sarmatskoi epokhi Iuzhnoi Sibiri (problemy tipologii i khronologii) [Earrings of the Hunno-Sarmatian era of Southern Siberia (problems of typology and chronology)]. *Vestnik NGU. Arkheologiya i etnografiia* [NSU Bulletin. Archeology and Ethnography]. 2005, Vol. 4. S. 52–64 (in Russian).

Tishkin A. A., Gorbunov V. V. Altai v sian'biiskoe vremia: kul'turno-khronologicheskii analiz arkheologicheskikh materialov [Altai in Xianbei Time: Cultural-Chronological Analysis of Archaeological Materials]. *Rossiiskaia arkheologiya* [Russian archeology]. 2020, no. 3. S. 33–46 (in Russian).

Tishkin A. A., Matrenin S. S., Shmidt A. V. *Altai v sian'biisko-zhuzhanskoe vremia (po materialam pamiatnika Stepushka)* [Altai in the Syanbi-Zhuzhan time (based on materials from the Stepushka monument)]. Barnaul : Izd-vo Alt. un-ta, 2018, 368 s. (in Russian).

Trifanova S. V. Ser'gi iz pamiatnikov Saiano-Altaia gunno-sarmatskogo vremeni [Earrings from the monuments of the Sayan-Altai of the Hunno-Sarmatian time]. *Drevnosti Altaia* [Altai antiquities]. Gorno-Altaysk : GAGU, 2004, no. 12. S. 92–95 (in Russian).

Trifanova S. V. Klassifikatsiia griven naseleniia Saiano-Altaia gunno-sarmatskogo vremeni [Classification of hryvnias of the population of Sayan-Altai of the Hunno-Sarmatian time]. *Snariazhenie kochevnikov Evrazii* [Equipment of the nomads of Eurasia]. Barnaul : Izd-vo Alt. un-ta, 2005a. S. 201–205 (in Russian).

Trifanova S. V. Nashivnye bliashki iz pamiatnikov Saiano-Altaia gunno-sarmatskogo vremeni [Sew-on plaques from the monuments of the Sayan-Altai of the Hunno-Sarmatian time]. *Zapadnaia i Iuzhnaia Sibir' v drevnosti* [Western and Southern Siberia in antiquity]. Barnaul : Izd-vo Alt. un-ta, 2005b. S. 139–144. (in Russian).

Trifanova S. V. Rekonstruktsiia ukrashenii golovy iz kurganov Airydasha [Reconstruction of head ornaments from the Ayrydash burial mounds]. *Izuchenie istoriko-kul'turnogo naslediiia narodov Iuzhnoi Sibiri* [Study of the historical and cultural heritage of the peoples of Southern Siberia]. Gorno-Altaiisk : AKIN, 2005v. S. 95–105 (in Russian).

Trifanova S. V. *Ukrasheniia naseleniia Saiano-Altaiia gunno-sarmatskoi epokhi. Dis. ... kand. hist. nauk* [Jewelry of the population of the Sayan-Altai of the Hunno-Sarmatian era. Ph.D. Thesis in History]. Gorno-Altaiisk, 2006, 261 s. (in Russian).

Trifanova S. V., Soenov V. I. *Ukrasheniia naseleniia Altaiia gunno-sarmatskogo vremeni* [Jewelry of the Altai population of the Hunno-Sarmatian time]. Gorno-Altaiisk, 2019, 160 s. (in Russian).

Khudiakov Iu. S. Zhenskie ukrasheniia naseleniia khunno-sian'biiskoi epokhi v doline reki Edigan v Gornom Altae (po materialam raskopok mogil'nika Ulug-Choltukh) [Women's jewelry of the population of the Xiongnu-Xianbei era in the valley of the Edigan River in Gorny Altai (based on materials from the excavations of the Ulug-Choltukh burial ground)]. *Arkheologiya, etnografiia i antropologiya Evrazii* [Archeology, Ethnography and Anthropology of Eurasia]. 2014, no. 1. S. 107–114 (in Russian).

Iaremchuk O. A. *Mogil'nik Zorgol-I — pamiatnik khunno-sian'biiskoi epokhi stepnoi Daurii. Dis. ... kand. hist. nauk* [Burial ground Zorgol-I — a monument of the Xiongnu-Xianbei era of steppe Dauria. Ph.D. Thesis in History]. Chita, 2005, 296 s. (in Russian).

Статья поступила в редакцию: 15.12.2021

Принята к публикации 15.02.2022

Дата публикации 25.03.2022

УДК 671.412.1

DOI: 10.14258/nreur(2022)1–04

Д. П. Шульга*Сибирский институт управления РАНХиГС, Новосибирск (Россия)***П. И. Шульга***Институт археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск (Россия)*

«БРАКТЕАТЫ» И «ИНДИКАЦИИ» В КОНТЕКСТЕ МОНЕТНОЙ ТРАДИЦИИ ВЕЛИКОГО ШЕЛКОВОГО ПУТИ (НА ПРИМЕРЕ НАХОДКИ 1989 Г. В СИАНЕ)

В предлагаемой статье публикуется малоизвестный оттиск из золотой фольги из Китая — подражание византийской монете, предположительно Анастасия I. Рассматриваются другие находки такого рода и терминология монетовидных изделий, которые разделяются на три группы: золотые монеты весом около 4,5 г; облегчённые копии византийских монет, называемые подражаниями; оттиски византийских монет, называемые индикациями.

К настоящему времени в Китае обнаружено более сотни указанных выше изделий, именуемых китайскими исследователями «брактеатами». Первоначально там предполагалось, что золотые византийские монеты и их производные поставлялись посольствами напрямую из Византии. Однако по мере накопления материалов стало очевидно, что золотые солиды перемещали по Азии не столько дипломатические миссии, сколько торговцы Великого Шелкового пути.

По мнению авторов данной статьи, в VI–VIII вв. до н. э. византийские монеты, подражания и индикации могли использоваться по-разному. Вероятно, значительная часть их была связана с погребальным обрядом, но едва ли это были своего рода «оболы Харона». Не исключено, что они использовались в обыденной жизни Китая как платёжное средство, украшения и статусные изделия.

Ключевые слова: Великий Шёлковый путь, монеты, индикации, Восточная Римская империя, тюркский каганат, Алтай, этнокультурные связи.

Цитирование статьи:

Шульга Д. П., Шульга П. И. «Брактеаты» и «индикации» в контексте монетной традиции Великого Шелкового пути (на примере находки 1989 г. в Сиане) // Народы и религии Евразии. 2022. Т. 27, № 1. С. 60–71. DOI: 10.14258/nreur(2022)1–04.

D. P. Shulga

*Siberian Institute of Management — the Branch of RANEPА, Novosibirsk (Russia)***P. I. Shulga**

Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS, Novosibirsk (Russia)

“BRACTEATES” AND “INDICATIONS” IN THE CONTEXT OF THE MONETARY TRADITION OF THE GREAT SILK ROAD (ON THE EXAMPLE OF THE 1989 YEAR XI’AN FIND)

The proposed article publishes a little-known imprint of gold foil from China — the imitation of the Byzantine coin, presumably Anastasia I. The article also considers other finds of this kind and terminology of coin-like products, dividing them into three groups: gold coins weighing about 4.5 gr.; lightweight copies of Byzantine coins, called imitations; impressions of Byzantine coins, called indications.

Today more than a hundred of the above-mentioned goods have been discovered in China, called “bracteates” by Chinese researchers. Initially, it was assumed that gold Byzantine coins and their derivatives were supplied by embassies directly from Byzantium. However, as materials accumulated, it became obvious that gold solidars were moved through Asia not only by diplomatic missions but mostly by merchants of the Great Silk Road.

According to the authors of this article, in the VI–VIII centuries BC, Byzantine coins, imitations and indications could be used in different ways. Probably, a significant part of them was associated with the funeral rite, but it was hardly a kind of “Charon obola.” It is possible that they were used in the ordinary life of China as a means of payment, jewelry and positional goods.

Keywords: Great Silk Road, coins, Eastern Roman Empire, Turkic Khaganate, Altai, ethnocultural ties.

For citation:

Shulga D. P., Shulga P. I. “Bracteates” and “indications” in the context of the monetary tradition of the great silk road (on the example of the 1989 year Xi’an find). Nations and religions of Eurasia. 2022. T. 27, № 1. P. 60–71. DOI: 10.14258/nreur(2022)1–04.

Шульга Даниил Петрович, кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры гуманитарных основ государственной службы факультета политики и международных отношений, Сибирский институт управления — филиал РАНХиГС, Новосибирск (Россия). **Адрес для контактов:** alkaddafa@gmail.com

Шульга Петр Иванович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск (Россия). **Адрес для контактов:** shulgapi55@yandex.ru

Shulga Daniil Petrovich, Candidate of Science (History), senior lecturer, Chair of Humanitarian Foundations of Public Service of the Faculty of Politics and International Relations, Siberian institute of Management — the branch of RANEP, Novosibirsk (Russia). Contact address: alkaddafa@gmail.com. ORCID: 0000-0001-5820-1743.

Shulga Petr Ivanovich, Candidate of Science (History), senior scientist researcher, Institute of Archaeology and Ethnography of SD RAS, Novosibirsk (Russia). Contact address: shulgapi55@yandex.ru. ORCID: 0000-0001-5820-1743.

Введение

Летом 1989 г. в ходе археологических работ в восточном пригороде Сианя (провинция Шэньси, КНР) была исследована гробница, датируемая примерно временем правления императора Гаоцзуня (650–683 гг.) из династии Тан. Среди находок привлекает внимание обнаруженный в гробнице оттиск восточно-римской золотой монеты. Оттиск округлой формы, выполнен из сравнительно толстой золотой фольги. Его высота 2 см, ширина 2,15 см, масса 0,8 г. Аверс и реверс идентичны (с одной стороны образованный при штамповке «негатив», с другой — собственно изображение). В середине — погрудное изображение государя в доспехах, слегка повернутого влево (рис. 1-1). По обеим сторонам от головы человека видны латинские литеры. Часть букв неразличима, но реконструируется следующая последовательность: DNANA ... VS ... A V G (?). Наиболее логичная расшифровка: D (ominus) Ana ... us, AVG (ustus) [Ло Фэн, 1993: 17–19]. Лишь монеты Анастасия I (императора ромеев, годы правления 491–518) соответствовали этой надписи. Предполагается, что сианьский «брактеат», во-первых, имел своей основой солид именно этого императора (см. рис. 1–2), во-вторых, изготовлен в бассейне реки Хуанхэ, а не в Восточной Римской империи или Центральной Азии. Эти выводы в целом соответствуют традиционным взглядам китайских специалистов.

Рис. 1. Имитации солида Анастасия I: 1 — брактеат, найденный в районе Сианя [Ло Фэн, 2004: 156]; 2 — аверс качественной имитации из Лояна [Шувалов, Шульга, Кудинова, 2020]; 3 — реверс качественной имитации из Лояна [Люй Цзинь, 2014]

Fig. 1. Imitations of the solid Anastasia I: 1 — bracteate found in the area of Xi'an [Lo Feng, 2004: 156]; 2 — obverse of a high-quality imitation from the city of Loyang [Shuvalov, Shulga, Kudinova, 2020]; 3 — reverse of a high-quality imitation from Luoyang [Lu Jin, 2014]

Рис. 2. Брактеаты из погребения Шорон Бумбагар на севере Монголии
[Шульга, Гирченко, Филатова, 2020]

Fig. 2. Bracteates from the Shoron Bumbagar burial in northern Mongolia
[Shulga, Girchenko, Filatova, 2020]

Результаты исследования

Изучение найденных на территории КНР монет Восточной Римской империи, их имитаций и оттисков было начато менее века назад¹. Первая документированная находка солидов в Китае за пределами Шёлкового пути была сделана в 1953 г. группой археологов из Института материальной культуры и археологии провинции Шаньси в районе деревни Дицзанвань, у Сяньяна. Там в могиле высокопоставленного чиновника Ло Дугу (534–599 гг.) эпохи Суй (581–618 гг.) была обнаружена золотая монета, идентифицированная как солид византийского императора Юстина II (годы правления 565–578 гг.). За последовавшие почти 70 лет фонд ромейской нумизматики (включая «брактеаты») на территории Китая (включая Синьцзян) превысил сотню артефактов. При этом географически большая часть находок приходится не на Синьцзян (где они были изначально обнаружены), а на пространстве от Гуюаня (Нинся-Хуэйский АР) на западе до Лояна (провинция Хэнань) на востоке. За пределами этой территории находок сравнительно немного. Самый южный образец происходит из Ханчжоу (провинция Чжэцзян) [Lin Ying, 2005: 16], самый северный² — из Чаояна (провинция Ляонин). Хронологически находки в основном укладываются в период от Наньбэйчао до ранней Тан (конец VI — первая половина VIII в.) [Li Qiang, 2005: 299], что соответствует времени существования тюркских каганатов.

Появление в Китае этой знаковой категории инвентаря вызвало в исследовательском сообществе ряд вопросов. Первый из них касался «способа доставки» монет и производных от них (монетовидных) изделий в Поднебесную. Второй — их назначения в жизни китайского раннесредневекового общества. Оба этих вопроса актуальны до сих пор. Начиная с 1950-х гг., в первые три десятилетия развивавшейся археологии КНР, доминирующей была точка зрения, согласно которой «солиды» являлись свидетельством прямых связей Восточной Римской империи и Китая, осуществлявшихся на уровне посольств. В известной мере такую точку зрения подкрепляли сообщения танских нарративных источников о посланцах из страны Фулинь, т. е. ромейской державы.

По мере накопления материалов, знакомства китайских археологов с византийской нумизматикой и уменьшения идеологического давления на науку, вышеописанную концепцию пришлось существенно пересмотреть³. Стало очевидно, что солиды перемещали по Азии не столько дипломатические миссии, сколько торговцы Великого Шёлкового пути. Последние (в том числе согдийцы) часто были еще и носителями несто-

¹ На территории Синьцзяна находки делались и ранее. В районе Турфана в 1915 г. на могильнике Астана было найдено три имитации восточноримских монет [Ло Фэн, 1993: 17]. Однако Западный Край не входили в состав Китая на постоянной основе вплоть до Нового времени, так что здесь в древности и раннем Средневековье была особая культурно-политическая ситуация. К тому же автором раскопок был М. А. Стейн, а не китайские исследователи, и в этот период (1911–1927 гг.) западные регионы Китая были фактически неподконтрольны центральному правительству.

² Вообще же монеты, монетные подражания и индикации восточно-римских монет обнаруживаются и севернее, за пределами КНР, например, в Монголии [Горбунов, Серов, 2015: 74]. Похожие по стилю изделия с персидских монет есть в Южной Сибири, т. е. на территории РФ [Seregin, Tishin, Serov, 2021: 87–88].

³ В частности, большое разнообразие социальных статусов тех, с кем монеты были захоронены, противоречило предположению об их связи с посольствами. Здесь и жужаньская принцесса [Линь Дань, 2010: 58–61], и император угасающей династии [Лю Бинь, Янь Хуэй, 2016: 4–14], и согдийские торговцы [Wu, 2010: 94], и знатные тюрки [Го Юньян, 2016: 115–123].

рианского христианства — традиции, исторически связанной с Антиохией и Константинополем [Гэ Чэнъюн, 2001: 181–186].

Некоторые европейские и китайские исследователи [Шмонеvский, 2016: 262; Lin Ying, 2005: 18] подразделяют найденные в КНР и на сопредельных территориях ромейские монеты и производные от них изделия (включая оттиски из фольги) на три основные группы.

Первая группа — подлинные солиды, отчеканенные, очевидно, в Константинополе, с четкими изображениями и надписями, с нормативной массой 4,5 г. Вторая группа — качественные двусторонние подражания солидов, напоминающие настоящие по массе (2,5–4 г) и изображению, с возможностью установления прототипа. Грань между первой и второй группами изделий из Китая достаточно зыбкая, поскольку исследователям за пределами Китая приходится довольствоваться лишь опубликованными материалами, зачастую не содержащими полной информации. Авторы раскопок в КНР обычно не являются специалистами по ромейской нумизматике, а потому часто принимают качественные имитации за подлинники. Одним из примеров тому является находка монеты в гробнице одного из последних императоров Северной Вэй в Лояне. Вскрывшие гробницу китайские исследователи посчитали эту монету оригинальной, хотя она имела массу менее 3 г без заметных следов обрезки [Шувалов, Шульга, Кудинова, 2020: 253–260]. Соответственно, она может быть отнесена лишь к качественным копиям, часто называемым подражаниями. Крупнейшая единовременная находка монет, близких к оригиналам из Константинополя, была сделана в 1996 г. при раскопках погребения Тянь Хуна (511–575 гг.) [Гэ Чэнъюн, 2015: 118]. По своей массе они все менее 4,5 г, но, при этом у них сильно обрезаны края, что объясняет подобный «недовес». Усопший был вельможей при дворе Северной Чжоу (существовала в 557–581 гг.). Похожие по облику монеты были найдены в 2004 г. также в районе Гуюаня [Чэнь Вэй, 2012: 58–65].

К третьей группе отнесены золотые «брактеаты» с изображениями, оттиснутыми (отчеканенными) на тонком диске из фольги, массой менее 2 г [Шмонеvский, 2016: 262]. Эта группа вызывает особый интерес. Во-первых, в группу входят неоднородные категории вещей — от явных подражаний монетам⁴ до собственно «имитаций» монет. Под последними понимаются не являющиеся оттисками изделия в виде кружка с относительно вольным рельефным односторонним изображением [Абрамзон, Трейстер, 2015: 194–201].

Во-вторых, сам термин «брактеаты» не однозначен⁵. При этом в русскоязычной археологической литературе термин «брактеат» в отношении к оттискам монет постепенно заменили термином «индикация»⁶. Очевидно, что называя оттиск монеты «брактеа-

⁴ К таковым, в частности, относятся «двойные индикации» в виде плоского кружка с аверсом и реверсом [Калашник, 2013: 85].

⁵ Например, по мнению Ю. П. Калашника, «обычно брактеатами называли золотые кружки, гладкие либо украшенные каким-либо тисненым узором (...)». В нумизматике брактеаты — средневековые монеты, чеканившиеся на одной стороне тонких серебряных кружков [Калашник, 2013: 85].

⁶ Согласно одному из определений, «золотые индикации представляют собой оттиски монет, изготовленные из золотой фольги, и относятся к погребальному инвентарю, который предназначался исключительно для захоронений» [Анохин, Сон, 2016: 92].

том», нужно пояснять, подразумеваем ли мы под этим термином монету на тонкой пластине или следуем ранее существовавшей традиции называния разнообразных монетовидных изделий. Именно такое противоречие просматривается в работе Б. Ш. Шмонеvского, полагающего, что на просторах Евразии у кочевников (и не только) от аваров до тюрок «брактеаты» использовались в погребальном обряде, в том числе как «обол Харона» [Шмонеvский, 2016: 255–259, 264–266].

Нужно учитывать, что в русскоязычной археологической литературе продолжается процесс выработки соответствующей терминологии, в значительной степени зависящий как от традиций, так и от предполагаемого назначения монетовидных изделий. Так, в одной из работ по западным материалам отпечаток монеты Гераклеи Понтийской из Фанагории называется и как «двойная индикация», и как «двусторонняя имитация монеты» [Анохин, Сон, 2016: 94]. В этом случае слово «имитация» не является термином и используется в соответствии со своим значением. Между тем другие не менее известные специалисты понимают под «имитациями монет» конкретную категорию монетовидных изделий, даже не являющихся отпечатками [Абрамзон, Трейстер, 2015: 194–201].

Похожая ситуация и с термином «монетное подражание». Ещё меньшее отношение к золотым отпечаткам монет имеет термин «индикация» [Горбунов, Серов, 2015: 73], и не случайно некоторые исследователи предпочитают параллельно использовать более конкретный и понятный термин «отпечаток» монеты [Калашник, 2013: 85]. По этим причинам использование «строго определенных нумизматических терминов» по отношению к изделиям, не являвшимся монетами и не выполнявшим этих функций, также может вызвать вопросы. Не останавливаясь более на извечной проблеме терминологии, следует отметить, что в силу традиции китайские исследователи в основном продолжают называть монетовидные изделия термином «брактеаты», заимствованном ранее из зарубежной литературы.

Отпечатки монет («брактеаты») были распространены в Китае довольно долго: с середины VI в. до середины VIII в. (от финала Северной Ци до средней Тан) [Lin Ying, 2015: 18]. Заметное количество отпечатков было обнаружено в погребениях в районе Турфана (СУАР) и на могильнике согдийского семейства Ши в Гуяне (Нинся-Хуйский АР) [Гэ Чэнъюн, 2015: 121–122] (рис. 3). Возможно, в согдийском обществе ромейская монетная система воспринималась как эталонная. Доказательством тому может служить и находка юстинианова солида в гробнице Кан Е [Wu Jui-Man, 2010: 135].

Весьма дискуссионной является роль восточноримских монет и их имитаций в раннесредневековом Китае. Высказываются различные точки зрения [Шмонеvский, 2016: 254–274], в том числе об отпечатках монет как специальном знаке-маркере, пайцзе [Seregin, Tishin, Serov, 2021: 85; Серегин, Тишин, 2017: 255–262]. Польский историк Б. Ш. Шмонеvский акцентирует внимание на «заупокойной» функции монет, и приводит сведения о случаях помещения «солидов» в рот усопшим [Шмонеvский, 2016: 265–266]. В Китае существует точка зрения об использовании монет и отпечатков, называемых там «брактеатами», в торговле и обмене [Ло Фэн, 1993: 19]. Некоторые авторы признают верными все версии одновременно [Li Qiang, 2005: 288].

Рис. 3. Имитации ромейских монет из погребений клана Ши, исследованных в Нинся-Хуэйском автономном районе Китая: 1 — из погребения Ши Сояня; 2 — из погребения Ши Хэдана; 3 — из погребения Ши Тебана; 4 — из погребения Ши Даодэ [Ма Цзяньцзюнь, 2016]

Figure 3. Imitations of Roman coins from the burials of the Shi clan, explored in Ningxia Hui AR: 1 — from the burial of Shi Soyan; 2 — from the burial of Shi Hedan; 3 — from the burial of Shi Teban; 4 — from the grave of Shi Daoode [Ma Jianjun, 2016]

Заключение

Очевидно, некоторые новые выводы позволяет сделать находка из Сианя 1989 г. Хотя данный «брактеат» был найден более тридцати лет назад, в российской науке он практически неизвестен, как и другая, более качественная имитация солида Анастасия I, найденная в Лояне. Сами по себе два данных артефакта, очевидно, не связаны между собой напрямую¹. Но если мы примем во внимание вполне справедливое предположение Го Юньяня о том, что сианьский «брактеат» был изготовлен путем приложения диска из фольги к солиду Анастасия I и последующей работы молоточком [Го Юньянь, 2006: 82], то возникает почва для ряда предварительных выводов.

Во-первых, изготовление по крайней мере простейших односторонних имитаций могло быть налажено практически где угодно, требовалось лишь наличие золотой фольги и достойно выполненной монеты-матрицы. Строго говоря, последняя вполне могла быть качественным подражанием², а не оригиналом. Минимальные ювелирные навыки позволяли делать брактеаты в любых количествах, лишь бы было сырье (стоит признать, довольно дорогое). Это делает не слишком правдоподобной гипотезу об индикациях в роли пайцзы³.

¹ Хотя и восходят к одной и той же серии оригинальных ромейских монет.

² Подобной основой могла быть качественная имитация, вроде найденной в Лояне.

³ Следует отметить, что авторы гипотезы относятся к ней с оправданной осторожностью и не считают полностью доказанной [Серегин, Тишин, 2017: 261].

Во-вторых, на наш взгляд, довольно спорным выглядит высказываемое некоторыми исследователями отрицание торговой роли ромейских монет и их оттисков в раннесредневековом Китае [Seregin, Tishin, Serov, 2021: 93] и на сопредельных территориях. Даже самые простые «брактеаты» были золотыми, а их массу всегда можно было установить с помощью весов. Да, мы не можем говорить, что перед нами деньги в полном смысле слова, с нормативным весом и составом металла. Но едва ли стоит делать из этого вывод о невозможности использования в бартере компактных и ценных предметов, коими являлись имитации монет. Торговля по Шёлковому пути велась часто в обстановке политической раздробленности (как, например, в Китае в период Наньбэйчао), здесь по определению не могло быть твердой валюты. Зато ценность золота и серебра была очевидна всем, вне зависимости от культурной, языковой или политической принадлежности. Естественно, что в стороне от основных торговых путей, например, в Горном Алтае, оттиски монет (индикации) были скорее средством накопления и демонстрации статуса.

В-третьих, было бы неверно связывать ромейские монеты, подражания им и оттиски монет только с погребальным обрядом населения регионов, ныне входящих в КНР, и на сопредельных территориях. Эти изделия могли помещаться в погребения как и любая другая ценная вещь. И такие случаи фиксируются, например, в памятниках Монголии (см. рис. 2) и Нинся (см. рис. 3)¹. Думается, индикации не могут восприниматься как некие votivные приношения, вроде нарисованных денег, которые китайцы жгут по праздникам. Ведь специфика археологических источников такова, что изделия из драгоценных металлов редко встречаются на поселениях и куда чаще — в некрополях. Византийские монеты играли важную социально-экономическую роль в мире живых. Это могло быть достаточным основанием считать такие золотые монеты или их золотые оттиски ценными и значимыми в царстве мертвых.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Абрамзон М. Г., Трейстер М. Ю. Золотые имитации античных монет из Фанагории // Золото Фанагории. 2015. № 2. С. 194–201.

Анохин В. А., Сон Н. А. Золотые индикации монет из раскопок некрополя Херсонеса // Археологія і давня історія України. 2016. № 18. С. 92–95.

Горбунов В. В., Серов В. В. Нумизматический комплекс из тюркского кургана Шорон Бумбагар // Известия Алтайского государственного университета. 2015. № 4/1 (88). С. 72–78.

Калашник Ю. П. Пантикапейские индикации // Фидития. Памяти Ю. В. Андреева. СПб., 2013. С. 85–99.

Лысенко А. В. Индикация с римской монеты из святилища Эклизи-Бурун (Южный Крым) // История и археология Крыма. 2019. № X. С. 131–150.

Серегин Н. Н., Тишин В. В. Некоторые аспекты интерпретации монетных индикаций (брактеатов) из погребальных комплексов тюрок Центральной Азии // Известия Алтайского государственного университета. 2017. № 2 (94). С. 255–262.

¹ Более подробно о находках из этих регионов см.: [Шульга, Гирченко, Филатова, 2020: 695–701; Шульга, 2020: 104–112].

Шмонеvский Б. Ш. Византийская монета и ее подражания (монета мертвых) на примере находок из погребений Аварского каганата, на Шелковом пути и прилегающих территориях (VI–VIII вв.) // Краткие сообщения Института археологии. 2016. № 244. С. 254–274.

Шувалов П. В., Шульга Д. П., Кудинова М. А. Элитное погребение позднего этапа правления династии Северная Вэй с солидом византийского императора Анастасия I // *Stratum plus*. Археология и культурная антропология. 2020. № 6. С. 253–260.

Шульга Д. П. Имитации византийских монет в Нинся-Хуэйском автономном районе // Византийский временник. 2020. № 104. С. 104–112.

Шульга Д. П., Гирченко Е. А., Филатова М. О. Восточно-римские монеты из Северной Монголии и их имитации // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. 2020. № 26. С. 695–701.

Го Юньянь. 郭云艳. 论蒙古国巴彦诺尔突厥壁画墓所出金银币的形制特征 [Обсуждение золотых монет из тюркских погребений в Баян-Норе (Монголия)] // Цаюань вэньбу. 2016. № 1. Р. 115–123.

Го Юньянь. 郭云艳. 中国发现的拜占廷金币及其仿制品研究. 天津: 南开大学研究生院 [Исследование обнаруженных в Китае византийских монет и их имитаций]. Тяньцзинь. Отдел аспирантуры ун-та Нанькай, 2006. 286 р.

Гэ Чэнъюн. 葛承雍. 唐代长安一个粟特家庭的景教信仰 [Несторианские верования согдийской семьи в Чанъане в период династии Тан] // Лиши яньцзю. 2001. № 3. Р. 181–186.

Гэ Чэнъюн. 葛承雍. 从出土汉至唐文物看欧亚文化交流遗痕 [Культурные связи Европы и Азии по данным памятников наследия от Хань до Тан] // Гутун боюанькань. 2015. № 3. Р. 111–125.

Линь Дань. 林丹. 从东魏茹茹公主墓中之金币看北朝拜占庭金币的流入 [От золотых монет в могиле жужаньской принцессы эпохи Восточная Вэй до анализа импорта византийских солидов в Китай] // *Charming China*. 2010. № 11. Р. 58–61.

Ло Фэн. 罗丰. 关于西安所出东罗马金币仿制品的讨论 [Обсуждение имитаций восточно-римских золотых монет, произведенных в Сиане] // Чжунго цянъби. 1993. № 4. Р. 17–19.

Ло Фэн. 羅丰. 胡漢之間：《絲綢之路》與西北歷史考古. 北京: 文物出版社 [Между иноземцами и ханьцами: «Шелковый путь» и историко-археологические исследования Северо-запада]. Пекин, 2004. 515 р.

Лю Бинь. 刘斌、严辉. 洛阳涧西衡山路北魏墓发掘简报 [Краткий отчет о раскопках гробницы эпохи Северная Вэй на ул. Хэншаньлу в районе Цзяньси, г. Лоян. Вэньбу] // Памятники культуры. 2016. № 7. Р. 4–14.

Люй Цзинь. 吕进. 罗马金币循着丝绸之路来洛阳 [Римские монеты прибывают в Лоян по Шелковому пути] // Дахэ бао 22.04.2014. Р. 27.

Ма Цзяньцзюнь. 马建军. 宁夏境内考古发现的丝绸之路古国金银币简考 [Краткое изучение древних золотых и серебряных монет Шелкового пути, найденных в Нинся] // Чжунго цянъби. 2016. № 6. Р. 31–35.

Чэнь Вэй. 陈伟. 宁夏固原九龙山隋墓发掘简报 [Краткий отчет о раскопках суйской гробницы в Цзюлуншане, Гуюань, Нинся] // Вэньбу. 2012. № 10. Р. 58–65.

Li Qiang. Roman coins discovered in China and their research // *Studia Graeca et Latina*. 2005. № 51. P. 279–299.

Lin Ying. Solidi in China and Monetary Culture along the Silk Road // *The Silk Road*. 2005. № 3–2. P. 16–20.

Seregin N., Tishin V., Serov V. “Forgotten” Coin-Shaped Indication from the Early Medieval Burial Complex in Tuekta (Central Altai) // *Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences*. 2021. № 14 (1). P. 85–97.

Wu Jui-Man. Mortuary art in the Northern Zhou China (557–581 CE). Pittsburgh, 2010. 245 p.

REFERENCES

Abramzon M. G., Treister M. Iu. Zolotyie imitatsii antichnykh monet iz Fanagorii [Gold imitations of antique coins from Phanagoria]. *Zoloto Fanagorii* [Gold of Phanagoria]. 2015. № 2. S. 194–201 (in Russian)

Anokhin V. A., Son N. A. Zolotyie indikatsii monet iz raskopok nekropolia Khersonesa [Gold indications of coins from the excavations of the necropolis of Chersonesus]. *Arkheologiya i davnnya istoriya Ukraini* [Archeology and Ancient History of Ukraine]. 2016. № 18. S. 92–95 (in Russian)

Gorbunov V. V., Serov V. V. Numizmaticheskii kompleks iz tiurkskogo kurgana Shoron Bumbagar [Numismatic complex from the Turkic burial mound Sharon Bumbagar]. *Izvestiia Altaiskogo gosudarstvennogo universiteta* [Izvestiia of the Altai State University]. 2015. № 4–1 (88). S. 72–78 (in Russian)

Kalashnik Iu. P. Pantikapeiskie indikatsii [Panticapean indications]. *Fiditiia. Pamiati Iu. V. Andreeva* [Fiditiya. In memory of Yu. V. Andreev]. 2013. S. 85–99 (in Russian)

Lysenko A. V. Indikatsiia s rimskoi monety iz sviatilishcha Eklizi-Burun (Iuzhnyi Krym) [An indication from a Roman coin from the sanctuary of Eklizi-Burun (Southern Crimea)]. *Istoriia i arkheologiya Kryma* [History and archeology of the Crimea]. 2019. № X. S. 131–150 (in Russian)

Seregin N. N., Tishin V. V. Nekotorye aspekty interpretatsii monetnykh indikatsii (brakteatov) iz pogrebal'nykh kompleksov tiurok Tsentral'noi Azii [Some aspects of the interpretation of coin indications (bracteates) from the burial complexes of the Turks of Central Asia]. *Izvestiia Altaiskogo gosudarstvennogo universiteta* [Izvestiia of the Altai State University]. 2017. № 2 (94). S. 255–262 (in Russian)

Shmonevskii B. Sh. Vizantiiskaia moneta i ee podrazhaniia (moneta mertvykh) na primere nakhodok iz pogrebenii Avarskogo kaganata, na Shelkovom puti i privilegiiushchikh territoriiakh (VI–VIII vv.) [The Byzantine coin and its imitations (the coin of the dead) on the example of finds from the burials of the Avar Khaganate, on the Silk Road and adjacent territories (VI–VIII centuries)]. *Kratkie soobshcheniia Instituta arkheologii* [Brief communications of the Institute of Archeology]. 2016. № 244. S. 254–274 (in Russian)

Shuvalov P. V., Shul'ga D. P., Kudinova M. A. Elitnoe pogrebenie pozdnego etapa pravleniia dinastii Severnaia Vei s solidom vizantiiskogo imperatora Anastasiia I [Elite burial of the late stage of the Northern Wei Dynasty with the solid of the Byzantine Emperor Anastasius I]. *Stratum plus. Arkheologiya i kul'turnaia antropologiya* [Stratum plus. Archaeology and cultural anthropology]. 2020. № 6. S. 253–260 (in Russian)

Shul'ga D. P. Imitatsii vizantiiskikh monet v Ninsia-Khueiskom avtonomnom raione [Imitations of Byzantine Coins from Ningxia-Hui Autonomous Region]. *Vizantiiskii vremennik* [Byzantine timeline]. 2020. № 104. S. 104–112. (in Russian)

Shul'ga D. P., Girchenko E. A., Filatova M. O. Vostochno-rimskie monety iz Severnoi Mongolii i ikh imitatsii [East Roman coins from Northern Mongolia and their imitations]. *Problemy arkheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nykh territorii* [Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories]. 2020. № 26. S. 695–701. (in Russian)

Guo Yunyan. On the Formal Characteristics of Gold and Silver Coins from the Turkic Grave in Mongolian Bayan-Nur. *Caoyuan wenwu*. 2016. № 1. P. 115–123. (in Chinese)

Guo Yunyan. Study of Byzantine coins and their imitations discovered in China. Tianjin. 2006. 286 p. (in Chinese)

Ge Chengyun. The Nestorian belief of a Sogdian family in Tang dynasty Chang'an. *Lishi yanjiu*. 2001. № 3. P. 181–186 (in Chinese)

Ge Chengyun. Cultural ties between Europe and Asia according to heritage sites from Han to Tang. *Gugong bowuyuankan*. 2015. № 3. P. 111–125 (in Chinese).

Lin Dan. Observing the inflow of Byzantine Northern Dynasty Gold from the coins in the Tomb of Ruru princess of the Eastern Wei Dynasty. *Charming China*. 2010. № 11. P. 58–61 (in Chinese).

Luo Feng. Discussion of imitations of East Roman gold coins produced in Xi'an. *Zhongguo qianbi*. 1993. № 4. P. 17–19 (in Chinese).

Luo Feng. Between foreigners and hans: The Silk Road and historical and archaeological research of the Northwest. Beijing. 2004. 515 p. (in Chinese)

Liu Bin. A brief report on the excavation of the Tomb of the Northern Wei Dynasty at Hengshan Road, Jianxi, Luoyang. *Wen wu*. 2016. № 7. P. 4–14 (in Chinese).

Lü Jin. Roman gold coins came to Luoyang along the Silk Road. *Dahe bao* 22.04.2014. 27 p. (in Chinese).

Ma Jianjun. A brief study of the Ancient gold and silver coins of the Silk Road archaeological discoveries in Ningxia. *Zhongguo qianbi*. 2016. № 6. P. 31–35 (in Chinese).

Chen Wei. A brief report on the excavation of the Sui Tomb in Jiulongshan, Guyuan, Ningxia. *Wenwu*. 2012. № 10. P. 58–65 (in Chinese).

Li Qiang. Roman coins discovered in China and their research. *Studia Graeca et Latina*. 2005. № 51. P. 279–299 (in English).

Lin Ying. Solidi in China and Monetary Culture along the Silk Road. *The Silk Road*. 2005. № 3–2. P. 16–20 (in English).

Seregin N., Tishin V., Serov V. "Forgotten" Coin-Shaped Indication from the Early Medieval Burial Complex in Tuekta (Central Altai). *Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences*. 2021. № 14 (1). P. 85–97 (in English).

Wu Jui-Man. Mortuary art in the Northern Zhou China (557–581 CE). Pittsburgh, 2010. 245 p. (in English).

Статья поступила в редакцию: 15.12.2021.

Принята к публикации 15.02.2022.

Дата публикации 25.03.2022.

Раздел II

ЭТНОЛОГИЯ И НАЦИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА

УДК 39

DOI: 10.14258/nreur(2022)1–05

П. К. Дашковский

Алтайский государственный университет, Барнаул (Россия)

М. Гантуяа

Институт философии Академии наук Монголии, Улан-Батор (Монголия)

Е. А. Шершнева

Алтайский государственный университет, Барнаул (Россия)

И. Бүрэнэлзий

Ховдский государственный университет, Ховд (Монголия)

РЕЛИГИОЗНЫЕ ПРОЦЕССЫ НА ТЕРРИТОРИИ МОНГОЛИИ (ПО РЕЗУЛЬТАТАМ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ)

В статье представлены результаты социологического исследования, проведенного в рамках российско-монгольского проекта в 2020 г. на территории Монголии. В ходе исследования была сделана попытка оценить религиозную ситуацию на территории Монголии и выявить степень вовлеченности жителей страны в религиозную жизнь, а также восприятие ими государственной конфессиональной политики.

Выборка исследования — 362 человека. При этом в число опрошенных попало значительное количество респондентов, которые приехали на учебу или на работу из разных районов страны. 73% респондентов считают, что человеку необходимо быть верующим. Однако 46% опрошенных посещают культовые места очень редко, а 22% не соблюдают вообще никаких религиозных обрядов. Данный факт свидетельствует о достаточно слабой вовлеченности респондентов в религиозную жизнь, в том числе и буддийской сангхи. Исследования показали, что на территории Монголии преобладающей конфессией является буддизм, который рассматривается как часть национальной культуры монгольского народа. Со стороны государства предпринимаются меры по поддержке

буддийского института как элемента национальной идентичности. Данные меры приводят к популяризации буддизма среди населения Монголии.

По мнению респондентов, важную роль в выстраивании межконфессионального диалога должно играть государство, задачей которого является контроль за деятельностью религиозных организаций. Установлено, что в монгольском обществе преобладают стереотипы, связанные с религиозными традициями. Так, большинство респондентов связывают ислам с проявлениями экстремизма. При этом следует отметить, что Монголия является страной с достаточно низким уровнем распространения экстремистского мировоззрения. Оценка развития межконфессиональной ситуации в Монголии требует дальнейшего наблюдения. Достаточно большой процент респондентов отметили, что межконфессиональная ситуация на территории Монголии не может считаться абсолютно стабильной. Усиление роли буддийской сангхи в политической и культурной жизни страны требует её оценки в выстраивании межконфессиональных отношений в регионе.

Ключевые слова: государственно-конфессиональная политика, буддизм, Монголия, религиозная идентичность, религиозность, экстремизм, конфессии.

Цитирование статьи:

Дашковский П. К., Гантуяа М., Шершнева Е. А., Бүрэнэлзий И. Религиозные процессы на территории Монголии (по результатам социологического исследования) // Народы и религии Евразии. 2022. Т. 27, № 1. С. 72–89. DOI: 10.14258/nreur(2022)1–05.

P. K. Dashkovskiy

Altai State University, Barnaul (Russia)

M. Gantuya

Institute of Philosophy of the Academy of Sciences of Mongolia, Ulaan-Baatar (Mongolia)

E. A. Shershneva

Altai State University, Barnaul (Russia)

I. Burenolziy

Khovd State University, Khovd (Mongolia)

RELIGIOUS PROCESSES ON THE TERRITORY OF MONGOLIA (BASED ON THE RESULTS OF SOCIOLOGICAL RESEARCH)

The article presents the results of a sociological study conducted by the Russian-Mongolian project in 2020 on the territory of Mongolia. In the course of the study, an attempt was made

to assess the religious situation on the territory of Mongolia and to identify the degree of involvement of the country's residents in religious life, as well as their perception of state confessional policy.

The sample of the study is 362 people. At the same time, the number of respondents included a significant number of respondents who came to study or work from different parts of the country. 73% of respondents believe that a person needs to be a believer. However, 46% of respondents visit places of worship very rarely, and 22% do not observe any religious rites at all. This fact indicates a rather weak involvement of respondents in religious life, including the Buddhist sangha. Research has shown that Buddhism is the predominant denomination in Mongolia, which is considered as part of the national culture of the Mongolian people. The State is taking measures to support the Buddhist institute as an element of national identity. These measures lead to the popularization of Buddhism among the population of Mongolia.

According to respondents, an important role in building interfaith dialogue should be played by the state, whose task is to control the activities of religious organizations. It is established that stereotypes associated with religious traditions prevail in Mongolian society. Thus, the majority of respondents associate Islam with manifestations of extremism. At the same time, it should be noted that Mongolia is a country with a fairly low level of extremist worldview. The assessment of the development of the interfaith situation in Mongolia requires further observation. A fairly large percentage of respondents noted that the interfaith situation in Mongolia cannot be considered absolutely stable. The strengthening of the Buddhist Sangha in the political and cultural life of the country requires an assessment of its role in building interfaith relations in the region.

Keywords: state and confessional politics, Buddhism, Mongolia, religious identity, religiosity, extremism, confessions.

For citation:

Dashkovskiy P. K., Gantuya M., Shershneva E. A., Burenolziy I. Religious processes on the territory of Mongolia (based on the results of a sociological study). Nations and religions of Eurasia. 2022. T. 27, № 1. P. 72–89. DOI: 10.14258/nreur(2022)1–05.

Дашковский Петр Константинович, доктор исторических наук, профессор, ведущий кафедрой регионоведения России, национальных и государственно-конфессиональных отношений, ведущий лабораторией этнокультурных и религиоведческих исследований Алтайского государственного университета, Барнаул (Россия).

Адрес для контактов: dashkovskiy@fpn.asu.ru

Гантуяа Массаржав, доктор PhD, научный сотрудник отдела религиоведения Института философии АН Монголии, Улан-Батор (Монголия). **Адрес для контактов:** gantuyam@outlook.com

Шершнева Елена Александровна, кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры регионоведения России, национальных и государственно-конфессиональных отношений Алтайского государственного университета, Барнаул (Россия). **Адрес для контактов:** D2703@yandex.ru

Бүрэнөлзий Идрээ, кандидат философских наук, секретарь научного совета Ховдского государственного университета, Ховд (Монголия)

Dashkovskiy Petr Konstantinovich, doctor of historical sciences, professor, head of the Department of regional Studies of Russia, national and state-confessional relations, head of the laboratory of ethnocultural and religious studies of the Altai state university, Barnaul (Russia). **Contact address:** dashkovskiy@fpn.asu.ru. ORCID 0000–0002–4933–8809.

Gantuya Massarzhev, PhD, Researcher at the Department of Religious Studies of the Institute of Philosophy of the Academy of Sciences of Mongolia, Ulaanbaatar (Mongolia).

Contact address: gantuyam@outlook.com

Shershneva Elena Aleksandrovna, candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Regional Studies of Russia, National and State-Confessional Relations, Altai State University. **Contact address:** D2703@yandex.ru. ORCID 0000–0001–6766–6438

Burenolziy Ilraay, Candidate of Philosophical Sciences, secretary soveta Hovdskogo gosudarstvennogo universiteta, Khovd (Mongolia).

Введение

Современные государства, прошедшие этап формирования атеистического мировоззрения в период построения социализма, сопровождающегося борьбой с любыми проявлениями религиозности, начиная с 1990-х гг. в связи с изменением политического устройства стали стремиться к возрождению духовности и реализации принципов свободы совести. В данном случае Монголия не стала исключением. Начавшиеся в конце XX в. демократические преобразования в стране привели к религиозному плюрализму и выработке новой системы государственно-конфессиональных отношений. Государственная политика в области регулирования религиозных отношений на современном этапе во многом направлена на соблюдение принципов свободы совести, закрепленных в нормативно-правовых документах Монголии [Романова, Зимин и др., 2015: 96; Сабиров, 2020: 91].

Более 10 лет совместно российскими и монгольскими учеными в рамках совместных исследовательских проектов проводится анализ этноконфессиональных процессов, протекающих на территории Монголии (Дашковский, Кушнерик, Цэдэв, 2009; Дашковский, Цэдэв, Шершнева, 2010; Цогзолмаа, 2018; Цэдэв, 2017; Dashkovskiy, 2015; Dashkovskiy, Shershneva, Cedav, 2018). В рамках данного исследования в 2020 г. на территории Монголии были проведены новые социологические опросы. Основные задачи исследования сводятся к следующим позициям: установление отношения населения страны к религии; выявление глубины вовлеченности респондентов в религиозные процессы; оценка межконфессиональной ситуации и роли правительства в выстраивании государственно-конфессиональных отношений.

Учитывая численность, плотность населения и административно-территориальное деление Монголии, было решено опросить не менее 300 респондентов из центральной части страны. В рамках проведенного социологического исследования в Улан-Баторе фактически было опрошено 362 человека (100%) разного пола, возраста, этнической

принадлежности и профессиональной деятельности. При этом необходимо отметить, что в Улан-Баторе как столице государства и самом крупном мегаполисе страны работают, обучаются и проживают (постоянно или временно) жители из разных частей Монголии. Все респонденты были разделены на 5 групп. В возрасте от 16 лет до 21 года было опрошено 73 человека (20%), в возрастной группе от 22 до 35 лет 78 человек (22%) от 36 до 45 лет — 54 человека (15%), в группе от 46 до 60 лет — 96 человек (27%), лиц старше 61 года — 61 человек (17%). Полученная выборка (стратифицированная, территориальная, случайная) носит репрезентативный характер.

Религиозность населения

С целью выявления отношения жителей Монголии к религии респондентам было предложено ответить на вопрос «Как вы считаете, важно ли человеку быть верующим?». В результате 73% респондентов (263 человека) дали положительный ответ на поставленный вопрос, 12% (44 человека) не считают веру обязательной составляющей жизни каждого человека, а 15% (55 человек) затруднились ответить на поставленный вопрос. При этом следует отметить, что важность религии в жизни каждого человека отмечали респонденты всех возрастов. За десятилетний период нашего социологического мониторинга религиозных процессов на территории Монголии стало заметно определенное усиление роли религии в жизни общества. Если сравнить новые результаты опросов с более ранними исследованиями в Монголии [Дашковский, Кушнерик, Цэдэв, 2009: 242; Дашковский, Шершнева, Цэдэв, 2017: 117], то можно отметить, что существенно снизился процент лиц, не считающих религию важным явлением в жизни человека. Однако, согласно проведенному опросу, у 60% респондентов (218 человек) религиозные праздники в доме не отмечаются. Таким образом, можно предположить, что религиозность в монгольском обществе носит во многом формальный характер, во всяком случае, для части населения. Данная тенденция может объясняться и тем фактом, что с политическими преобразованиями в Монголии наметилась тенденция на интеграцию данного региона в мировое политическое и культурное сообщество, но с сохранением собственной этнокультурной идентичности [Ермакова, 2015: 168]. Религия при этом рассматривается как неотъемлемая часть культуры Монголии.

Распределение респондентов по конфессиональной принадлежности в рассматриваемом регионе отражено в диаграмме (рис. 1).

Из диаграммы видно, что на территории Монголии преобладающей конфессией является буддизм, что вполне объяснимо историческими процессами. Однако следует обратить внимание, что по сравнению с исследованиями, проведенными в 2016 г., снизился процент последователей шаманизма [Дашковский, Шершнева, Цэдэв, 2017: 417]. Данный факт объясняется также популяризацией буддизма в стране. Буддизм позиционируется со стороны государства как часть монгольской традиционной культуры и истории. Активно принимаются меры по популяризации национально-культурных ценностей, важное значение в которых имеют именно ценности буддизма. Активная позиция правительства в поддержании буддийских ценностей придает ему неофициальный статус государственной религии [Сабиров, 2020: 91; Романова, Зимин и др., 2015: 97; Жуков, Зимин, Жукова, 2016: 36–38].

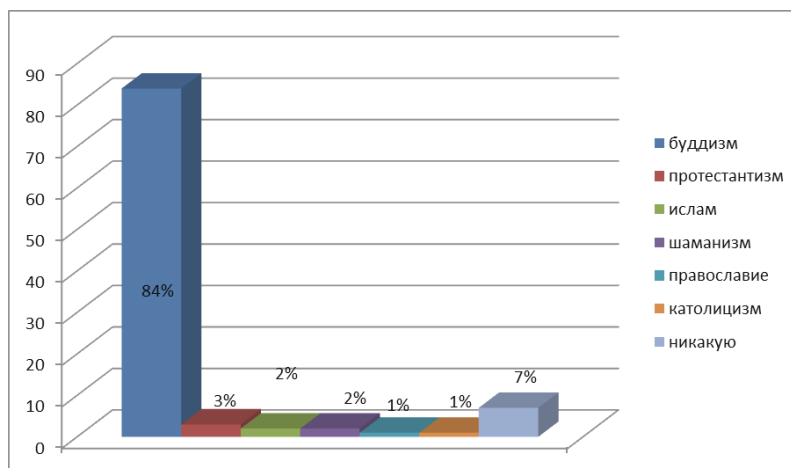

Рис. 1. Конфессиональная принадлежность респондентов Монголии

Fig. 1. Confessional affiliation of respondents in Mongolia

Если сравнивать полученные данные с ранее проведенными исследованиями, то необходимо отметить, что роль буддизма как культурной составляющей в жизни монголов в определенной степени возросла. Обращаясь к социологическим исследованиям 2016–2018 гг., можно отметить, что буддийской традиции в тот период придерживалось только 57,6% респондентов, проживающих на территории Центральной и Западной Монголии [Цэдэв, Монхбат, 2019: 113].

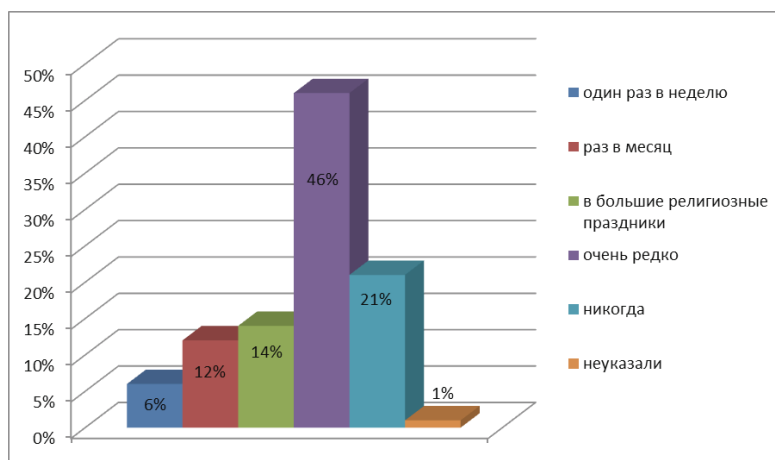

Рис. 2. Посещение культового объекта респондентами

Fig. 2. Visit of the cult object by respondents

В рамках исследования мы попытались оценить конфессиональную идентичность, уровень религиозности, которая рассматривается как вовлеченность в религию, в культовую деятельность и следование религиозным ориентирам. О глубине религиозной

веры могут свидетельствовать ответы на вопросы о том, как часто респонденты посещают культовые места, а также соблюдают ли религиозные обряды дома. Ответы респондентов на вопрос «Как часто Вы посещаете храм (мечеть, церковь и др.)?» представлены в диаграмме (рис. 2).

Из диаграммы видно, что посещение культовых мест респондентами не рассматривается как обязательное, и такого мнения придерживаются представители всех возрастных групп опрошенных. Во всяком случае, необходимость посещения культовых объектов с целью удовлетворения религиозных потребностей в данном случае носила вторичный характер. В противном случае респонденты стремились бы к более частому и систематическому посещению религиозных объектов. Несмотря на то, что большинство респондентов не считает обязательным посещение культовых мест, 40% опрошенных (143 человека) указывают на необходимость соблюдения религиозных обрядов. Однако достаточно большой процент опрошенных — 31% (112 человек) затруднились определить важность соблюдения религиозных обрядов. Следует также отметить, что респонденты в возрасте от 16 до 45 лет отводят соблюдению религиозных обрядов менее значительную роль. Такого мнения придерживаются 37% опрошенных (76 человек) в возрасте от 16 до 45 лет, тогда как люди в возрасте от 46 лет и старше лишь в 19% случаев (31 человек) не считают важным исполнение религиозных обрядов. При этом 40% респондентов (146 человек) исполняют религиозные обряды только по праздникам, а 22% (79 человек) никаких религиозных обрядов не исполняют вообще.

По сравнению с исследованиями 2016 г. наблюдается определенное снижение респондентами соблюдения религиозных традиций в большие праздники [Дашковский, Шершнева, Цэдэв, 2017: 117]. Соблюдение религиозных обрядов может рассматриваться населением Монголии как неотъемлемая часть духовной культуры [Гусев, Терентьев, 2020: 44]. На современном этапе отмечается тенденция, связанная с потребностью в религиозной идентификации. Данное явление находит отражение во всем мировом пространстве, когда население относит себя хотя бы формально к какой-либо конфессии [Горохов, 2012: 49]. Таким образом, несмотря на то, что большинство респондентов идентифицируют себя как верующих, их вовлеченность в культовую деятельность очень низкая.

Несмотря на то, что в Монголии среди верующих людей преобладают последователи буддизма, тем не менее, демократические преобразования в стране создали условия для распространения различных религиозных течений. В рамках социологического опроса респондентам было предложено указать, с какими религиозными направлениями они знакомы. Результаты ответов респондентов на этот вопрос представлены в диаграмме (рис. 3).

Из приведенных данных видно, что респонденты знакомы не только с традиционными для региона религиями, но и с новыми религиозными движениями. В то же время процент знакомства с последними незначительный. При этом после буддизма, ислама, православия, католичества и шаманизма относительно большой процент (7%) респондентов отмечали знакомство с таким протестантским направлением, как баптизм. Кроме того, достаточно значительный процент молодых людей (8%) в возрасте от 16 лет до 21 года указали на осведомленность о вайшнавской традиции.

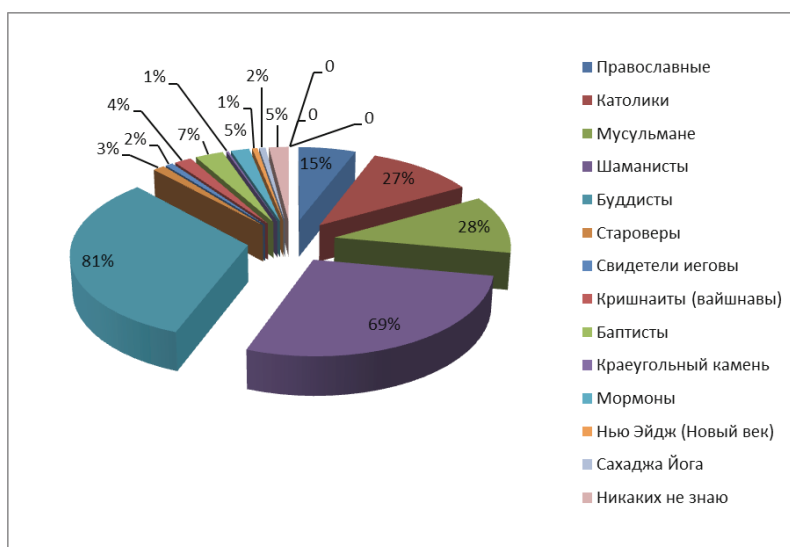

Рис. 3. Знакомство респондентов с религиозными общинами

Fig. 3. Acquaintance of respondents with religious communities

Межконфессиональные отношения

На динамику межрелигиозных отношений оказывают влияние разные факторы, в том числе и семейно-брачные отношения. Согласно данным опроса 39% (141 человек) согласились бы на брак с представителем другой веры. Однако 38% (137 человек) высказались против межконфессиональных браков, а 23% (84 человека) затруднились ответить на данный вопрос. Данный факт свидетельствует о настороженном отношении к представителям иной конфессии. Готовность к принятию в свою семью представителя другого вероисповедания продемонстрировали респонденты в возрасте от 16 до 45 лет, тогда как 52% респондентов (50 человек из 96 опрошенных) в возрасте от 46 до 60 лет выступили категорично против межконфессиональных браков. Следует также указать, что 290 человек (80%) ответили, что в их семьях отсутствуют представители другого вероисповедания. В случае вступления в брак с представителем иного вероисповедания респонденты отдают предпочтение католичеству (57% опрошенных), на втором месте православие (26% опрошенных). Согласие на брак с представителями исламской традиции отдали бы 25% респондентов, а с последователями протестантизма — 18%. Таким образом, для жителей Монголии наиболее привлекательным для вступления в брак являются последователи христианских вероисповеданий. С началом демократических преобразований в стране начинают появляться представители различных религиозных направлений, среди которых именно христианство имело богатый опыт миссионерской деятельности. Активная позиция христианских миссионеров выстраивала образ христианина как прогрессивного и современного человека. В связи с этим именно христианская традиция начинает рассматриваться монголами как наиболее привлекательная [Сабиров, 2020: 102; Четырова, 2011: 195].

Следует также отметить, что современная Монголия, находящаяся на стадии модернизации, стремится сочетать принципы демократии с тенденцией на сохранение традиций и ценностей монгольского народа. Открытость границ повлияла на развитие процессов глобализации и влияния западной культурной традиции на население страны [Россия и Монголия..., 2016: 80]. Следствием этого явился особый интерес со стороны населения Монголии к представителям христианских конфессий как носителям западной культуры. В то же время большинство населения страны на данном этапе все еще стремится сохранить национальную культуру и традиции, избегая заключения межконфессиональных браков.

Оценить межконфессиональную ситуацию на территории Монголии позволяет вопрос о том, насколько легко жители находят контакт с представителями другой религии. При этом 37% опрошенных ответили, что им легко найти контакт с адептами других вероисповеданий, а 32% респондентов указали, что им скорее легко, чем сложно это сделать. Легче всего выстраиваются отношения с представителями другой религиозной традиции у респондентов в возрасте от 16 до 21 года. Так, 81% (59 человек в данной возрастной группе) респондентов указанного возраста отметили, что им легко установит контакт с представителем другой конфессии. Такое распределение ответов позволяет сделать вывод, что население Монголии, особенно молодое поколение, становится достаточно толерантным к представителям иных религиозных традиций [Цэдэв, Монхбат, 2019: 113].

Большинство респондентов всех возрастных групп отметили, что у них не возникало противоречий с представителями других конфессий — 55% (199 человек). При этом среди конфессий, с которыми наиболее часто возникали конфликты, респонденты отметили ислам (39% опрошенных) и католицизм (38% опрошенных). Таким образом, среди населения Монголии отмечается позитивное отношение к представителям других религиозных групп. При этом отказ от вступления в брак с последователем другой религиозной традиции может расцениваться как потребность населения в сохранении своей этнической идентичности, так как буддизм в Монголии воспринимался как неотъемлемая часть монгольской культуры.

В качестве причин возникновения конфликтов респонденты указывают следующие факторы, которые отражены в диаграмме (рис. 4).

Из приведенных данных видно, что этническая принадлежность не является основной причиной возникающих конфликтов. 12% опрошенных отметили его как причину возникшей конфликтной ситуации. Примечательно также, что 17% отметили в качестве причины конфликта отношение к той религии, которую исповедовали респонденты. Очевидно, что причины конфликта могут быть разнообразны и формируются они во многом в рамках межличностных отношений. В связи с этим неслучайно 27% респондентов вообще затруднилось выделить конкретную причину межконфессионального конфликта.

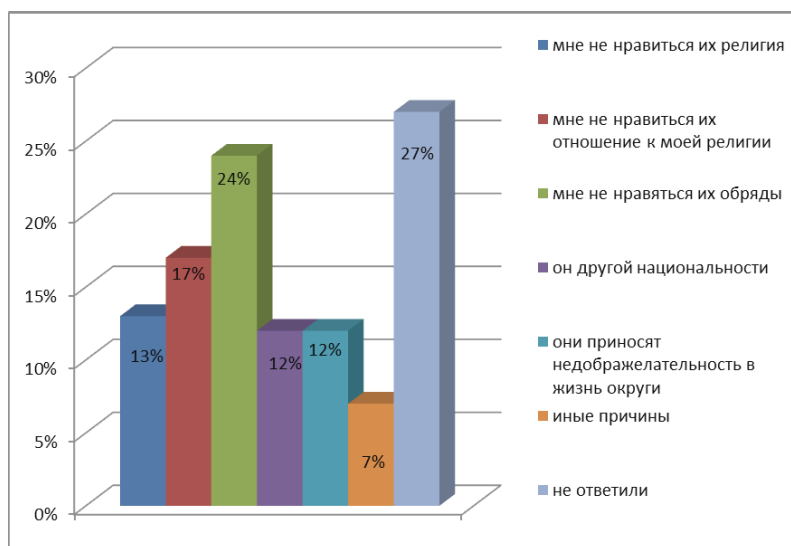

Рис. 4. Ответы респондентов на вопрос «Что вызывает противоречия с представителями других вероисповеданий?»

Fig. 4. Respondents' answers to the question «What causes contradictions with representatives of other faiths?»

Следует также отметить, что монголы очень часто демонстрируют индифферентность к религиозной идентичности, что и позволяет избегать межрелигиозных конфликтов. Так, в результате исследования на выявление социальной дистанции, проведенного в сентябре 2019 г. в Улан-Баторе, было установлено, что монголы испытывают прохладные отношения к представителям «титularной» конфессии [Гусев, Терентьев, 2020: 45–46]. При этом буддизм рассматривается большинством населения Монголии как неотъемлемая часть национальной культуры. К тому же государство оказывает поддержку буддизму, что приводит к формальному отнесению себя многими респондентами к данной религиозной традиции. Прохладное отношение к представителям «титularной» конфессии может также объясняться слабой вовлеченностью населения в данную религиозную традицию и отнесения себя к ней только по формальным признакам.

Относительная однородность религиозного состава населения Монголии привела к тому, что жители страны в последние годы в целом не испытывали притеснений по принципу религиозной принадлежности [Дашковский, Цэдэв, Шершнева, 2010: 183]. В рамках проведенного исследования данная тенденция на территории страны продолжает сохраняться. Так, 78% опрошенных (283 человека) указали, что никогда не испытывали ущемления своих прав по религиозному признаку. Данное отношение к представителям разных конфессий на территории Монголии обусловлено восприятием респондентами сложившейся религиозной ситуации в регионе, что отражено в диаграмме (рис. 5).

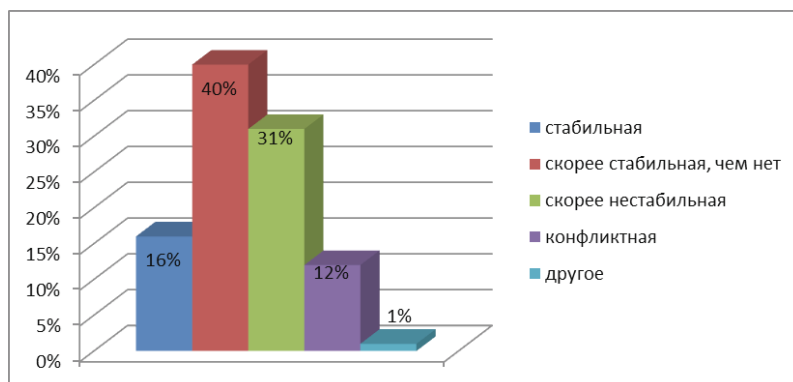

Рис. 5. Оценка респондентами религиозной ситуации в Монголии
 Fig. 5. Respondents' assessment of the religious situation in Mongolia

Однако достаточно большой процент респондентов оценивает религиозную ситуацию в Монголии как не очень стабильную и даже конфликтную. Возможно, такая тенденция связана с восприятием большинства монголов буддизма как неотъемлемой части национальной идентичности. Таким образом, появление новых конфессий на территории государства может оцениваться частью населения как разрушение традиционного культурного концепта монголов.

Религия и государство

Особое внимание в процессе исследования было уделено вопросу взаимодействия религиозных институтов и органов государственной власти. В этой связи респондентам был задан вопрос «Должны ли религиозные деятели вмешиваться в дела политики?». На данный вопрос 66% (238 человек) ответили, что они против вмешательства религиозных лидеров в дела государства. При этом, несмотря на достаточную стабильность религиозной ситуации в Монголии и на светскость государственной власти, респондентам было предложено ответить на вопрос «Какие конфессии имеют большое влияние на политику в регионе?». Полученные результаты представлены на диаграмме (рис. 6).

Так, 3% (11 человек) респондентов считают, что в Монголии никакая религия не оказывает влияния на государственную политику. В то же время из приведенных данных видно, что достаточно большой процент респондентов считают буддизм, который исповедует большинство населения страны, значительным фактором влияния на систему государственной власти. Большая роль буддизма в политике страны свидетельствует и о том, что именно эта религия позволяет Монголии активнее включаться в мировое политическое пространство, присоединившись ко всему буддийскому миру [Михалев, 2013].

О возрастании в конце XX в. роли буддизма в политической системе Монголии свидетельствуют организованные еще в апреле-мае 1990 г. партии «Монгольская религиозно-демократическая партия» (Монголын Шашинтны Ардчилсан Нам), Монгольская Народная Партия (Монгол Ардыннам), имевшие религиозную направленность.

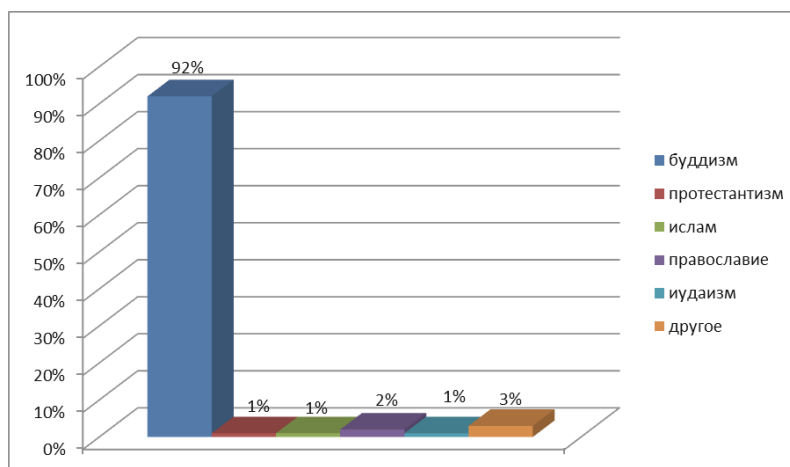

Рис. 6. Ответы респондентов на вопрос «Какие конфессии оказывающие влияние на политику Монголии?»

Fig. 6. Respondents' answers to the question «Which confessions influence the politics of Mongolia?»

Кроме того, в марте 1990 г. был организован Союз верующих Монголии. Одной из целей данного союза было возрождение старых монастырей, строительство новых и доступность их для верующих [Цымжит, Самдангийн, 2014: 68]. Особое место отводится буддизму в силу исторических условий его развития на территории Монголии. К тому же с началом проходивших в стране в 1990-е гг. демократических реформ власти, поддерживая буддийскую сангху, возлагали на неё надежды по сплочению монгольского народа, а также оказанию социальной помощи [Сабиоров, 2012: 96].

Монгольское общество, вступившие на путь демократических преобразований, испытывает потребность в такой религиозной системе, которая готова к тенденциям развития страны и вызовам современности. Именно к этому буддийскую сангху призывает правительство Монголии. Таким образом, буддизм постепенно начинает вписываться в социокультурные реалии современности, учитывая новые формы коммуникации с верующими и потенциальными последователями вероисповедания. Так, например, в 2007 г. главный монастырь страны Гандан организовал рок-концерт на своей территории, в котором приняли участие многие популярные певцы и рок-группы. Представители буддийской сангхи активно знакомят жителей страны с буддийским учением, выступая, в том числе, и в СМИ [Сабиоров, 2018: 50].

В современном обществе очень остро стоит проблема противодействия экстремизму и терроризму. Терроризм является угрозой национальной и международной безопасности, масштабы которого непредсказуемы. Несмотря на то, что риск террористической опасности в Монголии на 2016 г. оценивался как незначительный, это не является основанием исключать данную страну из списка возможного распространения идей экстремистской направленности [Жулак, Урангоо, 2018: 445–446]. На вопрос о связи религии с экстремистской деятельностью 41% респондентов ответили, что эти явления тесно связа-

ны между собой, а 21% опрошенных затруднились ответить на данный вопрос. 48% респондентов (172 человека) также отметили, что религия может влиять на рост экстремизма. Большинство опрошенных связывают распространение экстремизма именно с исламской традицией. Такого мнения придерживаются 50% респондентов (110 человек).

Из регионов, которые потенциально подвержены экстремисткой деятельности на территории Монголии, 20% респондентов особо выделили Баян-Ульгийский аймак, а 10% (38 человек) — Улан-Батор. Появление Баян-Ульгийского аймака в списке регионов, в котором потенциально может распространиться экстремизм, связано, вероятно, с тем, что в нем компактно проживают этнические казахи, исповедующие ислам. Возможно, у части респондентов все-таки присутствует стереотипное восприятие ислама как религии, связанной с экстремисткой идеологией. В то же время следует подчеркнуть, что большинство респондентов (66%, 240 человек) затруднились выделить наиболее неблагоприятные в этом плане регионы страны либо указали, что данные идеи развиваются в городской среде. Большинство респондентов, связывающих ислам с экстремизмом, отмечают данный факт и на международной арене. В рамках проведенного опроса 39% респондентов (142 человека) ассоциируют экстремизм со странами, в которых население исповедует преимущественно ислам (Иран, Ирак, Афганистан и т. д.).

По мнению респондентов, государство должно принимать активные меры по предотвращению экстремизма в стране. Респонденты отметили ряд мероприятий, которые, по их мнению, способствовали бы противодействию экстремизма в стране (см. диаграмму на рисунке 7).

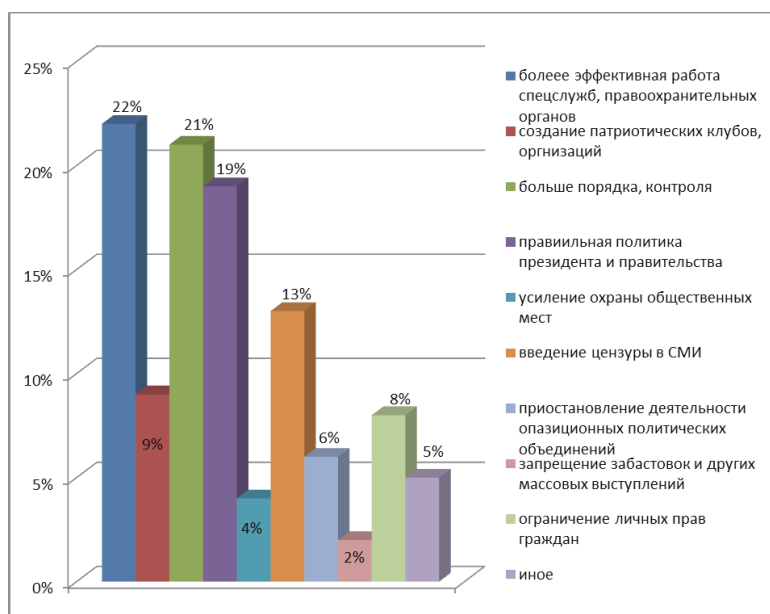

Рис. 7. Мероприятия, которые, по мнению респондентов, должны быть направлены на противодействие распространению экстремизма в стране

Fig. 7. What measures, according to respondents, should be aimed at countering the spread of extremism in the country

Таким образом, по мнению респондентов, содействовать в противодействии распространения экстремизма в стране могут грамотные действия правоохранительных органов, а также продуманная политика президента и правительства. Следует также отметить, что 8% опрошенных не против даже введения ограничения конституционных прав и свобод, если это будет препятствовать распространению экстремисткой идеологии.

По мнению 62% опрошенных (224 человека), Монголия является полностью светским государством, в котором в полной мере реализуется конституционный принцип отделения церкви от государства и равноправия религиозных объединений. В то же время большинство опрошенных считают, что знакомство с разными религиями мира должно начинаться в процессе обучения в школе. Такой позиции придерживается 85% респондентов (308 человек).

Несмотря на потребность жителей Монголии в знакомстве с разными религиозными традициями большинство респондентов 57% (205 человек) затруднились ответить на вопрос о том, какой именно политики должно придерживаться правительство Монголии в отношении деятельности религиозных объединений. Респонденты не имеют четкого представления о том, должно ли государство ограничивать деятельность религиозных общин или, напротив, не препятствовать их функционированию. Данное затруднение может быть связано с проблемой стабильности этноконфессиональной ситуации в стране. Оценивая религиозную ситуацию в Монголии, 43% респондентов (153 человека) отметили, что она скорее нестабильная и даже конфликтная. В Центральной Монголии ситуация обстоит чуть лучше, чем в целом по стране. Так, 34% (125 человек) оценили ситуацию в регионе своего проживания как напряженную. Безусловно, при нарастании нестабильности в религиозной сфере, по мнению жителей страны, вмешательство со стороны государства в деятельность религиозных общин становится необходимостью.

Заключение

Таким образом, в результате краткого обзора проведенного на территории Монголии исследования можно прийти к следующим выводам. На современном этапе конфессиональная составляющая на территории изучаемого региона достаточно однообразна, хотя большинство респондентов знакомы с представителями разных религий, в том числе и с новыми религиозными движениями. Лидирующие позиции буддизма обуславливаются как культурно-историческими процессами, так и заинтересованностью со стороны руководства страны в поддержании имиджа Монголии как буддийского государства, готового к включению в международную политику через религиозное позиционирование. Таким образом, несмотря на то, что Монголия позиционирует себя как светское государство, тем не менее, по мнению респондентов, буддизм оказывает особое влияние на правительство. Особое внимание привлекает к себе проблема межконфессионального диалога. Респонденты отметили, что религиозную ситуацию в стране нельзя считать абсолютно стабильной. Возможно, именно поддержка со стороны правительства конкретных конфессий может вызывать дисбаланс в религиозной жизни страны. Несмотря на некоторую нестабильность религиозной ситуации в стране и ассоциацию ислама с экстремизмом, однако, по мнению большинства

респондентов, Монголия является страной с достаточно низким уровнем террористической опасности. К тому же следует отметить, что на территории страны отношение ко всем конфессиям достаточно толерантное. Связь ислама с экстремизмом может оцениваться скорее как стереотипное представление в обществе. Респондентами было отмечено, что конфликты на религиозной почве у них возникают крайне редко. При необходимости вступления в брак с представителем другого вероисповедания респонденты отдавали предпочтение последователям христианских направлений. С развитием демократических преобразований в стране именно представители данного религиозного направления рассматривались жителями Монголии как наиболее прогрессивные, отвечающие требованиям современного мира. В то же время преобладание буддийской традиции и хотя бы формальное отнесение себя к ней рассматриваются жителями страны как сохранение своей национальной идентичности.

Благодарности

Работа выполнена при поддержке грантов РФФИ (проекты № 19–59–44002 и № 20–59–44004).

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Горохов С. А. Религиозная идентичность как фактор формирования конфессиональных регионов современного мира // Вестник Московского университета. 2012. Серия 5: География. № 5. С. 49–55.

Гусев И., Терентьев В. И. Состояние религиозной жизни Улан-Батора (на примере района Баянзурх) // Православие и дипломатия в странах Азиатского-Тихоокеанского региона : материалы X Международной научно-практической конференции. Улан-Удэ, 2020. С. 43–47.

Дашковский П. К., Кушнерик Р. А., Цэдэв Н. Этноконфессиональные процессы в Северо-Западной Монголии (по материалам полевых исследований 2008 г.) // Политологические и этноконфессиональные исследования в регионах. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2009. Т. II. С. 241–246.

Дашковский П. К., Цэдэв Н., Шершнева Е. А. Некоторые особенности этноконфессиональной ситуации в Баян-Ульгийском аймаке Монголии // Мировоззрение населения Южной Сибири и Центральной Азии в исторической ретроспективе : сборник статей. Барнаул : Азбука, 2010. Вып. IV. С. 180–186.

Дашковский П. К., Шершнева Е. А., Цедев Н. Влияние государственной политики на этнорелигиозные процессы в Монголии (по результатам социологических исследований) // Мир Большого Алтая. 2017. № 3. С. 414–427.

Дашковский П. К., Шершнева Е. А., Цэдэв Н. Этноконфессиональные исследования в Монголии в 2016 г. // Народы и религии Евразии. 2017. Вып. 1–2. С. 115–128.

Ермакова Т. В. Российские и монгольские ученые о современной Монголии // Новые исследования Тувы. 2015. № 3. С. 168–172.

Жуков А. В., Зимин О. И., Жукова А. А. Глобализация и возрождение буддизма в Монголии // Девятые Байкальские международные социально-гуманитарные чтения. Иркутск, 12–24 января 2015 г. Иркутск, 2016. С. 34–39.

Жулак Ли, Урангоо Хаш-Эрдэнэ Развитие национального потенциала для предотвращения терроризма (на примере Монголии) // Всероссийский криминологический журнал. 2018. Т. 12, № 3. С. 444–453.

Михалев А. В. Религия как фактор внешней политики современной Монголии // Религиоведение. 2013. № 4. С. 70–77.

Рованова И. В., Зимин О. И., Жуков А. В., Жукова А. А. Религиозное мифотворчество в политической жизни современной Монголии // Вестник ЗабГУ. 2015. № 4. С. 95–102.

Россия и Монголия: цивилизационные аспекты модернизации (сравнительный анализ) / отв. ред. А. С. Железняков, Т. Н. Литвинова. М. : Институт социологии РАН, 2016. 196 с.

Сабиров Р. Т. Буддизм в Монголии на рубеже XX–XXI вв. // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2012. № 3. С. 95–100.

Сабиров Р. Т. Буддийская сангха в Монголии: традиция и современность // Вестник Московского университета. Серия 13: Востоковедение. 2018. № 1. С. 40–55.

Сабиров Р. Т. Монгольский буддизм в XXI веке: в процессе конструирования // Государство. Религия. Церковь. 2020. № 1 (38). С. 86–105.

Цогзолмаа Н. Распространение новых религиозных течений и их влияние на систему образования Монголии // Народы и религии Евразии. 2018. № 1 (14). С. 117–124.

Цэдэв Х. Н. Некоторые проблемы изучения этноконфессиональной ситуации в Монголии // Народы и религии Евразии. 2017. Вып. 3–4 (12–13). С. 128–134.

Цымжит П. В., Самдангийн Ц. Религиозная ситуация в Монголии: 1990–2009 гг. // Гуманитарный вектор. 2014. № 3. С. 67–72.

Цэдэв Н. Х., Монхбат А. Д. Об этноконфессиональной ситуации в Монголии // Современные этнические процессы на территории центральной Азии: проблемы и перспективы. 2019. С. 112–115.

Четырова Л. Б. Роль буддизма в конструировании этничности калмыков и монголов // Четвертые востоковедные чтения памяти О. О. Розенберга. Доклады, статьи, публикации документов / РАН, Ин-т восточных рукописей ; сост. М. И. Воробьева-Десятовская, Е. П. Островская ; ред. Т. В. Ермакова. СПб., 2011. С. 190–198.

Dashkovskiy P. Ethnic and Religious Processes in Western Mongolia (based on social research) // Procedia — Social and Behavioral Sciences. 2015. № 185: 109–116.

Dashkovskiy P. K., Shershneva E. A., Cedav N. Perception of ethnic and religious processes by Mongolia population (a sociological study) // Народы и религии. 2018. № 2. С. 119–132

REFERENCES

Gorokhov S. A. Religioznaia identichnost' kak faktor formirovaniia konfessional'nykh regionov sovremennogo mira [Religious identity as a factor in the formation of confessional regions of the modern world]. *Vestnik moskovskogo universiteta* [Moscow University Bulletin]. 2012, no. 5, Ser. 5. Geografiia. S. 49–55 (in Russian).

Gusev I., Terent'ev V. I. Sostoianie religioznoizhizni Ulan-Batora (naprimereraiona Baianzurkh) [The state of religious life in Ulan Bator (on the example of the Bayanzurkh district)]. *Pravoslaviei diplomatiia v stranakh Aziatskogo — Tikhookeanskogoregiona. Materialy X Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii* [Orthodoxy and diplomacy in the

countries of the Asia-Pacific region. Materials of the X International Scientific and Practical Conference]. Ulan-Ude, 2020. S. 43–47 (in Russian).

Dashkovskiy P. Ethnic and Religious Processes in Western Mongolia (based on social research) // *Procedia — Social and Behavioral Sciences*. 2015. № 185. P. 109–116 (in English).

Dashkovskiy P. K., Kushnerik R. A., Tsedev N. Etnokonfessional'nye protsessy v Severo-Zapadnoi Mongolii (po materialam polevykh issledovaniy 2008 g.) [Ethno-confessional processes in North-West Mongolia (based on field research in 2008)]. *Politologicheskie i etnokontfessional'nye issledovaniia v regionakh* [Political science and ethno-confessional studies in the regions]. Barnaul: Alt. un-ta, 2009. T. II. S. 241–246 (in Russian).

Dashkovskiy P. K., Tsedev N., Shershneva E. A. Nekotorye osobennosti etnokontfessional'noi situatsii v Baian-Ulgiiskom aimake Mongolii [Some features of the ethno-confessional situation in the Bayan-Ulgii aimag of Mongolia]. *Mirovozzrenie naseleniia Iuzhnoi Sibiri i Tsentral'noi Azii v istoricheskoi retrospektive: sbornik statei* [Worldview of the population of Southern Siberia and Central Asia in historical retrospective: a collection of articles] pod red. P. K. Dashkovskogo. Barnaul: Azbuka, 2010. Issue. IV. S. 180–186 (in Russian).

Dashkovskiy P. K., Shershneva E. A., Tsedev N. Vliianie gosudarstvennoi politiki na etnoreligioznye protsessy v Mongolii (po rezul'tatam sotsiologicheskikh issledovaniy) [Influence of the state raft on ethno-religious processes in Mongolia (based on the results of sociological research)]. *Mir Bol'shogo Altaia* [World of Greater Altai]. 2017, no. 3. S. 414–427 (in Russian).

Dashkovskiy P. K., Shershneva E. A., Tsedev N. Etnokonfessional'nye issledovaniia v Mongolii v 2016 g. [Ethno-confessional studies in Mongolia in 2016]. *Narody i religii Evrazii* [Nations and religions of Eurasia]. 2017, Issue. 1–2. S. 115–128 (in Russian).

Dashkovskiy P. K., Shershneva E. A., Cedav N. Perception of ethnic and religious processes by Mongolia population (a sociological study). *Narody i religii Evrazii* [Nations and religions of Eurasia]. 2018. № 2. P. 119–132 (in English).

Ermakova T. V. Rossiiskie i mongol'skie uchenye o sovremennoi Mongolii [Russian and Mongolian scientists about modern Mongolia]. *Novye issledovaniia Tuvy* [New explorations of Tuva]. 2015, no. 3. S. 168–172 (in Russian).

Zhukov A. V., Zimin O. I., Zhukova A. A. Globalizatsiia i vrozozhdenie buddizma v Mongolii [Globalization and the Revival of Buddhism in Mongolia]. *Deviatye Baikal'skie mezhdunarodnye sotsial'no-gumanitarnye chteniia. Irkutsk, 12–24 ianvaria 2015 g.* [Ninth Baikal International Social and Humanitarian Readings. Irkutsk, January 12–24, 2015]. Irkutsk, 2016. S. 34–39 (in Russian).

Zhulak Li, Urangoo Khash-Erdene Razvitie natsional'nogo potentsiala dlia predotvrashcheniia terrorizma (na primere Mongolii) [Development of National Capacities to Prevent Terrorism (Case Study of Mongolia)]. *Vserossiiskii kriminologicheskii zhurnal* [All-Russian criminological journal]. 2018. T. 12. no. 3. S. 444–453 (in Russian).

Mikhalev A. V. Religii kak faktor vneshnei politiki sovremennoi Mongolii [Religion as a factor in the foreign policy of modern Mongolia]. *Religiovedenie* [Study of Religions]. 2013, no. 4. S. 70–77 (in Russian).

Rovanova I. V., Zimin O. I., Zhukov A. V., Zhukova A. A. Religioznoe mifotvorchestvo v politicheskoi zhizni sovremennoi Mongolii [Religious myth-making in the political life of modern Mongolia]. *VestnikZabGU* [ZabGUBulletin]. 2015, no. 4. S. 95–102 (in Russian).

Rossii i Mongolii: tsivilizatsionnye spekty modernizatsii (sravnitel'nyi analiz) [Russia and Mongolia: Civilizational Aspects of Modernization (Comparative Analysis)] / A. S. Zhelezniakov, T. N. Litvinovai dr.; otv. red. A. S. Zhelezniakov, T. N. Litvinova. Moscow: Institute of Sociology RAN, 2016, 196 s. (in Russian).

Sabirov R. T. Buddizm v Mongolii na rubezhe XX–XXI vv. [Buddhism in Mongolia at the turn of XX–XXI centuries.]. *Vestnik Kalmytskogo institute gumanitarnykh issledovaniy RAN* [Bulletin of the Kalmyk Institute for Humanitarian Research of the Russian Academy of Sciences]. 2012, no. 3. S. 95–100 (in Russian).

Sabirov R. T. Buddiskaia sangha v Mongolii: traditsiia i sovremennost' [Buddhist Sangha in Mongolia: Tradition and Modernity]. *Vestnik Moskovskogo universiteta* [Moscow University Bulletin] Series 13. Oriental studies. 2018, no.1. S. 40–55 (in Russian).

Sabirov R. T. Mongol'skii buddizm v XXI veke: v protsesse konstruirovaniia [Mongolian Buddhism in the XXI century: in the process of construction] *Gosudarstvo. Religii. Tserkov'* [State. Religion. Church]. 2020, no.1 (38). S. 86–105 (in Russian).

Tsogzolmaa N. Rasprostranenie novykh religioznykh techenii i ih vliianie na sistemu obrazovaniia Mongolii [The spread of new religious movements and their influence on the education system of Mongolia]. *Narody i religii Evrazii* [Nations and religions of Eurasia]. 2018, no 1 (14). S. 117–124 (in Russian).

Tsedev H. N. Nekotorye problemy izucheniia etnokontsional'noi situatsii v Mongolii [Some problems of studying the ethno-confessional situation in Mongolia]. *Narody i religii Evrazii* [Nations and religions of Eurasia]. 2017, no. 3–4 (12–13). S. 128–134 (in Russian).

Tsymzhit P. V., SamdangiinTs. Religioznaia situatsiia v Mongolii: 1990–2009 gg. [Religious situation in Mongolia: 1990–2009]. *Gumanitarnyi vector* [Humanitarian vector]. 2014, no. 3. S. 67–72 (in Russian).

Tsedev N. Kh., Monkhbat A. D. Ob etnokontsional'noisituatsii v Mongolii [Ethno-confessional situation in Mongolia]. *Sovremennye etnicheskie protsessy na territorii Tsentral'noi Azii: problem i perspektivy* [Modern Ethnic Processes in Central Asia: Problems and Prospects]. 2019. S. 112–115 (in Russian).

Chetyrova L. B. Rol' buddizma v konstruirovanii etnichnosti kalmykov i mongolov [The Role of Buddhism in the Construction of the Ethnicity of the Kalmyks and Mongols]. *Chet vertyevostokovednyechteniiapamiati O. O. Rozenberga. Doklady, stat'i, publikatsiidokumentov* [The fourth oriental readings in memory of O. O. Rosenberg. Reports, articles, publications of documents]. / RAN, Institute of Oriental Manuscripts; comp. M. I. Vorobieva-Desyatovskaya, E. P. Ostrovskaya; ed. T. V. Ermakova. SPb., 2011. S. 190–198 (in Russian).

Статья поступила в редакцию: 18.12.2021.

Принята к публикации 21.02.2022

Дата публикации 25.03.2022

УДК 94 (574) + 314.02 (574)

DOI: 10.14258/nreur(2022)1-06

А. А. Еремин

Алтайский государственный университет, Барнаул (Россия); Алтайский филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Барнаул (Россия)

ОБЗОРЫ ОБЛАСТЕЙ ЦЕНТРАЛЬНОАЗИАТСКИХ ОКРАИН РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ КАК ИСТОЧНИК ИНФОРМАЦИИ О НАСЕЛЕНИИ КОНЦА XIX — НАЧАЛА XX В. (НА ПРИМЕРЕ АКМОЛИНСКОЙ ОБЛАСТИ)

Целью статьи является изучение обзоров областей в качестве источника статистических сведений о социально-демографических характеристиках населения центральноазиатских национальных окраин Российской империи. Хронологические рамки работы охватывают период 1870–1914 гг. Основным источником информации для исследования выступил портал Электронной библиотеки Государственной публичной исторической библиотеки России, предоставляющий открытый доступ к большой коллекции оцифрованных версий обзоров губерний и областей Российской империи. Динамика обзоров рассматривается на материалах Акмолинской области — одном из ярких представителей изучаемого макрорегиона.

В статье анализируется структура обзоров и место в ней разделов о населении, определяются наличие и наполненность табличного статистического материала, исследуются наборы показателей, характеризующие численность населения и его распределения по полу, типам расселения, плотности, сословиям, вероисповеданиям, национальностям, а также показатели движения населения. Делаются выводы о существенной и нелинейной эволюции обзоров Акмолинской области в части сведений о населении, возможностях применения этого источника в деле реконструкции социально-демографической картины рубежа XIX–XX вв.

Ключевые слова: обзоры областей, Акмолинская область, источники информации, население, демографические показатели, численность и структура населения, движение населения.

Цитирование статьи:

Еремин А. А. Обзоры областей центральноазиатских окраин Российской империи как источник информации о населении конца XIX — начала XX в. (на примере Акмолинской области) // Народы и религии Евразии. 2022. Т. 27, № 1. С. 90–103. DOI: 10.14258/nreur(2022)1-06.

A. A. Eremin

Altai State University, Barnaul (Russia); Altai Branch of the Russian Academy of National Economy and Public Administration, Barnaul (Russia)

REGIONS REVIEWS OF THE CENTRAL ASIAN PERIPHERY OF THE RUSSIAN EMPIRE AS A SOURCE OF INFORMATION ABOUT THE POPULATION OF THE LATE XIX — BEGINNING OF XX CENTURIES (THE AKMOLA REGION CASE STUDY)

The aim of the article is to study the regions reviews as a source of statistical information on the socio-demographic characteristics of the population of the Central Asian national periphery of the Russian Empire. The chronological framework of the work covers the period 1870–1914. The main source of information for the study was the portal of the Electronic Library of the State Public Historical Library of Russia, which provides open access to a large collection of digitized versions of reviews of provinces and regions of the Russian Empire. The dynamics of the reviews is considered on the materials of the Akmola region — one of the brightest representatives of the studied macroregion.

The article analyzes the structure of reviews and the place in it of population sections, determines the presence and content of tabular statistical material, examines sets of indicators characterizing the population size and its distribution by sex, types of settlement, density, estates, religions, nationalities, as well as indicators of population movement. Conclusions are made about the significant and nonlinear evolution of the surveys of the Akmola region in terms of population information, about the possibilities of using this source in the reconstruction of the socio-demographic picture of the turn of the XIX–XX centuries.

Keywords: region reviews, Akmola region, sources of information, population, demographic indicators, population size and structure, population movement.

For citation:

Eremin A. A. Regions reviews of the Central Asian periphery of the Russian empire as a source of information about the population of the late XIX — beginning of XX centuries (the Akmola region case study). Nations and religions of Eurasia. 2022. T. 27, № 1. P. 90–103. DOI: 10.14258/nreur(2022)1–06.

Еремин Алексей Алексеевич, кандидат географических наук, доцент кафедры экономической географии и картографии Алтайского государственного университета, Барнаул (Россия); доцент кафедры государственного и муниципального управления Алтайского филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (РАНХиГС), Барнаул (Россия). **Адрес для контактов:** eremin.alexey@mail.ru. ORCID 0000–0002–4705–3447.

Eremin Alexey Alexeyevich, Candidate of Geographical Sciences, Associate Professor of the Department of Economic Geography and Cartography, Altai State University, Barnaul (Russia); Associate Professor of the Department of State and Municipal Administration of the Altai Branch of the RANEPА, Barnaul (Russia). **Contact address:** eremin.alexey@mail.ru. ORCID 0000–0002–4705–3447.

Введение

Огромное значение для реконструкции картины социально-экономической жизни прошлых эпох имеют количественные статистические данные. Они позволяют точнее, детальнее, а в некотором смысле и объективнее характеризовать исторические процессы и события. В начале XXI в. во многих странах мира широко распространены современные разнообразные, масштабные, разветвленные и очень подробные цифровые системы сбора, хранения и публикации статистической информации. Однако до их появления получение и широкое использование количественных высококачественных данных об обществе представляло собой серьезную проблему.

Безусловно, общей закономерностью, по мере удаления в прошлое, является снижение обеспеченности исследователей статистическими данными. Даже для стран и территорий с наилучшей статистикой непрерывные и относительно достоверные динамические ряды с данными о населении и хозяйстве уходят лишь на два-три столетия назад. В то же время нередко можно встретить недооценку возможностей исторических источников предоставить в руки интересующихся ценные количественные сведения. На выявление этого потенциала и направлена данная работа.

Вопросам истории развития статистики в Российской империи посвящена обширная научная литература. Среди обзорных работ этой тематики стоит упомянуть «Историю российской государственной статистики: 1811–2011» [2013]. Важной частью статистических изданий XIX и XX вв. выступали годовые Всеподданнейшие отчеты губернаторов, подробно изученные в работах А. С. Минакова [2013; 2016], А. И. Раздорского [2020; 2021], А. С. Бариновой [2019] и др. Обзоры губерний и областей Российской империи являлись приложениями к Всеподданнейшим отчетам. Вместе они представляли собой комплексный источник сведений о развитии регионов: территории, природно-ресурсном потенциале, населении, хозяйственной жизни, культуре и т. д. Анализ обзоров областей посвящено не очень много исследовательских работ. Укажем среди них труды А. И. Раздорского [2011; 2015], В. А. Скопы [2018], М. В. Рыгальной [2019; 2021]. В специальной литературе нам не удалось найти исследований, предметно нацеленных на анализ обзоров областей в качестве источника статистической информации о социально-демографических характеристиках населения центральноазиатских окраин Российской империи рубежа XIX–XX вв. Именно этому вопросу и посвящена данная статья.

Источником информации при проведении исследования послужили цифровые версии обзоров областей, представленные на сайте [Электронная библиотека]. Этот уникальный портал предоставляет свободный доступ к огромному массиву важнейших исторических источников, чем существенно облегчает работу с данными материалами.

Однако, к сожалению, значительная часть обзоров интересующих нас областей не представлена в Электронной библиотеке. В таблице обобщена информация о наличии обзоров центральноазиатских областей по территориям и годам.

**Наличие электронных (оцифрованных) версий обзоров областей
центральноазиатских окраин Российской империи в Электронной библиотеке
Государственной публичной исторической библиотеки России**

	Название области	Временной интервал имею- щихся обзоров	Отсутствующие обзоры в рамках указанного временного интервала
1	Акмолинская	1870–1914	1880, 1885, 1886, 1891, 1906
2	Закаспийская	1891–1914	1894, 1895, 1896, 1897, 1906, 1908, 1909
3	Самаркандская	1898–1910	-
4	Семипалатинская	1870–1911	1888, 1889, 1891, 1892, 1893, 1905
5	Семиреченская	1882–1913	1894, 1896
6	Сыр-Дарьинская	1889–1913	1891, 1896, 1897, 1898, 1899, 1900, 1901, 1903, 1905, 1906, 1907
7	Тургайская	1870–1915	1873, 1874, 1881, 1890, 1895, 1897, 1898, 1906
8	Уральская	1868–1915	1869, 1895, 1896, 1912
9	Ферганская	1887–1913	1889, 1896, 1901, 1902, 1903, 1905, 1907, 1908, 1909, 1912

Источник: создано автором по [Электронная библиотека]

Таким образом, наилучшая представленность в библиотеке обзоров за почти полувековой период (1868–1915 гг.) отмечена для Уральской (44 обзора из 48 возможных), Акмолинской (40), Тургайской (38), Семипалатинской (36), Семиреченской (30) областей. Наименьшим количеством обзоров представлены Закаспийская и Ферганская (по 17 каждая), Сыр-Дарьинская (14) и Самаркандская (13) области, т.е. территории Туркестанского генерал-губернаторства.

В данной работе мы остановимся на изучении обзоров Акмолинской области как одной из наиболее полно представленной в источнике, а также являющейся ярким представителем исследуемого макрорегиона Российской империи.

Результаты исследования

Обзоры областей состоят из двух основных частей: собственно текста обзора и приложений («ведомостей»), содержащих, как правило, более подробные и развернутые статистические данные по разным темам в табличной форме. В то же время небольшие и средних размеров таблицы с количественной информацией содержатся и в первой — текстовой — части обзоров.

В самом раннем доступном обзоре за 1870 г. в основном тексте наряду со статьями о земледелии, обеспечении народного продовольствия, промыслах сельского и городского населения, заводской и фабричной промышленности, торговли и прочем имеется статья «Движение населения». В ней указывается, что дополнительная информация по данной теме может быть найдена в *ведомости* № 3 этого обзора. В самой статье

представлены годовые данные о числах родившихся и умерших мужского, женского и обоего пола, рассчитаны абсолютный и относительный естественный прирост населения, указана общая численность населения области. Также в обзоре подчеркивается, что указанные данные не вполне точны в связи с тем, что «... при исчислении кочевого населения всегда встречается некоторое затруднение относительно точного определения их количества» [Обзор Акмолинской..., 1871]. Далее следует расчет плотности населения в двух вариантах (количество квадратных верст на одного человека и количество человек на каждую квадратную милю).

Ведомость № 3 содержит информацию о числе браков, родившихся (с дифференциацией на законнорожденных и незаконнорожденных) мужского, женского и обоего пола, числе умерших мужского, женского и обоего пола, а также естественный прирост населения («прибыль или убыль»). Сведения в ведомости представлены в разрезе отдельных городов и уездов, для всего городского и для всего уездного населения, а также для области в целом.

Кроме того, в приложении приводятся ведомости, содержащие данные о составе мужского и женского населения области: 1) по сословиям (дворяне, духовенство, почетные граждане, городские сословия — купцы и мещане, сельские сословия, военные сословия, инородцы); 2) по вероисповеданиям (православные, униаты, раскольники, католики, армяно-григориане, протестанты, евреи, магометане, язычники). Территориальный разрез тот же, что и в ведомости № 3. Указывается, что эти сведения получены по данным «статистической переписи». Стоит отметить, что в последующих обзорах за 1870-е гг. эти дополнительные ведомости о сословном и религиозном составе населения не встречаются.

Заметим также, что обзоры за 1870–1877 гг. были выполнены рукописным способом, что несколько затрудняет задачу получения из них информации, а также увеличивает объем документа за счет меньшей плотности текста в сравнении с печатным способом. Начиная с обзора за 1878 г. текст документов выполнен в печатном формате, при этом, если ранее средний объем обзора был 100–140 страниц, то обзоры в новом виде не превышали 40 страниц. Лишь в 1880-е гг. объем документов заметно вырос в связи с расширением круга публикуемых в них сведений.

Итак, в обзорах за 1870-е гг. демографическая информация о населении области содержится в очень ограниченном количестве: в тексте обзоров в подчас крайне лаконичных статьях (иногда один-два небольших абзаца) о движении населения, а также в одноименной ведомости в приложении.

Описанная структура обзоров немного меняется с издания за 1879 г. Во-первых, в этом и последующих обзорах появляется оглавление статей, что, безусловно, помогает лучше ориентироваться в тексте документа. Во-вторых, в самом начале обзора здесь помещается отдельная статья с наименованием «Население», предоставляющая ряд основных сведений об общей численности населения области в целом и в разрезе оседлого и кочевого населения. Кроме того, здесь приводятся данные о темпах прироста населения, появляется таблица распределения населения области по уездам (с делением на оседлое и кочевое). Эти изменения можно охарактеризовать как существенное улучшение, поскольку из предыдущих обзоров невозможно было получить информа-

цию о таком фундаментальном демографическом параметре, как численность населения в области и ее территориальных единицах. В тексте статьи «Движение населения» можно найти прямые свидетельства того, что повышение качества статистики населения признавалось делом очень важным и насущным: «Настоятельная потребность положить основания для более правильного исчисления областного населения побудила меня в нынешнем году командировать в степь чиновника для исследования на месте возможно правильных и точных условий статистики населения» [Обзор Акмолинской..., 1880: 11].

В обзоре за 1881 г. раздел «Население» в самом начале текста исчезает, однако в первом же разделе обзора, озаглавленном «*Естественные и производительные силы области и хозяйственная деятельность ее населения*», появляется до этого не встречавшийся сравнительный анализ показателей площади территории, численности и плотности населения Акмолинской области в сравнении с остальными степными областями — Семипалатинской, Тургайской и Уральской. Делается вывод, что Акмолинская область выделяется из них наименьшим удельным весом кочевого населения, раскрываются причины сложившейся ситуации. В этом же обзоре за 1881 г. впервые появляется отнесение населения не к году вообще, а к «1 января 1881 г.» [Обзор Акмолинской..., 1882: 20], что говорит о понимании автором специфики использования моментных и интервальных демографических показателей.

Этот обзор также характеризуется существенной трансформацией статьи «Движение населения»: она значительным образом расширяется, детализируется и включает не встречавшиеся ранее характеристики. Например, появляются *общие демографические коэффициенты*, измеряемые на 1000 населения (или в ‰): число браков, родившихся, умерших и естественный прирост (в промилле) [Обзор Акмолинской..., 1882: 20], появляется сравнение относительных показателей естественного движения со значениями показателей Европейской России, делаются выводы о неполноте собираемых в области сведений, в первую очередь о кочевом населении [Обзор Акмолинской..., 1882: 21]. Расчет общих коэффициентов наглядно продемонстрировал нереалистичность показателей кочевого населения, которые оказались в несколько раз ниже, чем у оседлого населения. Так, например, число родившихся в оседлом населении составило в 1881 г. 48‰, а в кочевом — 16‰; аналогичный показатель смертности 41‰ и 14‰ соответственно. Таким образом, использование не только традиционных абсолютных показателей, но также и относительных демографических показателей позволило получить дополнительные сведения об особенностях жителей области.

Важным новшеством стало расширение аналитической составляющей статьи. Авторы не только предоставляют ряд количественных значений и описывают указанные характеристики, но и пытаются подробно изучить их и выдвинуть объяснительные гипотезы, выявить причинно-следственные связи явлений. Так, раскрывается взаимосвязь показателей движения населения с «неурожаем хлебов» и «громадным упадком скота», распространением «некоторых заразительных болезней» в предшествующие годы, критикуется «несовершенство самого порядка записи родившихся и умерших киргизов» [Обзор Акмолинской..., 1882: 22].

Вместе с тем стоит отметить, что, несмотря на описанный прогресс в текстовой части обзора, ведомость № 3 о движении населения здесь не претерпела совершенно никаких изменений, она остается точно такой же, какой была еще в издании за 1870 г.

В обзоре за 1882 г. авторы продолжили эксперименты с первым разделом (статьей) документа. Теперь здесь появляется блок, названный «Географическое положение, пространство и население Акмолинской области». В нем указываются географические координаты и площадь территории, число жителей и плотность населения области, описывается ее административно-территориальное устройство, анализируются географические особенности распределения населения по территории области. Большое внимание уделено различиям в характеристиках земель Сибирского казачьего войска, городов и крестьянских селений, с одной стороны, и земель, занимаемых «киргизами», — с другой; описывается «веками сложившееся культурное различие оседлого и кочевого населения степных областей» [Обзор Акмолинской..., 1883: 3].

В то же время статья о движении населения вновь заметно сокращается по объему, однако в ней сохраняется и укрепляется использование наряду с абсолютными показателями общих демографических коэффициентов.

Несмотря на наличие в оглавлении данного обзора всех традиционных ведомостей (среди которых и ведомость № 3), в электронной версии документа они по какой-то причине отсутствуют. Однако здесь представлены две дополнительные ведомости под буквами А («О населении») и Б («О скотоводстве»), и в первой из них представлены сведения о распределении населения области по сословиям: духовные, дворяне, солдаты, казаки, крестьяне, мещане, купцы, разночинцы и инородцы (с делением: «киргизы», «татары», «среднеазиатцы»). Информация представлена для каждого из уездов с дифференциацией на городское и уездное население, а также в половом разрезе. Таким образом, сведения о сословном составе населения области появляются в обзоре впервые с издания за 1870 г.

Обзор за 1883 г. в целом мало чем отличается от предыдущего. Ведомость № 3 представлена совершенно без изменений. Сохраняется ведомость под литерой А. Оглавление теперь помещено в самом конце издания.

В обзоре за 1884 г. первый блок озаглавлен «Территория и население». Здесь отсутствуют географические координаты и исчезают плотностные показатели, представлены площадь и численность населения уездов области (оседлого и кочевого по отдельности), раскрываются некоторые текущие административно-территориальные преобразования: изменения областных границ и появление новых поселений. В целом блок крайне лаконичен. Статья о движении населения аналогична таковым в предыдущих изданиях, с той лишь разницей, что общие коэффициенты рассчитаны на 100, а не на 1000 человек. Обе рассмотренные ранее ведомости (№ 3 и под литерой А) без изменений.

Обзор за 1887 г. начинается с достаточно объемной статьи, названной «Пространство и народонаселение». Здесь в табличной форме приводятся статистические данные по площади («казачьих и др. земель/киргизской земли»), населению (оседлое/кочевое), плотности населения («населенности») в разрезе уездов. Далее следует географический анализ размещения населения области, рассматривается внутриобластное распределение жителей. В отдельной таблице в уездном разрезе представлено «распреде-

ление народонаселения по отдельным населенным местам и более мелким административным единицам» (города, станицы, поселки, волости, аулы, селения) [Обзор Акмолинской..., 1888: 2]. Таким образом, автор к анализу размещения населения добавляет анализ расселения населения. Отметим, что именно в этом обзоре в тексте все чаще начинает встречаться общепринятое в настоящее время деление на городское и сельское население. Завершается первая статья ранее не встречавшейся в текстовой части обзора статистикой населения в разрезе «общесословных групп» (фактически, это генерализованный вариант ведомости под литерой А) [Обзор Акмолинской..., 1888: 3].

Статья «Движение населения» немного видоизменяется: данные по бракам, родившимся и умершим (с делением по полу), естественному приросту представлены в более упорядоченном — табличном — выражении для оседлого, кочевого и всего населения области. Следом идет таблица с общими коэффициентами брачности, рождаемости, смертности и естественного прироста (выраженными, правда, на 100 человек населения). Впервые упоминается интересный относительный показатель — число родившихся на один брак (в оседлом и в кочевом населении). Статья очень короткая, аналитическая часть минимальна, но любопытна, поскольку автор пытается в ней представить комплекс факторов, объясняющих «сравнительно малый процент данных естественного движения в кочевом населении» [Обзор Акмолинской..., 1888: 31]. Среди особенностей местного кочевого населения, уменьшающих его прирост, указываются: «небольшое относительное число женщин вообще на 100 муж. 87 жен.) и в частности брачного возраста (на 100 муж. 69 жен.), малая плодовитость женщин (вдвое менее, нежели в России), громадная смертность детей в возрасте до 1 года (почти половина родившихся), объясняемая болезнями (оспа), плохим уходом и питанием и проч.» [Обзор Акмолинской..., 1888: 31].

Ведомость, характеризующая сословный состав населения, в данном издании получает дальнейшее развитие: в ней заметно детализируются сами сословия (например, духовенство теперь разделено по вероисповеданиям на 7 категорий, военные сословия — на 5 категорий, появляется отдельная строка «иностранцы подданные» и др.), а также добавляется результирующий столбец «Всего в области».

Обзор за 1888 г. практически ничем не отличается от предыдущего, за исключением одного не вполне ясного момента. В дополнение к печатным страницам обзора в приложении имеются некоторые ведомости в рукописном исполнении, причем у них отсутствуют как нумерация, так и литерация. Основная их часть дублирует печатные ведомости из этого издания, но в то же время тут есть таблицы, упоминания которых в печатной версии полностью отсутствуют. Таковой, в частности, является «Ведомость о населении по вероисповеданиям в Акмолинской области за 1888 год». Она впервые с обзора за 1870 г. дает сведения по религиозному составу населения городов и уездов в разрезе мужского и женского населения по семи категориям вероисповеданий.

Авторы обзора за 1889 г. в самом начале документа помещают статью, озаглавленную «Географическое положение, пространство и народонаселение». Ее содержание близко к таковому в предшествующих двух обзорах, но также появляется ряд дополнений. Например, здесь представлена таблица с числом жителей каждого из уездов с делением на мужчин и женщин по четырем категориям: в городах, станицах и поселках,

в крестьянских селениях, киргизских волостях. Статья «Движение населения» фактически повторяет аналогичный текст предыдущих двух обзоров. Ведомость № 3 без изменений. Ведомость под литерой А по-прежнему дает информацию о сословном составе населения, структура таблицы идентична таковой из обзора 1887 г.

Обзор за 1890 г. по своему содержанию очень близок к предыдущему: первая статья и ведомости остались без изменений. Однако статья о движении населения получает существенное развитие в виде детализации предоставляемых сведений. Здесь появляется таблица с данными о родившихся и умерших (с выделением мужского, женского и обоего пола), естественным приростом для всего населения, а также с тремя общими коэффициентами (на 100 человек). Причем все эти характеристики предстают в разрезе городов и уездов, а также с делением на кочевое и оседлое население. Таким образом, структура таблицы даже становится близка к использующейся в современной статистике естественного движения. Кроме того, в статье расширена аналитическая часть, характеризующая дифференциацию показателей рождаемости по территории области.

Среди особенностей обзора за 1892 г. можно назвать более подробную географическую часть, улучшенную структуру первой статьи и входящих в нее таблиц, исторический анализ динамики численности населения области со времени ее учреждения (в 1869 г.) в статье «Движение населения». В последней, кстати, впервые в обзорах встречается измерение рождаемости и смертности в «pro mille» [Обзор Акмолинской..., 1893: 36]. В то же время детальная таблица о естественном движении населения как в обзоре за 1890 г. здесь отсутствует.

Статья «Территория и население» в обзоре за 1893 г., помимо географических сведений и данных о населенности территории, содержит также и развернутую информацию о системе землевладения и сословном составе населения области и ее городов и уездов, причем последний (состав) впервые представлен не в абсолютных цифрах, а в процентном отношении к числу жителей территорий. Отдельно представлена таблица с «численностью и распределением киргизского населения на территории области» [Обзор Акмолинской..., 1895: 5–6]. Этот же обзор демонстрирует заметный прогресс и в статье о движении населения: историко-географический анализ демографической динамики территории, использование абсолютных и относительных измерителей, попытка выявления причин в естественном движении населения оседлого и кочевого населения и впервые встречающийся анализ брачной структуры населения области в разрезе ее северной, центральной и южной частей [Обзор Акмолинской..., 1895: 55]. К сожалению, представленная в Электронной библиотеке версия обзора не полна и содержит в приложении лишь одну ведомость вместо заявленных в оглавлении десяти.

В обзоре за 1894 г. первая статья о территории и населении получает дальнейшее развитие и становится наиболее объемной, разнонаправленной и детальной из всех, встречавшихся ранее. Статья о движении населения сохранила все характеристики предшествующего года и даже немного расширилась за счет новых элементов пространственного анализа. Ведомость № 3 без изменений, а вот ведомость под литерой А заметным образом детализировалась за счет выделения в каждом уезде территорий и населенных мест разного типа (центральный город и его станица, казачьи станицы и поселки, крестьянские селения, киргизские волости).

Обзор за 1895 г. сохраняет преимущества предыдущего, но вдобавок модифицирует ведомость № 3, оптимизируя структуру таблицы: города теперь выделяются отдельно, уезды — тоже отдельно, да еще и с дифференциацией на три категории населения: казаки, крестьяне, киргизы. Кроме того, естественный прирост отныне именуется «прирост», а не как ранее «прибыль», и преподносится не единым числом, а дифференцированным — мужчины, женщины, а также оба пола.

Таким образом, к середине 1890-х гг. для обзоров Акмолинской области была, наконец, сформирована и установлена определенная структура, и в дальнейшем их содержание в части демографической информации стало в значительной степени отвечать требованиям единообразия и сопоставимости.

В то же время нельзя не отметить, что в обзоре за 1901 г. из приложения исчезает ведомость под литерой А (подробные данные о распределении жителей по сословиям), что, безусловно, может быть охарактеризовано как потеря ценных данных о составе населения области. А в обзоре за 1902 г. традиционный список из 8 ведомостей в приложении пополняется ведомостью о скотоводстве (ранее — ведомость под литерой Б), которой назначается номер 2. При этом ведомость о движении населения изменила свой номер с 3 на 4. С обзора за 1903 г. происходит существенное сокращение статьи «Движения населения», и в дальнейшем в ней представлена лишь краткая общая информация о числе родившихся и умерших, а также естественный прирост в абсолютном и относительном (на 1000 населения) выражении для четырех категорий населения: горожане, казаки, крестьяне, киргизы [Обзор Акмолинской..., 1905: 43].

Обзор за 1905 г. стоит несколько особняком в связи с тем, что в нем по неизвестной нам причине совершенно отсутствуют приложения в виде ведомостей, как в оглавлении, так и в самой сканированной копии документа.

Издание за 1907 г. характеризуется серьезными изменениями в структуре всего обзора: появляется целый ряд новых статей, некоторые статьи меняют свое традиционное наименование, существенно меняется последовательность структурных элементов. В целом структура обзора больше начинает походить на современную комплексную схему характеристики территории, когда сначала описываются географическое положение, природные условия и ресурсы (статьи «Территория», «Климат», «Флора», «Фауна»), затем характеризуются жители территории («Население») и ее хозяйство по отдельным отраслям от первичного сектора до третичного («Земледелие», «Скотоводство», «Промышленность добывающая», «Торговля», «Народное здравие» и др.).

Статья «Население» [Обзор Акмолинской..., 1908: 14–16] раскрывает особенности различных групп жителей территории (аборигенное/туземное население, крестьяне, казаки), представляет данные по численности и плотности населения в разрезе административно-территориальных единиц области, половой структуре городского населения и жителей уездов по группам, естественному движению (браки, родившиеся, умершие, естественный прирост) в абсолютном и относительном выражении за отчетный год и три предшествующих года. Здесь же стоит упомянуть статью «Колонизация» [Обзор Акмолинской..., 1908: 17–18], в которой развивается демографическая тематика посредством рассмотрения процесса пополнения численности населения области переселенцами с других территорий. Ведомость № 4 осталась без изменений.

В обзоре за 1908 г. продолжается экспериментирование со структурой предоставляемых материалов, и в первую очередь речь идет о ведомостях, которые значимым образом поменялись. Здесь приложением к статье о населении идут первые три ведомости документа (№ 1 «О числе населения по сословиям», № 2 «О числе населения по вероисповеданиям» и № 3 «О движении населения»), дающие подробные данные о структуре и естественном движении населения области. В то же время в обзоре за 1909 г. при практически идентичной текстовой части остается лишь одна (под первым номером) ведомость о движении населения. Обзор за 1910 г. по наполнению текстовой части близок к документу за 1907 г., а по набору ведомостей — за 1908 г., причем последние в этот раз содержат и литературу, и нумерацию.

Обзор за 1911 г. дает нам самую подробную из всех ранее рассмотренных документов структуру оглавления, выделяя огромное количество подчас совсем коротких статей, при этом никак не группируя их в разделы или параграфы, что, безусловно, затрудняет ориентацию и поиск в тексте. Здесь же впервые в отношении набора ведомостей используется формулировка «Приложения к обзору», но, что самое важное, впервые представляются данные о распределении населения по национальностям в дополнение к ведомостям о движении населения и составе жителей по сословиям и вероисповеданиям. Следующий же документ за 1912 г. исправляет отмеченную ранее проблему отсутствия иерархического структурирования оглавления. И в целом последние обзоры (за 1912–1914 гг.) в части содержания демографической информации представляют собой достаточно единообразные, подробные и качественные источники статистических данных.

Заключение

В результате проведенного анализа было выявлено, что за время своего существования обзоры Акмолинской области претерпели огромные изменения. Вместе с тем, как и любой эволюционный путь, развитие этих документов не было линейным и односторонним. В целом, конечно, самой общей и достаточно очевидной закономерностью является улучшение со временем качества и детализации представляемой в обзорах статистической информации о демографической сфере развития общества. Однако, как было показано, закономерность эта нередко нарушалась, и более поздние по времени выхода обзоры могли содержать более скудные сведения по ряду параметров и показателей.

Большой проблемой использования описанных обзоров за почти полувековой период, особенно при проведении не точечных, а сплошных динамических исследований, направленных на реконструкцию демографической истории, выступает проблема сопоставимости и единообразия данных. Тем не менее, можно сделать вывод о том, что обзоры представляют собой исторический источник, обладающий высоким информационным потенциалом для воссоздания социально-демографической картины центральноазиатских окраин Российской империи конца XIX — начала XX в.

Благодарности

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 19–18–00180).

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Баринова А. С. Всеподданнейшие отчеты костромского губернатора как исторические источники // Сапоговские штудии — 2019. Актуальные вопросы гуманитарного знания : сборник научных статей. Кострома: Костромской государственный университет, 2019. С. 49–51.

Власова А. И. Характеристика медико-санитарной службы Акмолинской области Степного края в 70-е гг. XIX в. — начале XX в. (по статистическим обзорам области за 1870–1915 гг.) // Известия Алтайского государственного университета. 2020. № 3 (113). С. 25–30.

История российской государственной статистики: 1811–2011. М. : Статистика России, 2013. 143 с.

Минаков А. С. Всеподданнейшие отчеты губернаторов Российской империи: современные проблемы историографии // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. 2016. № 2 (38). С. 5–24.

Минаков А. С. Годовые Всеподданнейшие отчеты губернаторов: исследовательский опыт и источниковедческие перспективы // Археографический ежегодник. 2013. Т. 1, № 1. С. 37–55.

Обзор Акмолинской области ... [по годам]. Омск, 1871–1917. URL: <http://elib.shpl.ru/gu/nodes/45712> (дата обращения: 01.10.2021).

Обзор Акмолинской области за 1870 год. Омск, 1871. 155 с.

Обзор Акмолинской области за 1879 год. Омск, 1880. 37 с.

Обзор Акмолинской области за 1881 год. Омск, 1882. 39 с.

Обзор Акмолинской области за 1882 год. Омск, 1883. 27 с.

Обзор Акмолинской области за 1887 год. Омск, 1888. 54 с.

Обзор Акмолинской области за 1892 год. Омск, 1893. 45 с.

Обзор Акмолинской области за 1893 год. Омск, 1895. 68 с.

Обзор Акмолинской области за 1903 год. Омск, 1905. 61 с.

Обзор Акмолинской области за 1907 год. Омск, 1908. 45 с.

Раздорский А. И. Обзоры губерний, областей и градоначальств Российской империи за 1870–1916 гг. как исторический источник // Journal of Modern Russian History and Historiography. 2015. Т. 8. № 1. С. 35–80.

Раздорский А. И. Печатные Всеподданнейшие отчеты генерал-губернаторов и губернаторов Великого княжества Финляндского // История России и Финляндии в современных исследованиях : сборник научных трудов / под ред. Н. В. Дунаевой, С. Г. Кащенко. СПб. : Президентская библиотека имени Б. Н. Ельцина, 2021. С. 57–65.

Рыгалова М. В. Обзоры областей Российской империи как источник по истории образования (на примере областей Степного края и Туркестана) // Известия Алтайского государственного университета. 2021. № 2 (118). С. 66–70.

Рыгалова М. В. Обзоры Ферганской области как источник по истории образования // Культура и время перемен. 2019. № 3 (26). С. 25.

Скопа В. А. Обзоры как исторический источник для изучения региона: механизм формирования сведений (по материалам Степного края последней трети XIX — на-

чала XX в.) // Известия Алтайского государственного университета. 2018. № 5 (103). С. 150–153.

Электронная библиотека Государственной публичной исторической библиотеки России. URL: <http://elib.shpl.ru/> (дата обращения: 01.10.2021)

REFERENCES

Barinova A. S. Vsepoddanneishie otchety kostromskogo gubernatora kak istoricheskie istochniki [The “Humble Repots” of the Kostroma Governor as Historical Sources]. *Sapogovskie shtudii* — 2019. Aktual'nye voprosy gumanitarnogo znaniia: sbornik nauchnykh statei [Actual issues of humanitarian knowledge: collection of scientific articles]. Kostroma: Kostromskoi gosudarstvennyi universitet, 2019. S. 49–51 (in Russian).

Vlasova A. I. Kharakteristika mediko-sanitarnoi sluzhby Akmolinskoi oblasti Stepnogo kraia v 70-e gg. XIX v. — nachale XX v. (po statisticheskim obzoram oblasti za 1870–1915 gg.) [Feature Health Services in the Akmolinskii District of the Steppe Territory in the 70-s of 19th Century — Early 20th Century (Based on the District Statistic Reviews in 1870–1915)]. *Izvestiia Altaiskogo gosudarstvennogo universiteta* [News of the Altai State University]. 2020. № 3 (113). S. 25–30 (in Russian).

Istoriia rossiiskoi gosudarstvennoi statistiki: 1811–2011 [History of Russian State Statistics: 1811–2011]. Moscow: Statistika Rossii, 2013. 143 s. (in Russian).

Minakov A. S. Vsepoddanneishie otchety gubernatorov Rossiiskoi imperii: sovremennye problemy istoriografii [The “Humble Repots” by Governors of the Russian Empire: Modern Problems of Historiography]. *Izvestiia vysshikh uchebnykh zavedenii. Povolzhskii region. Gumanitarnye nauki* [News of higher educational institutions. Volga region. Humanitarian sciences]. 2016. № 2 (38). S. 5–24 (in Russian).

Minakov A. S. Godovye Vsepoddanneishie otchety gubernatorov: issledovatel'skii opyt i istochnikovedcheskie perspektivy [The Annual Governors’ “Humble Repots”: Research Experience and Source Prospects]. *Arkheograficheskii ezhegodnik* [Arkheograficheskii ezhegodnik]. 2013. T. 1. № 1. S. 37–55 (in Russian).

Obzor Akmolinskoi oblasti ... [Review of the Akmola region]. Omsk, 1871–1917. URL: <http://elib.shpl.ru/ru/nodes/45712> (accessed October 1, 2021) (in Russian).

Obzor Akmolinskoi oblasti za 1870 god [Review of the Akmola region for 1870]. Omsk, 1871. 155 s. (in Russian)

Obzor Akmolinskoi oblasti za 1879 god [Review of the Akmola region for 1879]. Omsk, 1880. 37 s. (in Russian)

Obzor Akmolinskoi oblasti za 1881 god [Review of the Akmola region for 1881]. Omsk, 1882. 39 s. (in Russian)

Obzor Akmolinskoi oblasti za 1882 god [Review of the Akmola region for 1882]. Omsk, 1883. 27 s. (in Russian)

Obzor Akmolinskoi oblasti za 1887 god [Review of the Akmola region for 1887]. Omsk, 1888. 54 s. (in Russian)

Obzor Akmolinskoi oblasti za 1892 god [Review of the Akmola region for 1892]. Omsk, 1893. 45 s. (in Russian)

Obzor Akmolinskoi oblasti za 1893 god [Review of the Akmola region for 1893]. Omsk, 1895. 68 s. (in Russian)

Obzor Akmolinskoi oblasti za 1903 god [Review of the Akmola region for 1903]. Omsk, 1905. 61 s. (in Russian)

Obzor Akmolinskoi oblasti za 1907 god [Review of the Akmola region for 1907]. Omsk, 1908. 45 s. (in Russian)

Razdorskii A. I. *Obzory gubernii, oblastei i gradonachal'stv Rossiiskoi imperii za 1870–1916 gg. kak istoricheskii istochnik* [Reviews of the Provinces, Regions and Cities of the Russian Empire for 1870–1916 as a Historical Source]. *Journal of Modern Russian History and Historiography*. 2015. T. 8. № 1. S. 35–80 (in Russian).

Razdorskii A. I. Pechatnye Vsepoddannishie otchety general-gubernatorov i gubernatorov Velikogo kniazhestva Finliandskogo [The Printed “Humble Repots” of the Governor-Generals and Governors of the Grand Duchy of Finland]. *Istoriia Rossii i Finliandii v sovremennykh issledovaniakh: Sbornik nauchnykh trudov / pod red. N. V. Dunaevoi, S. G. Kashchenko* [History of Russia and Finland in modern research: Collection of scientific papers / ed. N. V. Dunaeva, S. G. Kashchenko]. SPb: Prezidentskaia biblioteka imeni B. N. El'tsina, 2021. S. 57–65 (in Russian).

Rygalova M. V. *Obzory oblastei Rossiiskoi imperii kak istochnik po istorii obrazovaniia (na primere oblastei Stepnogo kraia i Turkestana)* [Reviews of the Regions of the Russian Empire as a Historical Source on the History of Education (on the Example of the Regions of the Steppe Territory and Turkestan)]. *Izvestiia Altaiskogo gosudarstvennogo universiteta* [News of the Altai State University]. 2021. № 2 (118). S. 66–70 (in Russian).

Rygalova M. V. *Obzory Ferganskoi oblasti kak istochnik po istorii obrazovaniia* [Reviews of the Fergana Region as a Source on the History of Education]. *Kul'tura i vremia peremen* [Culture and times of change]. 2019. № 3 (26). S. 25 (in Russian).

Skopa V. A. *Obzory kak istoricheskii istochnik dlia izucheniia regiona: mekhanizm formirovaniia svedenii (po materialam Stepnogo kraia poslednei treti XIX — nachala XX v.)* [Reviews as a Historical Source for the Study of the Region: the Mechanism for the Formation of Information (Based on the Materials of the Steppe Krai the Last Third of the 19th — Early 20th Century)]. *Izvestiia Altaiskogo gosudarstvennogo universiteta* [News of the Altai State University]. 2018. № 5 (103). S. 150–153 (in Russian).

Elektronnaia biblioteka Gosudarstvennoi publichnoi istoricheskoi biblioteki Rossii [Electronic Library of the State Historical Public Library of Russia]. URL: <http://elib.shpl.ru/> (accessed October 1, 2021) (in Russian).

Статья поступила в редакцию: 04.10.2021

Принята к публикации 15.01.2022

Дата публикации 25.02.2022

УДК 39

DOI: 10.14258/nreur(2022)1–07

М. В. Сухова*Глазовский государственный педагогический институт им. В. Г. Короленко, Глазов (Россия)*

ЖЕНСКИЕ ОБРАЗЫ НИЖНЕГО МИРА В ТРАДИЦИОННЫХ МИФОЛОГИЧЕСКИХ ПРЕДСТАВЛЕНИЯХ УДМУРТОВ

Статья выполнена в рамках антрополого-этнографического исследования традиционной мифологии удмуртов. В статье дана характеристика двух категорий женских мифологических персонажей, локализованных в подземно-подводном, лесном мире — богинь-покровительниц природных стихий (*Вумумы́* и *Музьеммумы́*) и лесных духов (*кукри-баба́*, *обыда́*, *египеча́*, *жена тэлькузё*, *калмык-кышно́*, *женицина-мунчому́рт*, *вумурт-кышно́*).

Основой стали полевые материалы, собранные в 1997–2020 гг. среди сельских и городских удмуртов, а также фольклорные тексты и исследовательские работы этнографов конца XIX — начала XX в.

Представления о внешнем облике женских персонажей нижнего мира в удмуртском традиционном мировоззрении сохранились по-разному. Внешний облик *мумы́* проследить почти невозможно, что связано с архаичностью образов. Достаточно низка и степень выраженности этих образов в современной вербальной традиции. Являясь воплощением природных стихий, они максимально сакрализуются и отдаляются от человеческой повседневности. Лесные духи *кышно́*, напротив, быстро адаптируются к современным социальным реалиям. Они в большей степени связаны с важнейшей социальной функцией инициации, поэтому они по-прежнему более близки человеку.

Ключевые слова: полевая этнография, удмуртская мифология, гендерные исследования, женские образы, подземно-подводный мир, великие матери, духи леса, рождение, перерождение, инициация.

Цитирование статьи:

Сухова М. В. Женские образы нижнего мира в традиционных мифологических представлениях удмуртов // Народы и религии Евразии. 2022. Т. 27, № 1. С. 104–118.
DOI: 10.14258/nreur(2022)1–07.

M. V. Sukhova

Glazov State Pedagogical Institute, Glazov (Russia)

FEMALE IMAGES OF THE UNDERWORLD IN THE UDMURT TRADITIONAL MYTHOLOGICAL REPRESENTATIONS

The article is carried out within the framework of an anthropological and ethnographic study of the traditional Udmurt mythology. The article describes two categories of female mythological characters localized in the underground-underwater, forest world — the patron goddesses of the natural elements (*Vumumy'* and *Muz'emumy'*) and forest spirits (*kukri-baba*, *obyda*, *egypecha*, *telkusyo's wife*, *kalmyk-kyshno*, *munchomuirt-woman*, *vumurt-kyshno*). The basis for the publication was field materials collected in 1997–2020 among the rural and urban Udmurts, as well as folklore texts and research works of XIX–XX centuries.

Ideas about the appearance of female characters of the underworld in the Udmurt traditional worldview have been preserved in different ways. The appearance of the *mumy'* is almost impossible to trace, which is due to the cultural archaic nature of the images. The degree of expression of these images in the modern verbal tradition is also quite low. Being the embodiment of the natural elements, they are maximally sacralized and move away from human everyday life. Forest *spirits-kyshno*, on the contrary, quickly adapt to modern social realities. They are more connected to the most important social function of initiation, which leaves them more intimate.

Key words: field ethnography, Udmurt mythology, gender studies, female images, underground and underwater world, great mothers, forest spirits, birth, rebirth, initiation.

For citation:

Sukhova M. V. Female images of the underworld in the udmurt traditional mythological representations. Nations and religions of Eurasia. 2022. T. 27, № 1. P. 104–118.
DOI: 10.14258/nreur(2022)1–07.

Сухова Мария Владимировна, кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры истории и социально-гуманитарных дисциплин Глазовского государственного педагогического института им. В. Г. Короленко, Глазов (Россия). **Адрес для контактов:** salamramaswami@gmail.com

Sukhova Maria Vladimirovna, candidate of Science (History), associate professor. Glazov State Pedagogical Institute, Department of History and Social-Humanitarian Disciplines, associate professor, Glazov (Russia). **Contact address:** salamramaswami@gmail.com
ORCID: 0000–0003–1304–6852

Введение

Актуальность предлагаемой темы может быть определена разными факторами. Значимым и интересным, независимо от методологий и подходов, продолжает оставаться антропологическое и этнографическое исследование вопросов мифологии. Очевидна принадлежность темы к гендерным исследованиям, которые не просто имеют продолжительную историю, но в условиях российского «патриархатного ренессанса» призваны «непредвзято подойти к изучению гендерной проблематики» [Бороздина, Кондаков, Шторн, 2017: 10].

Базой для исследования послужили разные группы источников. Полевые материалы, использованные в работе, охватывают период последних 25 лет. Это данные наблюдений, сделанных в разное время на территории проживания современных удмуртов, среди как сельского, так и городского населения. Возрастной состав аудитории включает группы от 20–25 до 80–95 лет. По гендерному признаку около 70% аудитории составили женщины, что оправдано как общими демографическими показателями, так и спецификой гендерной коммуникации.

Наблюдения позволяют проследить эволюцию женских образов в культуре удмуртов второй половины XX — первой четверти XXI в. Рамки статьи призваны отразить только некоторые аспекты такой эволюции. Однако именно процесс адаптации мифологических персонажей стал для автора побуждающим мотивом, тем более, что изучаемая реальность требует нового осмысления по сравнению с предыдущими выводами [Ившина, 2002].

В круг источников предлагаемой работы вошли разного рода фольклорные тексты из коллекций Г. Е. Верещагина (1884–1897), Н. Г. Первухина (1888–1890), П. М. Богаевского (1892), Б. Гаврилова (1880). К этой группе можно причислить также современные сборники удмуртского фольклора, изданные в 70–90-е гг. XX в.

В статье использовались данные описательных и исследовательских работ об удмуртах второй половины XIX — первой четверти XX в. Это труды упомянутых авторов, а также И. Н. Смирнова (1890), А. И. Емельянова (1921), А. И. Михайлова (1927), У. Хольмберга (1927), К. Герда (1929).

Предваряя содержательную сторону, отмечу, что в данном случае расположение выбранных женских персонажей в нижнем мире (*со пал дунне*) имеет относительный характер, поскольку «...горизонтальная ориентация по странам света определённым образом увязывается с вертикальной моделью... Поэтому злые духи, великаны и подобные им существа, связанные с остаточным хаосом, могут быть локализованы и в подземном мире, и на окраине земли» [Мелетинский, 2000: 216–217]. К таким духам-женщинам в удмуртской мифологии относятся *кукри-баба*, *обыда*, *египеча*, жена *тэльку-зё* (жена 'хозяина леса'/ 'лесного человека'), *калмык-кышно* ('баба-калмычка'), женщина-*мунчому́рт*/мунчоку́нник (женщина- 'банный дух'), *вумурт-кышно*/женщина-*вуму́рт* (женщина- 'водяной человек'). Их зона обитания связана с лесом, что должно относить их к срединному миру (*та пал дунне*), но одновременно указывает на нижний мир мёртвых. Они могут быть «привязаны» и к другим пограничным ареалам — воде/реке или бане. Они как будто живут ближе всех к человеку, чаще всего «показываются людям. Их можно увидеть» [Полевые материалы автора — ПМА, 2007, Матвеев В. Е.,

1976 г.р.]. Трансформация этих образов, генетически восходящих к реликтовым женским персонажам, которые «могли не иметь отрицательных черт» [Иванов, Топоров, 1965: 176], привела к тому, что на момент записи фольклорных текстов и в настоящее время их имена прочно увязываются со смертью, страхом и злом.

Другие женские персонажи, пребывающие в/под землёй и в/под водой, напротив, имеют высокую степень сакральности. Это богини, их не видят или уже плохо помнят: *Музъеммумы́* ('мать земли'/'мать-земля') и *Вумумы́* ('мать воды'/'мать-вода'). «Я о них не слышала. Только паука-крестовика знаю, шундымумы его зовём» [ПМА, 1999, сообщение Тимошкиной Р. И., 1936 г.р.; *шундымумы́* — 'мать солнца'/'мать-солнце'. — М. С.]. Морфема *мумы́* ('мать') является составной частью имён всех богинь, населяющих не только нижний, но также верхний и собственно срединный миры. Такое именование связано с функциональностью, архаическими формами мифа, пытавшимися классифицировать мир, в котором связь между матерью и ребёнком осмысливается как самая очевидная и прочная. Исследователи XIX в., скорее интуитивно, чем методологически обоснованно, отмечали, что природные «явления были связаны с духами отношениями рождения» [Смирнов, 1890: 212]. Источники позволяют до известной степени полно реконструировать представления о десяти таких *мумы́*. Поскольку любая реконструкция носит условный характер, постольку выводы могут выглядеть отчасти предположениями, отчасти утверждениями. Это замечание относится и к реконструкции образов *Вумумы́* и *Музъеммумы́*.

Внешность, телесность, функциональность женских персонажей

Практически не представляется возможным описать внешний облик *мумы́*. Даже при обращении к археологическим материалам Средневековья (V–XIII вв.) и поздней иконографии удмуртов необходимо понимать, что это будет условное изображение «великой богини», соотносимой, скорее, с более поздним образом *Калдыкмумы́* (см. ниже), реконструкция образа которой — вопрос отдельной работы. Однако именно эти изображения трактуют как «облик женского божества в виде фантастической прародительницы» [Шутова, 1996: 20]. Образ богини-матери, родившей вселенную и связывающей три её мира, визуально и семантически сопоставим с мировым деревом, изображения которого обнаруживаются в бытовых и сакральных предметах североудмуртского населения IX–XIII вв., в традиционной вышивке женских нагрудников [Савельева, 1975].

Облик лесных, водных и банных духов *кышно́* может быть обозначен как «половинчатые» — в том смысле, что эти существа сочетают в себе признаки человека и нечеловека. К этому их «обязывает» сфера обитания. Так, попавшие в лесную избушку девушки видят там «бабу-калмычку с коровьими ногами» [Верещагин, 1996: 170]. Справедливости ради надо сказать, что те же признаки могут быть отмечены у духов-мужчин: коровьи ноги имеет также *искалтыдомурт* — 'человек с коровьими ногами' [Верещагин, 2000: 215]. В связи с мотивом 'коровьи ноги' любопытным представляется следующее наблюдение. В одном из эскизов Н. Г. Первухина находим: «Вообще встречи с мужчинами и с домашними животными считаются счастливыми ..., а несчастными считаются встречи с женщинами или с дикими животными» [Первухин, 1890: 28–29]. Кажется, перед читателем почти прямое указание на биологичность женщины

и социальность мужчины, которое удачно соотносится с коровьими ногами *калмык-кышнó*. Однако как быть с мужчиной — ведь *домашнее* животное «корова» вместе с ногами должно соотноситься именно с ним? Видимо, рассуждая о ногах коровы, следует расценивать их в первую очередь как копыта — не того самого чёрта и даже не сатира, на которого указывает Г.Е. Верещагин, описывая *искалпыдомурта*. На месте коровьих ног могли быть ноги/копыта матери-лосихи, что подтверждают и археологические данные. Навершия одной из костяных пластин I Солдырского городища бассейна Чепцы (IX–XIII вв.) выполнены в виде головы лося (в упряжи!), причём материалы этого культурного круга включают стилистические аналоги — копоушки с навершиями в виде конских головок¹. В образовавшейся связке «лось — корова/конь» первое звено было хронологически более ранним, другие выступали не только как аналоги первого, но и как взаимозаменяемые мифологические единицы. «У северных народов лоси были равнозначны, в мифологическом плане, южным коням» [Уманский, 1987: 48]. Таким образом, коровьи ноги *калмык-кышнó* и *искалпыдомурта* — указание не просто на реликтовую природу женского персонажа с коровьими ногами, но на пути трансформации её статуса.

Духи *кышнó*, имея в целом человеческий облик, — зубастые и волосатые. Однако последний признак в сочетании с дефиницией красиво/некрасиво дифференцированно применяется к разным существам. Если длинноволосая женщина-*мунчомурт* «страшная собою», то *вумурт-кышнó* явится одному страшной, другому красивой. Красота в данном случае расценивается как сексуальность, притягательность, тем более, когда этот признак дополняется наготой. Признаки сексуальной притягательности более значимы в исполнении информаторов-мужчин: «Вумурты по-разному тянут, хватают: мужчины женщин хватают, женщины — мужчин. Так» [ПМА, 2001, Чирков Н.М. 1918 г.р.]; *вумурт-кышнó* «стала тянуть лошадь нашу в воду, взяв её за узду» [Верещагин, 2001: 39]. Полисемантичность глагола «притягивать» только подчёркивает эротический подтекст действия *вумурт-кышнó*.

В описаниях женщин-духов часто встречается указание на грудь, которой те кормят ребёнка. На берегу реки можно встретить *вумурт-кышнó*, «кормящую своею грудью дитя. ... Лишь потом она ... бросилась в воду и исчезла» [Верещагин, 2001: 40]; «Не знаю, может, и кормят вумурты детей своих. Если у вумурта жена есть, так и дети тоже/*Вумуртлэн ке кышноез вань, пинальёсыз но тожо*. Бабка моя говорила, чтобы мать — беременная — не ходила к реке: „Вумурт схватит, будешь его детей кормить”» [ПМА, 1999, Шудегов А.В. 1927 г.р.].

Однако этот признак обладает несколькими особенностями. Это может быть грудь кормящей женщины-красавицы. Как правило, это *вумурт-кышнó*. Речь идёт об эротичности, привлекательности молодой женщины. U. Holmberg поэтически замечал: “She is beautiful and her naked body is glistening white. Sometimes in the twilight the wife or daughter of the “Water man” will emerge on the shore to comb her long black hair. In some places she is said to have breasts as big as buckets” [Она прекрасна, и её нагое тело сверка-

¹ Эти и другие изображения размещены в экспозициях и виртуальных выставках ИКМЗ «Иднакар»
URL: <https://xn--80aakpmqy.xn--p1ai/>

ет белизной. Иногда в сумерках жена или дочь вумурта выходит на берег, чтобы расчесать свои длинные чёрные волосы. В некоторых местах говорят, что её грудь размером с ковш] (*пер. авт.*) [Holmberg, 1927: 195]. Мы можем столкнуться и со странным сочетанием: младенца кормит безобразная, некрасивая, вышедшая из детородного возраста женщина. «На печи сидит старуха, *Кукри-баба́*, отвратительного вида, кормит грудью ребёнка» [Верещагин, 1995: 163]. Эмоциональное описание гипертрофированно большой женской груди встречается у персонажа, который традиционно «прочитывается» как мужчина, хотя некоторые авторы отмечают, что в современном бытовании «гендерные признаки рассматриваемого мифологического существа не подчеркиваются» [Владыкина, 2015: 61]. Это *палэсмурт* — ‘половинчатый человек’, у которого не только один глаз, рука и нога, но также «one breast, which is so large that it can suffocate people with it by pressing it into their mouths» [одна грудь, которая настолько велика, что ею можно задушить человека, прижав её к губам] (*пер. авт.*) [Holmberg, 1927: 181]. См. также: [Емельянов, 1921: 124]. Их андрогинность и сомнительная гендерная идентификация отсылают к функциональности, связанной с практикой возрастных инициаций, где персонаж-мужчина может иметь женские признаки или исполнять «женские» функции. Подчёркивание женской старости и одновременно сексуальности — очередное обращение к глубокой архаичности женских персонажей нижнего мира: «В центре стоит... богиня родов, но мы нигде не увидим её супруга... Эта древнейшая, очевидно матриархальная культура создаёт безмужнюю мать. Она подчёркнуто сексуальна, но не эротична» [Пропп, 1976: 191]. Такое изменение свидетельствует о смене статуса, для носителей традиции имплицитно имеющее оценочный характер, поскольку молодая богиня родов теперь старуха, которой боятся.

Отношения с человеком определяют смысловое ядро образов женских мифологических существ нижнего мира. *Мумы́* стали центральными образами культа женского рождающего начала. В этих образах видится некоторая двойственность. Они рассматриваются как матери, родившие природную стихию. Они отделены от этой стихии как субъекты коммуникации. Но место их локализации приводит к слиянию *мумы́* и её ребёнка. Они сами и есть стихия — водная (*ву*) или земная (*музьем*).

Вумумы́ вездесуща: она — любая река или родник. Она — олицетворение мировой воды, из которой родилась земля, когда *Вукузё* принес несколько горстей донного ила [Мифы, легенды и сказки удмуртского народа (МУН), 1995: 13; Удмуртские народные сказки (УНС), 1976: 21]. *Вумумы́* воплощается и в образе каждой конкретной реки, к которой могут обращаться с молитвами люди. В одном из случаев информатор описал обращение к реке Чепце: «Мама всегда в начале разлива реки подходила, бросала хлеб с маслом, иногда водку наливала: „Тани, Чупчимумы, нянь но вэй тыны́длы. Вождэ эн вай” / „Вот, Чупчимумы, хлеб и масло тебе. Не сердись”» [ПМА, 2018, Ившина Н. А. 1953 г. р.]. Г. Е. Верещагин передаёт одно из осенних молений удмуртов, отмечая благодарность крестьян реке: «Благослови, речушка Чура. Ты видишь, мы приносим тебе жертву. Твой скот, идущий на водопой, растянулся бы от наших конюшен до речки» [Верещагин, 1998: 235]. Однако уменьшительная форма существительного в русском именовании, предложенная автором, как будто снижает статус богини, превращая её из *мумы́* в речушку. Показательна и трактовка данного культурного сюжета:

здесь «несомненно, чувствуется Вумурт, бог воды, который в данном случае называется именем речки» [Верещагин, 1998: 236]. Однако с эволюционной точки зрения именно *Вумумы́* можно считать «одним из положительных «прототипов» водяного» (*Вумурта*) [Владыкина, 2018: 79], но никак не наоборот.

Музьеммумы́ живёт в земле, в холмах, что стало причиной появления у удмуртов табу на их раскапывание. Представления о *Музьеммумы́* как культурный факт и исследовательская проблема теснейшим образом связаны с образом *Кылдысина* (покровителя земледелия), а в системе эволюционных и генетических параллелей с образом *Калдыкмумы́*. Отношения крестьян с землёй определялись самой сущностью крестьянского труда. Благосостояние приносило гармоничное чередование периодов, когда земля отдыхает или трудится. Почтительное и любовное отношение к ней выражается в сочетании иррациональности и практичности. Различные запреты на раскопку (см. выше) или распашку земли, например, во время летнего солнцестояния, имели как магическую, так и рациональную основу и были «призваны предохранять культурные растения от случайного или преднамеренно совершаемого негативного воздействия» [Волкова, 2003: 315]. Пахать землю — одновременно и почитать её, и ранить: «These last also pray that the earth might not be offended, when men are obliged to wound her with their ploughs» [Последние молятся, чтобы земля не сердилась, когда люди вынужденно ранят её плугами] (*пер. авт.*) [Holmberg, 1927: 239]. Оценивая количество нераспахиваемых земель в деревне, один из информаторов говорит: «Земля должна работать. Если её не пахать, она обидится. Не будет хлеба» [ПМА, 2019, анонимный информатор 1940 г.р.].

Плодотворяющая сила земли проявляется в значительном количестве разнообразных поверий и обрядовых практик. Удар о землю — способ оживления или превращения. В легенде о попытках людей вернуть *Кылдысина* на землю последний, убегая от охотников, оборачивается то зверем, то птицей, то рыбой: «...мёртвым упал рябчик на землю, но при первом столкновении с последней вспорхнул тетеревом» [Первухин, 1889: 6]. Чудесная девушка, встреченная в лесу, дарит юноше кнут со словами: «Ударь ты им три раза о землю. Ложись на неё и прикройся войлоком; с этого времени земля тебя будет кормить» [Богаевский, 1892: 171].

В этнографических трудах известен обряд прохождения через земляные ворота, проводимый вместе с возжиганием нового огня и призванный «предохранить себя и скот от эпидемии или общественного бедствия» [Прокопьев, 1903: 2]. Д. Н. Анучин пишет, что для проведения обряда «выбирают в овраге мыс, размытый водой, и прокапывают в нём сквозное отверстие, в которое мог бы пройти человек и крупные домашние животные», а по обеим сторонам на выходе разжигают костры [Анучин, 1923: 28]. И. Н. Смирнов в очерке о пермяках сообщает: когда новый огонь добыт, «выходы из деревни закладываются зажжёнными торфяными кочками и через них перегоняют скотину» [Смирнов, 1891: 280].

В случае с удмуртами можно найти описание весеннего выгона скота, где фигурируют усадебные ворота, а состав ритуальных действий аналогичен приведённому. В воротах протягивается ремень «наиболее счастливого» члена семьи, с концов ремня ставятся огарки пасхальных свечей и скотина выгоняется со двора так, чтобы «она непременно перешагнула через ремень» [Первухин, 1888: 91]. Современные полевые данные

свидетельствуют, что «в детстве мы знали, если обожжёшь руку, надо обмотать тряпкой, выкопать в земле дырку и просунуть руку. И всё» [ПМА, 2002, Невоструева Л. К. 1931 г.р.].

А. П. Конкка приводит вариант обряда, направленного на восстановление сексуальной силы *лемпи* у карел: «...вырезают в земле лоскут дёрна с трёх сторон, один край которого оставляют нетронутым... Посредине него вырезают четырёхугольное отверстие. ... Потом просовывают посуду с этой (родниковой. — М. С.) водой через отверстие в лоскуте земли три раза» и моются этой водой в бане [Конкка, 2014: 279]. L. Stark-Arola пишет, что купание *лемпи* может предполагать ритуальный пропуск скота или детей между ногами женщины [Stark-Arola, 1998: 45] и «... women used the supernatural *väki* force coming from their lower bodies to protect their children, husbands and domestic farm animals» [... женщины использовали сверхъестественную силу *väki*, исходящую из нижней части тела, чтобы защитить своих детей, мужей и домашних сельскохозяйственных животных] (пер. авт.) [Stark-Arola, 2012: 164]. Исцеление как возрождение, предполагающее сакрализацию нижней, женской, земной силы, технически выглядит как продевание/прохождение через землю — тело *Музьеммумы́*.

Функционально аналогичны описанным выше практикам случаи, когда, браня человека, говорили: «*Муньылон!* / Достойный быть проглоченным землёй» [Удмуртский фольклор, 1987: 245]. Пребывание в чреве матери-земли призвано было переделать человека. S. Аро замечает: «...in according with mythological ideas, travel inside a woman's body was also regarded as a «transit-transition», because a woman's body was a road between the other world and her own world» [... согласно мифологическим представлениям, путешествие внутри женского тела также расценивалось как «транзит-переход», потому что тело женщины было дорогой между миром иного и своим миром] (пер. авт.) [Аро, 1998: 77].

Чрево *Музьеммумы́/Вумумы́* — подземно-подводный мир, откуда приходят и куда уходят после смерти — могло представляться в виде огромного подземно-подводного быка: «В земле ходит огромный бык» — *музьем ош* или *музьем утись ош* / «бык-хранитель земли» [Верецагин 1996: 128]. Тексты загадок содержат образ быка, которым зашифрован покрывающий реку лёд: «Под полом ходит много быков (Подо льдом рыба)»; «Бык живой, шкура натянута (Лёд на реке)» [Гаврилов, 1880: 112; Удмуртский фольклор, 1982: 208]. В легенде о чёрном озере фигурируют огромные быки, переносящие озеро. Т. Г. Владыкина приводит вариант легенды, в котором «[жителям] было трудно друг к другу ходить» [Владыкина, 1997: 193]; перенос озера по просьбе жителей описан у А. И. Емельянова [Емельянов, 1921: 136]. В литературных обработках встречаем сюжет, в котором поводом к переносу становится осквернение ритуальной чистоты озера цыганами, то ли открывшими на берегу кузню, то ли полошущими в нём пелёнки. Это уже вопрос межэтнической коммуникации, но как бы то ни было, из озера вышли «огромные, с сажеными рогами быки. ... Быки поддели рогами и потащили Чёрное озеро — вместе с рыбой, водой и вумуртами — в другое место» [МУН, 1995: 112; УНС, 1976: 27]. Ассоциации тела земли/воды с телом быка усиливаются этимологическими и семантическими параллелями языка: удмуртское *ошмес* / «родник» иногда используется в форме *ошмес син* / «глаз источника», который метафорически называют «глаз быка».

«Ошмесэ эн сяла / Не плюй в родник. Он вроде как божественный. Вода уйдёт» [ПМА, 2005, Поздеева З. В. 1927 г. р.].

Тело *мумы*, в котором временно пребывает человек, чтобы переродиться, может быть и телом чудовища, нороящим его проглотить. В этом случае необходимо возвратиться к духам *кыишнó*, которые являются агентами возрастных инициаций. Так как подробно эта тема была рассмотрена в специальной публикации [Сухова, 2021], обратимся к аспектам, актуальным в рамках данной работы.

Пожирание человека лесным духом по сути является ритуальным умерщвлением. Испытание смертью или угроза быть съеденным исходит обычно от *обыды́*, *калмык-кыишнó* и *кукри-бабы́*: «Если не будете есть — я сама вас съем» [Верещагин, 1995: 163]. Часть сказочных сюжетов действительно заканчивается тем, что героя съели: «Ночью пришла к ней калмычка и съела её всю» [Верещагин, 1996: 171]. В связи с убийством неопита необходимо понять, как организована эта смерть. Человека съедают, предварительно изжарив в печи или сварив в большом котле. По смыслу этот сюжет связан с обрядом перепекания ребёнка и детской болезни. А. И. Михайлов приводит описание лечения рехита — *пуны кыль* (букв. ‘собачья старость’): «...ребёнка валяют на том месте, где лежала собака, потом вместе с зыбкой ставят в печь, после того, как из неё вынули хлеб» [Михайлов, 1927: 24]. У К. Герда находим, что в попытке оживить мёртворождённого «бабушка держит ребёнка перед печкой» [Герд, 1993: 46]. Как видно, ритуал базируется на отождествлении хлеба и тела человека, которого «возвращают в материнскую утробу» [Топорков, 1988: 129]. Печь — место окультуривания и канал связи с потусторонним миром [Орлов 1999: 96]. Символом окультуривания становится женщина-лесной дух.

Любые виды испытаний, которым подвергается посвящаемый, можно обозначить как смерть. Погибнуть можно, не выполнив заданий *египечи́* [УНС, 1976: 158], от боли, отвращения или голода, потому что *кукри-баба́* кормит неопитов струпьями, коростой и насекомыми: «Девушки отворачивают глаза от гадкого вида коросты, вызывающей рвоту» [Верещагин, 1995: 163], от страха, поскольку за беглецами гонится жена *тэль-кузё*: «Оглянулись, а старуха опять их догоняет» [МУН, 1995: 154]. Требование *калмык-кыишнó* перепрыгнуть ступу или корыто, «в котором вотячки толкут бельё» [Верещагин, 1996: 170], испытание юноши красотой *вумурт-кыишнó* имеет сексуально-эротический подтекст и может нести смерть. Но духи-женщины также дружелюбны по отношению к человеку, который получает от них в дар богатство или удачу. *Обыда́* помогает найти дерево, «в котором следует специальным образом выдолбить борти» для пчёл [УНС, 1976: 87; Панина, 2017: 58]. Однако сама по себе встреча с духом, его дар и испуг человека — также транзичия, где момент выполнения заданий как будто опущен. «Ходили с отцом мы в лес, венец в бане сгнил. Он-то заметил ёлку, а найти не можем. Мелькнуло что-то, ох! Я голову повернул: вон, ёлка-то. Мать потом сказала: «Кто-то тебе показал, обыда́ ли хозяин?» Кто знает / «Кин ке тйледлы возьматйз, обыда́ оло кузё? Кин тодэ»» [ПМА, 2002, Васильев В. Е. 1932 г. р.; кузё, чйчйакузё — ‘хозяин леса’ (сев.-удм.). — М. С.]. Стремление снова и снова пережить страх, с которым связаны духи *кыишнó*, помогает выработать важный социальный навык распознавания и контроля страха. В силу этого жанры, сюжеты и персонажи, связанные с волшебной сказкой, популярны и имеют достаточно высокую степень сохранности.

Заключение

Материалы показывают, что место женских персонажей нижнего мира в традиционных мифологических представлениях удмуртов связано с их функциональностью, которая предполагает взаимоотношения с человеком. Отношения с человеком принципиально сводятся к двум вариантам — помощь и вред. Первый может означать также покровительство и защиту, как правило, указывающую на высокий сакральный статус богинь-*мумы́*. Лесные духи *кышнó* амбивалентны по отношению к человеку и несут ему как помощь, так и угрозу, которая иногда оборачивается смертью. Образы пугающих и помогающих лесных духов *кышнó* в большей степени, чем *мумы́*, связаны с важнейшей социальной функцией инициации — перерождения, в фольклорных представлениях оформленной, однако, как биологический процесс. *Мумы́*-стихии, напротив, отвечают за природный процесс — рождение, который не поддаётся контролю человека, они более велики и далеки в пространстве.

Функциональная разница является хотя и не единственной, но значимой причиной того, что внешность персонажей невнятна для носителей традиции или не всегда поддаётся описанию. *Мумы́* как будто вообще не обладают внешностью. В них слиты стихия и индивидуальность, что указывает на архаику женских образов, которые в процессе историко-культурной эволюции «оттесняются на задний план» [Ившина, 1999: 63] и уже в силу этого общаться с ними затруднительно.

В отношении духов *кышнó* положение о невнятности облика имеет, как мы видели, ограниченный характер. Внешние признаки этих демонических существ сводятся к подчёркиванию либо их нечеловеческого характера — длинноволосость и/или лохматость, преувеличенность размеров некоторых частей тела (грудь, зубы) либо их сексуальной красоты и притягательности, каковая в человеческой среде всегда ограничивается или считается неестественной для человека. Внешность этих персонажей так же, как и функциональность, определяет степень возможности близких контактов с человеком — от почтительно-уважительных до сексуальных. Однако в любом из случаев образы духов *кышнó* и *мумы́* играют значимую роль в системе традиционных мифологических представлений удмуртов, обеспечивая миру выживание и стабильность.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Анучин Д. Н. Открытие огня и способы его добывания. М. ; Пг. : Гос. изд-во, 1923. 42 с.
- Богаевский П. М. Материалы для изучения народной словесности вотяков // Этнографическое обозрение. 1892. № 4. С. 171–178.
- Бороздина Е. А., Кондаков А. А., Шторн Е. М. Современные исследования гендера и сексуальности: теоретические разработки и эмпирические изыскания // Журнал социологии и социальной антропологии. 2017. № 5. С. 7–14.
- Верещагин Г. Е. Собрание сочинений : в 6 т. Т. 1: Вотяки Сосновского края. Ижевск : УИИЯЛ УрО РАН, 1995. 260 с.
- Верещагин Г. Е. Собрание сочинений : в 6 т. Т. 2: Вотяки Сарапульского уезда Вятской губернии. Ижевск : УИИЯЛ УрО РАН, 1996. 204 с.

Верещагин Г. Е. Собрание сочинений : в 6 т. Т. 3, кн. 1: Этнографические очерки. Ижевск : УИИЯЛ УрО РАН, 1998. С. 206–240.

Верещагин Г. Е. Собрание сочинений : в 6 т. Т. 3, кн. 2. Вып. 1: Этнографические очерки. Ижевск : УИИЯЛ УрО РАН, 2000. С. 14–82; 209–216.

Верещагин Г. Е. Собрание сочинений : в 6 т. Т. 4, кн. 1: Удмуртский фольклор. Ижевск : УИИЯЛ УрО РАН, 2001. 222 с.

Владыкина Т. Г. Удмуртский фольклор: проблемы жанровой эволюции и систематики. Ижевск : УИИЯЛ УрО РАН, 1997. 356 с.

Владыкина Т. Г. Удмуртский фольклорный миротекст: образ, символ, ритуал. Ижевск : Монпоражён, 2018. 298 с.

Владыкина Т. Г., Панина Т. И. Образы лесных духов в удмуртской мифологии и фольклоре: II. Палэсмурт («половинный человек / человекообразное существо — половинка») // Ежегодник финно-угорских исследований. Вып. 4. Ижевск : Изд-во Удмуртского ун-та, 2015. С. 59–67.

Волкова Л. А. Земледельческая культура удмуртов (вторая половина XIX — начало XX века). Ижевск : УИИЯЛ УрО РАН, 2003. 388 с.

Гаврилов Б. Произведения народной словесности вотяков Казанской и Вятской губерний. Казань, 1880. 190 с.

Герд К. Человек и его рождение у восточных финнов. Хельсинки : Suomalais-Ugrilainen Seura, 1993. 97 с.

Емельянов А. И. Курс по этнографии вотяков. Вып. III: Остатки старинных верований и обрядов у вотяков. Казань, 1921. 156 с.

Иванов В. В., Топоров В. Н. Славянские языковые моделирующие семиотические системы. М. : Наука, 1965. 251 с.

Ившина М. В. Великая Мумы: потерянное имя // Вестник Удмуртского университета. 1999. № 7. С. 59–63.

Ившина М. В. «И мужчина без жены заблудится»: гендерная социализация в удмуртской традиции // Вестник педагогического опыта. 2002. Вып. 19. С. 27–34.

Конкка А. На плечах Большой Медведицы. Избранные статьи. Петрозаводск : Карельский научный центр РАН, 2014. 342 с.

Мелетинский Е. М. Поэтика мифа. М. : Восточная литература, 2000. 407 с.

Мифы, легенды и сказки удмуртского народа. Ижевск : Удмуртия, 1995. 208 с.

Михайлов А. И. Вотячка. М., 1927. 40 с.

Орлов П. А. Вещный мир удмуртов (к семантике материальной культуры) : дис. ... канд. ист. наук. Ижевск, 1999. 216 с.

Панина Т. И. Образы лесных духов в удмуртской мифологии и фольклоре: III. Обыда (лесная женщина) // Ежегодник финно-угорских исследований. Т. 11, вып. 2. Ижевск : Удмуртский университет, 2017. С. 53–66.

Первухин Н. Г. Эскизы преданий и быта инородцев Глазовского уезда. Эскиз 2. Идо-ложертвенный ритуал древних вотяков по его следам в рассказах стариков и в современных обрядах. Вятка, 1888. 141 с.

Первухин Н. Г. Эскизы преданий и быта инородцев Глазовского уезда. Эскиз 4. Следы языческой древности в образцах устной поэзии вотяков. Вятка, 1889. 84 с.

Первухин Н. Г. Эскизы преданий и быта инородцев Глазовского уезда. Эскиз 5. Следы языческой древности в суеверных обрядах обыденной жизни вотяков от колыбели до могилы. Вятка, 1890. 68 с.

Прокопьев К. П. Обряд прохождения через земляные ворота. (Из быта чуваш) // Известия ОАИЭ при Императорском Казанском университете. Т. XIX. Казань, 1903. 6 с.

Пропп В. Я. Фольклор и действительность. М. : Наука, 1976. 327 с.

Савельева Л. И. Вышивка центральных районов Удмуртии // Искусство Удмуртии. Ижевск, 1975. С. 85–113.

Смирнов И. Н. Вотяки: Этнографический очерк. Известия ОАИЭ при Императорском Казанском университете. Т. VIII, вып. 2. Казань, 1890. 358 с.

Смирнов И. Н. Пермьяки: Историко-этнографический очерк. Известия ОАИЭ при Императорском Казанском университете. Т. IX, вып. 2. Казань, 1891. 289 с.

Сухова М. В. «... И там кто-то ночью её съел»: чем может окончиться возрастная инициация (этнографические и антропологические заметки по материалам удмуртского фольклора) // Ежегодник финно-угорских исследований. Т. 15, вып. 1. Ижевск : Изд-во Удмуртского ун-та, 2021. С. 172–182. DOI: 10.35634/2224-9443-2021-15-1-172-182.

Топорков А. Л. Ритуал «перепекания» ребенка у восточных славян // Фольклор: проблемы сохранения, изучения, пропаганды : тез. докл. Всесоюзной научно-практической конф. : в 2 ч. М., 1988. Ч. 1. С. 128–130.

Удмуртские народные сказки. 2-е изд., доп. Ижевск : Удмуртия, 1976. 324 с.

Удмуртский фольклор. Загадки. Ижевск : Удмуртия, 1982. 256 с.

Удмуртский фольклор. Пословицы, афоризмы, поговорки. Устинов : Удмуртия, 1987. 274 с.

Уманский О. Семь пластин из Чердыни // Декоративное искусство СССР. 1987. № 7. С. 48–49.

Шутова Н. И. Особенности образа древнеудмуртского женского божества // Женщины в меняющемся мире: история и современность : Материалы Междунар. науч.-практ. конф. Ижевск : Изд-во Удмуртского ун-та, 1996. С. 22–25.

Apo S. Ex cunno come the folk and force: concepts of Women's Dynamistic Power in Finnish-Karelian Tradition // Gender and Folklore. Perspectives on Finnish and Karelian Culture. Helsinki: Finnish Literature Society, 1998. P. 63–91 (in English)

Holmberg U. Finno-Ugric Mythology // The Mythology of All Races in Thirteen volumes. Boston, 1927. Vol. 4. 587 p. (in English)

Stark-Arola L. Gender, Sexuality and the Supranormal // More Than Mythology: Narratives, Ritual Practices and Regional Distribution in Old Norse Religion. Lund : Nordic Academic Press, 2012. P. 153–183 (in English).

Stark-Arola L. Magic, Body and Social Order, The Construction of Gender through Women's Private Rituals in Traditional Finland. Helsinki : Finnish Literature Society, 1998. 331 p. (in English)

REFERENCES

Anuchin D. N. *Otkrytie ognya i sposoby ego dobyvaniya* [Opening fire and methods of getting it]. Moscow, Petrograd, 1923. 42 s. (in Russian).

Bogaevskii P. M. Materialy dlya izucheniya narodnoi slovesnosti votyakov [Materials for the study of Votyaks' folk literature]. *Etnograficheskoe obozrenie* [Ethnographic Review]. 1892, no 4. S. 171–178 (in Russian).

Borozdina E. A., Kondakov A. A., Shtorn E. M. Sovremennye issledovaniya gendera i seksual'nosti: teoreticheskie razrabotki i empiricheskie izyskaniya [Modern studies of gender and sexuality: theoretical developments and empirical research]. *Zhurnal sotsiologii i sotsial'noi antropologii* [The Journal of Sociology and Social Anthropology]. 2017, no 5. S. 7–14 (in Russian).

Vereshchagin G. E. *Sobranie sochinenii: V 6 t.* [Collected Works: in 6 vol.]. T. 1 [Vol. 1]. Izhevsk, 1995. 260 s. (in Russian).

Vereshchagin G. E. *Sobranie sochinenii: V 6 t.* [Collected Works: in 6 vol.]. T. 2 [Vol. 2]. Izhevsk, 1996. 204 s. (in Russian).

Vereshchagin G. E. *Sobranie sochinenii: V 6 t.* [Collected Works: in 6 vol.]. T. 3. Kn. 1 [Vol. 3.1]. Izhevsk, 1998. S. 206–240 (in Russian).

Vereshchagin G. E. *Sobranie sochinenii: V 6 t.* [Collected Works: in 6 vol.]. T. 3. Kn. 2. Vyp. 1 [Vol. 3.2.1]. Izhevsk, 2000. S. 14–82; 209–216 (in Russian).

Vereshchagin G. E. *Sobranie sochinenii: V 6 t.* [Collected Works: in 6 vol.]. T. 4. Kn. 1 [Vol. 4.1]. Izhevsk, 2001. 222 s. (in Russian, in Udmurt).

Vladykina T. G. *Udmurtskii fol'klor: problemy zhanrovoi evolyutsii i sistematiki* [Udmurt folklore: problems of genre evolution and systematics]. Izhevsk, 1997. 356 s. (in Russian, in Udmurt).

Vladykina T. G. *Udmurtskii fol'klorni mirotekst: obraz, simvol, ritual* [Udmurt folklore mirotekst/worldtext: image, symbol, ritual]. Izhevsk : “Monporazhyon” Publ., 2018. 298 s. (in Russian).

Vladykina T. G., Panina T. I. Obrazy lesnykh dukhov v udmurtskoi mifologii i fol'klоре: II. Palesmurt (“polovinnyi chelovek/chelovekoobraznoe sushchestvo — polovinka”) [Images of forest spirits in Udmurt mythology and folklore: II. Palesmurt (“half man/humanoid creature-half”)]. *Ezhegodnik finno-ugorskikh issledovaniy*. [Yearbook of Finno-Ugric Studies]. 2015, iss. 4. S. 59–67 (in Russian).

Volkova L. A. *Zemledel'cheskaya kul'tura udmurtov (vtoraya polovina XIX — nachalo XX veka)* [Agricultural Udmurt tradition (the second half of the XIX — the beginning of the XX century)]. Izhevsk, 2003. 388 s. (in Russian).

Gavrilov B. *Proizvedeniya narodnoi slovesnosti votyakov Kazanskoi i Vyatskoi gubernii* [Works of folk literature of the Votyaks of Kazan and Vyatka provinces]. Kazan', 1880. 190 s. (in Russian).

Gerd K. *Chelovek i ego rozhdenie u vostochnykh finnov* [Man and his birth in the Eastern Finns' culture]. Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura Publ., 1993. 97 s. (in Russian).

Emel'yanov A. I. *Kurs po etnografii votyakov* [Votyak ethnography course]. Vyp. III. *Ostatki starinykh verovaniy i obryadov u votyakov* [Remnants of ancient beliefs and rituals among the Votyaks]. Kazan', 1921. 156 s. (in Russian).

Ivanov V. V., Toporov V. N. *Slavyanskii yazykovye modeliruiushchie semioticheskie sistemy* [Slavic language modeling semiotic systems]. Moscow : Nauka Publ., 1965. 251 s. (in Russian).

Ivshina M. V. Velikaya Mumy: poteryannoe imya [The Great Mumy: The Lost Name]. *Vestnik Udmurtskogo universiteta* [Bulletin of Udmurt University]. 1999, no. 7. S. 59–63 (in Russian).

Ivshina M. V. “I muzhchina bez zheny zabluditsya”: gendernaya sotsializatsiya v udmurtskoi traditsii [“And a man without a wife will get lost”: gender socialization in the Udmurt tradition]. *Vestnik pedagogicheskogo opyta* [Bulletin of pedagogical experience]. 2002, iss. 19. S. 27–34 (in Russian).

Konkka A. *Na plechakh Bol'shoi Medveditsy* [On the shoulders of the Big Dipper]. Petrozavodsk, 2014. 342 s. (in Russian).

Meletinskii E. M. *Poetika mifa* [The poetics of myth]. M. : Vostochnaya literatura Publ., 2000. 407 s. (in Russian).

Mify, legendy i skazki udmurtskogo naroda [Myths, legends and fairy tales of the Udmurt people]. Izhevsk: Udmurtiya Publ., 1995. 208 s. (in Russian).

Mikhailov A. I. *Votyachka* [Votyak Woman]. Moscow, 1927. 40 s. (in Russian).

Orlov P. A. *Veshchnyi mir udmurtov (k semantike material'noi kul'tury)*: diss. ... kand. ist. nauk [The thing world of the Udmurts (on the semantics of material culture): Ph. D. Thesis in History]. Izhevsk, 1999. 216 s. (in Russian).

Panina T. I. Obrazy lesnykh dukhov v udmurtskoi mifologii i fol'klоре: III. Obyda (lesnaya zhenshchina) [Images of forest spirits in Udmurt mythology and folklore: III. Obyda (forest woman)]. *Ezhegodnik finno-ugorskikh issledovaniy*. [Yearbook of Finno-Ugric Studies]. 2017, vol. 11, iss. 2. S. 53–66 (in Russian).

Pervukhin N. G. *Eskizy predanii i byta inorodtsev Glazovskogo uezda* [Essays of legends and everyday life of native population of Glazov county]. *Eskiz 2* [Essay 2]. Vyatka, 1888. 141 s. (in Russian).

Pervukhin N. G. *Eskizy predanii i byta inorodtsev Glazovskogo uezda* [Essays of legends and everyday life of native population of Glazov county]. *Eskiz 4* [Essay 4]. Vyatka, 1889. 84 s. (in Russian).

Pervukhin N. G. *Eskizy predanii i byta inorodtsev Glazovskogo uezda* [Essays of legends and everyday life of native population of Glazov county]. *Eskiz 5*. [Essay 5]. Viytka, 1890. 68 s. (in Russian)

Prokop'ev K. P. *Obryad prokhozheniya cherez zemlyanye vorota. (Iz byta chuvash)* [The rite of passage through the earthen gate. (From the life of the Chuvash)]. Kazan', 1903. 6 s. (in Russian).

Propp V. Ya. *Fol'klор i deistvitel'nost'* [Folklore and reality]. Moscow : Nauka Publ., 1976. 327 s. (in Russian).

Savel'eva L. I. Vyshivka tsentral'nykh raionov Udmurtii [Embroidery of the central regions of Udmurtia]. *Iskusstvo Udmurtii* [Art of Udmurtia]. Izhevsk, 1975. S. 85–113 (in Russian).

Smirnov I. N. *Votyaki: Etnograficheskii ocherk* [Votyaks: Ethnographic Essay]. Kazan', 1890. 358 s. (in Russian).

Smirnov I. N. *Permyaki: Istoriko-etnograficheskii ocherk* [Permyaks: Historical and ethnographic essay]. Kazan', 1891. 289 s. (in Russian).

Sukhova M. V. “... I tam kto-to noch'yu eyo s'el”: chem mozhet okonchit'sya vozrastnaya initsiatsiya (etnograficheskie i antropologicheskie zametki po materialam udmurtskogo

fol'klora) [... And there something ate it at night": what the adult initiation can end (ethnological and anthropological notes on the materials of Udmurt folklore)]. *Ezhegodnik finno-ugorskikh issledovaniy*. [Yearbook of Finno-Ugric Studies]. 2021, vol. 15, iss. 1. S. 172–182. DOI: 10.35634/2224-9443-2021-15-1-172-182 (in Russian).

Toporkov A. L. Ritual "perepekaniya" rebyonka u vostochnykh slavyan [The ritual of "baking" a child among the Eastern Slavs]. *Fol'klor: problemy sokhraneniya, izucheniya, propagandy. Vsesoiuznaya nauchno-prakticheskaya konferentsiya. Tezisy. V 2 ch. Ch. 1* [Folklore: problems of conservation, study, propaganda. All-Union Scientific and Practical Conference. Abstracts. At 2 hours. Part 1]. Moscow, 1988. S. 128–130 (in Russian).

Udmurtskie narodnye skazki [Udmurt folk tales]. Izhevsk : Udmurtiya Publ., 1976. 324 s. (in Russian).

Udmurtskii fol'klor. Zagadki [Udmurt folklore. Riddles]. Izhevsk : Udmurtiya Publ., 1982. 256 s. (in Russian, in Udmurt).

Udmurtskii fol'klor [Udmurt folklore. Proverbs, aphorisms, sayings]. Ustinov : Udmurtiya Publ., 1987. 274 s. (in Russian, in Udmurt).

Umanskii O. Sem' plastin iz Cherdyni [Seven plates from the Cherdyn']. *Dekorativnoe iskusstvo SSSR* [Decorative art of the USSR]. 1987. № 7. S. 48–49 (in Russian).

Shutova N. I. Osobennosti obraza drevneudmurtskogo zhenskogo bozhestva [Features of the image of the Ancient Udmurt female deity]. *Zhenshchiny v menyayushchemsya mire: istoriya i sovremennost'* [Women in a changing world: history and modernity]. Izhevsk, 1996. S. 22–25 (in Russian).

Apo S. Ex cunno come the folk and force: concepts of Women's Dynamistic Power in Finnish-Karelian Tradition. *Gender and Folklore. Perspectives on Finnish and Karelian Culture*. Helsinki: Finnish Literature Society, 1998. P. 63–91 (in English).

Holmberg U. Finno-Ugric Mythology. *The Mythology of All Races in Thirteen volumes*. Boston, 1927. Vol. 4. 587 p. (in English).

Stark-Arola L. Gender, Sexuality and the Supranormal. *More Than Mythology: Narratives, Ritual Practices and Regional Distribution in Old Norse Religion*. Lund: Nordic Academic Press, 2012. P. 153–183 (in English).

Stark-Arola L. *Magic, Body and Social Order, The Construction of Gender through Women's Private Rituals in Traditional Finland*. Helsinki: Finnish Literature Society, 1998. 331 p. (in English).

Статья поступила в редакцию: 21.04.2021

Принята к публикации 10.11.2021

Дата публикации 25.03.2022

УДК 314.743

DOI: 10.14258/nreur(2022)1–08

Лэй Лю*Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург (Россия)*

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ЖИЗНЬ РУССКОЙ ЭМИГРАЦИИ В СИНЬЦЗЯНЕ ДО 1930-х гг.

Целью статьи является изложение результатов исследования особенностей деятельности, осуществлявшейся русскими эмигрантами на территории Синьцзяна в XIX–XX вв. Основное внимание было уделено периоду, предшествовавшему революции, а также последующим двум десятилетиям. Актуальность работы обусловлена недостаточной изученностью быта русских эмигрантов и влияния, оказываемого ими на население Синьцзяна. Основными источниками информации по данной теме служат архивные материалы и работы, посвященные описанию жизни русской эмиграции. Работа основана на комплексном, междисциплинарном подходе к изучению прошлого.

До 1917 г. деятельность русских на территории Синьцзяна осуществлялась под защитой императорских консулов. До революции поток эмиграции был незначительным, но именно в это время была создана инфраструктура будущего русского анклава, что исключило необходимость создавать ее заново после событий 1917 г. Однако, даже несмотря на это, белоэмигранты сталкивались с большими трудностями, которые преимущественно заключались в безработице и сложностях в обустройстве быта. Кроме того, культурная среда, в которой они оказались, принадлежала к среднеазиатскому типу, что делало ее во многом отличной от привычной им. Вследствие этого фактора адаптация к новым условиям во многом зависела и от возможности отдельных семей, и от социальных установок. Однако день за днём русские эмигранты становились неотъемлемой частью социального ландшафта Синьцзяна.

Ключевые слова: русская эмиграция, белогвардейцы, Синьцзян, торговля, Кульджинский договор, культура, адаптация.

Цитирование статьи:

Лю Л. Социально-экономическая жизнь русской эмиграции в Синьцзяне до 1930-х гг. // Народы и религии Евразии. 2022. Т. 27, № 1. С. 119–130.
DOI: 10.14258/nreur(2022)1–08.

Lei Liu*Saint Petersburg State University, Saint Petersburg (Russia)*

RUSSIAN EMIGRATION'S SOCIAL AND ECONOMIC LIFE IN XINJIANG UNTIL THE 1930s.

The article aims to present the features of the activities carried out by Russian emigrants in Xinjiang in the 19th-20th centuries. The main focus was on the period leading up to the revolution and the next two decades. The relevance of the work is due to the preliminary study of Russian emigrants' life and their influence on the population in Xinjiang. The primary sources on this topic are archival materials and works devoted to describing the life of the Russian emigration. The work is based on an integrated, interdisciplinary approach to the study of the past.

Until 1917, Russian emigrants' activities were carried out under the protection of the imperial consuls. Before the revolution, the flow of emigration was insignificant. However, they created the infrastructure for the future Russian emigrants, which eliminated the need to create it anew after 1917. Despite this, the white emigrants faced great difficulties, mainly unemployment and difficulties in the arrangement of everyday life. In addition, the new cultural environment they lived in was different from what they were used to. As a result of this factor, adaptation to new conditions largely depended on the capabilities of individual families and social attitudes. Day after day, Russian emigrants became an integral part of the social landscape of Xinjiang.

Keywords: Russian emigration, White Guards, Xinjiang, trade, Treaty of Kulja, culture, adaptation.

For citation:

Liu L. Russian emigration's social and economic life in Xinjiang until the 1930s. Nations and religions of Eurasia. 2022. T. 27, № 1. P. 119–130. DOI: 10.14258/nreur(2022)1–08.

Лю Лэй, аспирант третьего курса кафедры исторического регионоведения Санкт-Петербургского государственного университета, Санкт-Петербург (Россия).

Адрес для контактов: liulej@yandex.ru

Liu Lei, a third-year postgraduate, department of historical regional studies, St. Petersburg State University, Saint-Petersburg, (Russia). **Contact address:** liulej@yandex.ru ORCID: 0000-0001-8837-1698

Введение

В конце XVIII в. социальная экономика Синьцзяна стабильно развивалась, привлекая большое количество людей из Центрального Китая. Это привело к увеличению численности населения, а также размеров городов и поселков, укреплению торговых связей. Социально-экономическое процветание заложило прочную экономическую основу для развития торговых отношений между Синьцзяном и соседними странами и регионами, в частности с Россией.

Общее социальное и экономическое положение русских эмигрантов сильно зависело от социальной политики, экономической ситуации, культуры, дипломатических отношений и других аспектов. Изучение социально-экономических особенностей их жизни позволяет осветить целый ряд малоизученных проблем, связанных с жизнью эмигрантов в Синьцзяне.

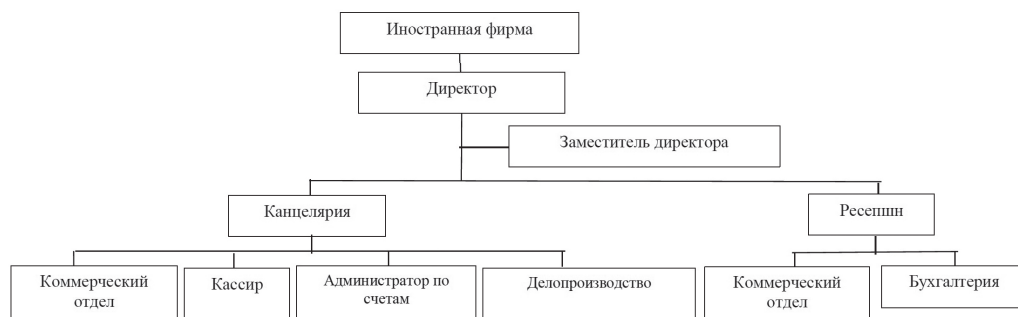
Результаты исследования

Изначально интерес русских эмигрантов к региону был преимущественно экономическим. В середине правления династии Цин в целях усиления контроля над пограничными районами и подавления иностранного сопротивления было введено строгое ограничение прямой торговли с Российской империей. Однако торговый обмен с казахстанцами считался законным, поэтому многие русские купцы представлялись таковыми из Центральной Азии, чтобы осуществлять контрабандную торговлю и собирать политическую и экономическую информацию для дальнейших действий.

Влияние царской России в регионе значительно усилилось после заключения Кульджинского договора в 1851 г. Купцы, имеющие российское гражданство, один за другим стали открывать магазины и иностранные фирмы на территории факторий. После завоевания Российской империей Центральной Азии местные купцы стали играть ключевую роль в процессе торговли. Таким образом, основателями магазинов и иностранных фирм чаще всего были узбеки, татары и, конечно, русские. В результате создания факторий деятельность русских торговцев изменила свой характер, так как они перешли с караванного типа торговли на оседлый.

Организация торговли на дальние расстояния на территории Синьцзяна потребовала особых условий. Для этого необходимо было создать исправно функционирующие перевалочные пункты, специализированные базары, стабильный режим денежных расчетов и защиту прав собственности купцов-чужеземцев. Появление и развитие иностранных фирм способствовало этому.

Все иностранные фирмы можно разделить на три группы: 1) фирмы с вывесками; 2) фирмы без вывесок; 3) иностранные банки, чья деятельность находилась под влиянием иностранных фирм, особое место среди которых занимал Русско-Китайский банк. Из фирм, принадлежащих к указанным категориям, мы рассмотрим только те, которые принадлежали русским.

Модель внутреннего управления иностранных фирм [Чжан ВаньЦай, 2013: 42]

Модель управления иностранными фирмами в ее первоначальном виде была архаичной, но впоследствии была адаптирована под местные условия и стала более эффективной.

Как правило, в канцелярии работали иностранные сотрудники, в чьи обязанности входила обработка запросов, приходивших из-за рубежа. На ресепшен часто нанимали местных жителей, которые отлично знали торговую конъюнктуру, а также имели многочисленные связи среди населения. Итак, каждый выполнял свою функцию, в результате чего иностранные фирмы бурно развивались.

Русские купцы с хорошим кредитом пользовались широкой популярностью в скотоводческих районах. С одной стороны, они обогатили продуктовый ряд, чем разнообразили повседневную жизнь скотоводов, а с другой — выступали в качестве источника информации о событиях, происходящих за пределами данной территории.

Несмотря на то, что деятельность русских эмигрантов объективно оказала положительное влияние на благосостояние местного населения, она негативно сказывалась на функционировании рынков. В микросфере степи торговля осуществлялась по принципу товарообмена, но торговля данного типа никогда не была умеренной, поэтому прибыль русских купцов была довольно значительной. Кроме того, в макросфере по Петербургскому договору 1881 г. русские купцы находились под экстерриториальной юрисдикцией и также получали экономическую выгоду от торговли.

В конце XIX — начале XX в. русские предприниматели начинали вкладывать капитал в экономику Синьцзяна. Ярким примером является открытие отделений Русско-Китайского банка в Чугучаке, Кашгаре, Кульдже. В разных регионах Синьцзяна были построены хлопкоочистительные, кожевенные, мыловаренные, свечные заводы. В тот период основные потребности населения удовлетворялись за счет товаров, привозимых из России.

Установление стабильных экономических отношений, а также учреждение императорских консульств стимулировало развитие географической грамотности. Следствием развертывания масштабной торговли был приезд многочисленных путешественников и специалистов, увлеченных богатой культурой Синьцзяна. Императорские консулы оказывали значительную поддержку востоковедческой науке, обеспечивали ученых и специалистов всей необходимой информацией, чтобы увеличивать уровень их осведомленно-

сти о Синьцзяне. Консул в Урумчи Н.Н. Кротков уделял много сил и внимания пополнению коллекций рукописей, предметов культа, искусства и быта народов Синьцзяна.

С 1891 г. длительная и прочная связь была установлена между консулом в Кашгаре Н. Ф. Петровским и Восточным отделением Императорского Русского археологического общества. За годы сотрудничества русская наука обогатилась ценными собраниями древностей и рукописей [Рагоза, 1972: 247]. В 1889 г. Академия наук организовала специальную археологическую экспедицию в Турфан. Можно сказать, что указанная экспедиция выполнила задачу исследования севера и востока Синьцзяна, тогда как находки Н. Ф. Петровского открыли очень многое об истории южной и западной частей региона.

Помимо этого, императорские консулы еще сотрудничали с русским комитетом по изучению Средней и Восточной Азии, обществом востоковедения, с отдельными учеными и путешественниками [Сизова, 2009: 123]. Причины активной организации экспедиций заключались в том, что развитие капитализма внутри России стимулировало научно-технический сдвиг, а прогресс естествознания возбуждал в первопроходцах дух авантюризма. К тому же у российского правительства росла потребность в экспансии. Деятельность указанных людей и организаций расширила границы знаний о Синьцзяне, в некоторой степени став предпосылкой для новых волн русской эмиграции после 1917 г. Но, с другой стороны, эта деятельность также осуществлялась с целью шпионажа.

Развитие экономики в Синьцзяне косвенно затронуло образовательную систему. Торговля помогала устанавливать тесные контакты между русскими купцами и местными жителями, так что передовые идеи первых влияли на взгляды автохтонов. Знание иностранного языка было одним из требований, предъявляемых к желающим устроиться в иностранную фирму. Социальное положение русскоговорящих было иным. Так, высшие чины Синьцзяна часто отправляли своих детей учить язык в Россию или Синьцзян [Тэн ЧуньХуа, Гао ЛиЦинь, 2003: 126].

К примеру, русский язык значился в расписании отдельных школ уже с конца XIX в. По нашему мнению, эта дисциплина была введена, чтобы китайцы могли общаться с русскими купцами, поскольку знание языка партнера способствовало установлению прочных деловых отношений.

Школьное расписание в конце XIX в. в Синьцзяне [Юе Ян, 2019: 37]

День недели	До полудня				После полудня
	1	2	3	4	
Суббота	филология	филология	музыка	арифметика	художественная самодетельность или физический труд
Воскресенье	естествознание	история	география	чтение и письмо	
Понедельник	история	арифметика	физическая культура	естествознание	
Вторник	чтение и письмо	география	здравоохранение	рисование	
Среда	арабский и персидский языки	литература	русский язык	история	
Четверг	идейно-нравственное воспитание				
Пятница	Отдых				

Далее с 1905 г. была проведена реформа в Дихуа (ныне Урумчи), в результате которой образовательная благотворительная организация Шуюань превратились в школу. В расписание были включены занятия по русскому, английскому, немецкому, французскому языкам, среди них русский язык был обязательным предметом для средней ступени средней школы и средней ступени старшей школы. В том же году в Чугучаке была создана бесплатная школа, в следующем году было основано еще одно заведение с шестью классами, где преподавали китайский, русский, монгольский, уйгурский и казахский языки. В целом, до революции преподавание русского языка на территории Синьцзяна происходило не только стихийно, но и организовано, на официальном уровне.

Тогда в Кульдже находилась хорошо оборудованная русская почтово-телеграфная контора, которая имела огромное значение для связи населения округа с прилегающими русскими областями — Семиреченской и Семипалатинской [АВП РФ. Ф. Референтура по Синьцзяну. Оп. 6. П. 105. Д. 8: 183]. В тот момент местные официальные почтовые станции были правительственными и не могли быть использованы физическими лицами. Русское почтово-телеграфное отделение удовлетворяло такой спрос. С одной стороны, оказание подобного рода услуг делало жизнь большей части местного населения проще, но с другой стороны, оно нарушало суверенные права государства на почтовые операции, что негативно сказывалось на размере налоговых поступлений. Поэтому под давлением иностранных сил в 1910 г. Цинское правительство начало создавать почтовые отделения по всему Синьцзяну. Следует отметить, что первоначально Цинское правительство воспользовалось иностранным опытом для развития почты Синьцзяна [Фэн Ваньци, 2015: 53–54].

После 1917 г. положение русской эмиграции стало иным по ряду причин. Поражения русских войск на фронтах Первой мировой войны с 1914 г. привели к падению политического престижа России в Синьцзяне; после Гражданской войны императорские консулы постепенно потеряли свои широкие полномочия, соответственно, русские эмигранты больше не могли получать особые льготы; отдалённость от других миграционных центров не давала возможности обратиться за помощью. После революции эмигранты были представлены в основном военными, следовательно, найти другую форму занятости для них было намного труднее, чем эмигрантам из купцов. Отношения между бывшими и новыми эмигрантами были настороженными, поскольку большинство бывших эмигрантов не хотели вмешиваться в дела новых из-за ситуации, сложившейся в отношениях между Советской Россией и правительством Синьцзяна. Таким образом, белогвардейцы и беженцы, которые только прибыли в Китай, были одиноки и беспомощны в своем положении.

Новая волна эмиграции была представлена остатками войск атаманов А. И. Дутова, Б. В. Анненкова, А. С. Бакича и других белогвардейцев, а также беженцев. Адаптация к новой жизни в первые месяцы проходила в тяжелейших условиях. Особенно следует учитывать физическое состояние солдат и гражданских лиц после сложнейшего перехода русско-китайской границы, а также их душевные переживания (психологическое, эмоциональное состояние).

В новых условиях налаживание быта стало первоочередной задачей. Необходимо подчеркнуть, что в первой половине 20-х гг. XX в. большинство эмигрантов надеялось

на возвращение на родину, поэтому они не акцентировали процесс адаптации к жизни в Синьцзяне.

Увеличение численности русских белоэмигрантов в Синьцзяне постоянно вызывало рост социальных проблем. Хотя эмигранты создали общий орган — Русский Шанхой — для оказания материальной и медицинской помощи, этого было недостаточно [Наземцева, 2014:143].

Примечательно, что с первого дня пребывания на китайской территории образ жизни каждого из отрядов белогвардейцев складывался по-своему. Основная причина заключается в том, что численность каждого отряда была разной, иными словами, количество рабочих рук варьировалось от отряда к отряду, что сильно повлияло на дальнейшую жизнь каждого из них. В этой связи отряд А. С. Бакича первоначально занимал более выгодное положение. Для налаживания быта в лагере было решено возводить балаганные постройки, которые со временем переросли в улицы. Постепенно жизнь в лагере стала возвращаться в нормальное русло. С первых дней обитатели лагеря были разделены на женатых и холостых, соответственно, те, у кого была семья, могли лучше устроиться. Более того, были созданы сапожные, портняжные мастерские, а также организована хлебопекарня.

Были построены бани; для эмоциональной разрядки появились музыкальные инструменты, заработал любительский театр, даже организовывались киносеансы. Также была организована библиотека, в ней можно было читать произведения А. С. Пушкина и других русских авторов. Но библиотека была доступна только для тех, кто соответствовал определенным требованиям. Наряду с этим, в штабе отряда также имелась возможность узнать новости из России из журнала «На чужбине» [Петякшина, 2015: 93].

Что касается А. И. Дутова, то, несмотря на финансовые трудности, которые испытывал отряд, он снял двухкомнатный дом, в небольшом дворе которого находилась еще однокомнатная сакля, где разместились два фельдшера атамана и его вестовые. Рядом располагался навес, под которым стояли две лошади А. И. Дутова [Ганин, 2006: 387]. Дутовцам было предложено разместиться в казармах русского консульства, но помещений было недостаточно для отряда, поскольку часть казарм была занята китайскими солдатами. В этой связи А. И. Дутов оставил в казармах лишь часть офицеров и казаков, а остальные были размещены в землянках. По его приказу были организованы мастерские для производства оружия и одежды [Наземцева, 2013: 37–38].

Экономическое положение и занятия русских эмигрантов существенно зависели от состояния и развития экономики самой провинции, а также политики советского государства. После ликвидации атаманов бывшие белогвардейцы были вынуждены искать возможности для заработка и размещения на частных квартирах. Их дальнейшая жизнь зависела только от них самих.

В середине 20-х гг. XX в. среди русских эмигрантов преобладали следующие профессии: колбасники, работники столярной мастерской, работники кишечного завода, часовые мастера, скотоводы, сторожа, учителя, фельдшеры и некоторые другие. Определенная часть эмигрантов также числилась на службе у китайцев. Бывший императорский консул А. А. Дьяков (Урумчи) стал советником дудзюня (устаревшее название во-

енных губернаторов в Китае начала XX в.); бывший драгоман (переводчик) С. В. Недачин, работавший в кульджинском консульстве, стал учителем сына дудзюна.

Обыватели по своему происхождению и настроениям, случайно, быть может, вовлеченные в белое движение и дорого заплатившие за это, русские эмигранты теперь вынуждены были выживать и были готовы примириться с любой властью, лишь бы их оставили в покое [АВП РФ. Ф. Референтура по Синьцзяну. Оп. 10. П. 124. Д. 23: 35].

Следует отметить, что иностранные фирмы в Синьцзяне также нанимали белогвардейцев в целях разведки, поскольку часть эмигрантов еще надеялась на свержение власти большевиков. К ним относились, например, американская фирма Бронееер и немецкая Фауст. Некоторые белоэмигранты даже занимали управляющие должности [Комиссарова, 2004: 82–83]. В свою очередь такая практика являлась одним из способов борьбы с усилением советского влияния в Синьцзяне. Учитывая исторический опыт, их действия нанесли ущерб Советскому Союзу, но он был незначительным.

После нормализации торговых отношений в Синьцзяне были организованы советские предприятия, а также советский банк. Некоторые крупные русские фирмы, созданные до 1917 г., также имели тесные торговые связи с Советским Союзом. Интересно отметить, что в некоторых советских организациях работали русские эмигранты, в том числе участвовавшие в белом движении. К концу 20-х гг. из-за политической обстановки в СССР и в самой провинции эти работники были заменены советскими гражданами, что стало новым потрясением для белоэмигрантов.

Скоро эмигранты второй волны встретились с новыми эмигрантами, прибывшими в Китай в 30-х гг. XX в. Это были люди, бежавшие от коллективизации. Материальное положение эмигрантов оставляло желать лучшего. В первые месяцы они стремились наняться к местному населению либо арендовать у них землю. Для поселения вновь прибывшие выбрали деревни, что позволяло им экономить денежные средства и одновременно заниматься скотоводством и земледелием. На огородах выращивали то же, что и в России: огурцы, помидоры, редиску, тыкву. В летнее время дети часто ходили за ягодами в лес. Сравнительно богатые семьи держали коров и лошадей. Непрерывное возделывание земли обеспечивало всю семью, а благодаря прибавочному продукту появилась и возможность торговать на местных рынках.

К тому времени вследствие переселения русских семей из городов (в том числе из Кульджи, Чугучака и Урумчи) в деревни численность русского населения постоянно увеличивалась, поскольку им было трудно жить в условиях города. В результате в сельской местности сложилась более развитая инфраструктура, чем в городах.

В целом белоэмигранты из русских и татар до 1938 г. частично занимались земледелием, частично торговлей, ведя дела даже с советскими торговыми организациями. Многие из белоэмигрантов, а также бывших белогвардейцев работали в качестве служащих и чернорабочих как на местных, так и на советских предприятиях. Однако с конца 1937 г. (в основном в 1938 г.) советские учреждения и предприятия в Синьцзяне прекратили отпуск товаров белоэмигрантским и белогвардейским торговым фирмам, а также очистили учреждения и предприятия от служащих и рабочих из белогвардейцев и белоэмигрантов [РГВА. Ф.25895. Оп.1. Д. 938: 8].

Кроме того, в Синьцзян прибывали спасавшиеся от депортации беженцы с Дальнего Востока. Материальное положение новых эмигрантов было не таким тяжелым, как у бывших эмигрантов первой и второй волн, потому что среди них были русские жены с китайскими мужьями.

Таким образом, основные волны эмиграции концентрировались на территории Синьцзяна. К концу 30-х гг. XX в. бытовые проблемы русских оставались серьёзными, хотя на тот момент способы их решения были найдены.

Одним из ключевых аспектов налаживания быта было обустройство школ, что осуществлялось при участии официальных сил провинции.

Особый интерес представляют следующие учебные заведения. В 1925 г. во дворе консульства Дихуа была организована русская школа в целях решения проблем образования у детей, родители которых работали в консульстве. Здесь также учились дети видных общественных деятелей, которые впоследствии достигли выдающихся успехов в своих областях.

В 1930 г. по инициативе нескольких известных элуосицзу была создана китайско-русская школа с поддержкой Илийского правительства. Среди учеников числились как русские, так и представители других национальностей.

В 1935 г. было создано Русское культурное общество. Под его руководством были открыты начальные и средние школы в Или и Чугучаке, а в Дихуа была создана средняя школа, которая в то время называлась Вторая Синьцзянская правительственная гимназия. В указанных школах были внедрены передовые концепции преподавания, гимназисты учились по учебным пособиям из СССР. Большинство преподавателей также приехали из Советского Союза, соответственно, преподавали на русском. Набор в указанные учебные заведения проводился среди детей из семей русских купцов или эмигрантов, среди которых были дети из богатых семей местных народов.

Кроме того, русские школы были организованы в поселках, где был сконцентрирован основной поток русских эмигрантов, в частности, в Суйдине, Калмакуре, Текесе, Нилки, Циншуйхэ, Дурбульджине, Юймине. По масштабам, конечно, эти школы были намного меньше, чем в Кульдже, Чугучаке и Дихуа, следовательно, учебная жизнь в них несколько различалась.

В 1936 г. в Дихуа был открыт международный книжный магазин, где продавали советские книги, журналы, газеты с разными иллюстрациями, афиши и альбомы по очень низкой цене. Эти материалы оказали значительное влияние на духовное развитие всех местных жителей разных национальностей, косвенно простимулировав их узнавать больше о Советском Союзе. Особую роль в этом процессе сыграл тот факт, что многие книги того времени, написанные на китайском языке, были без иллюстраций, к тому же уровень письменной грамотности среди местного населения был разным.

Отметим личности, чья деятельность повлияла на развитие культуры и сыграла важную роль в распространении западной живописи. По воспоминаниям Чун Чжи, художника, родившегося в 1904 г. в Кульдже, белоэмигрант Михаил Дьяченко, проживавший здесь в 1926 г., открыл магазин прикладного искусства. Михаил Дьяченко рисовал декорации для фотографий, вывески для магазинов, а также пейзажи, копировал мари-

ны И. К. Айвазовского. Его магазин позволил местному населению сформировать базовое представление о западной живописи, влияние которой только усилилось после открытия международного книжного дома.

Влияние русских эмигрантов не было ограничено областью культуры. В 1933 г. к власти в Синьцзяне пришел Шэнь Шицай, проводивший курс на сближение с СССР. В этих условиях советское правительство направило в Синьцзян сотню советников и специалистов и оказало значительную помощь в сферах экономики, в частности в аграрном и сельскохозяйственном секторах, транспорте и здравоохранении. Однако эта волна эмиграции имела свою специфику по сравнению с предыдущими, в связи с чем ее влияние следует рассматривать отдельно.

Заключение

Таким образом, сравнительный анализ влияния русских эмигрантов на развитие экономики Синьцзяна позволяет заключить, что их участие в местной социально-экономической жизни и защита императорских консульств помогли еще до революции сформировать в регионе единую экономическую систему. Безусловно, деятельность русских эмигрантов того времени наносила и ущерб гражданским правам местных жителей Синьцзяна. Однако одновременное внедрение новых идей способствовало дальнейшему развитию многих сфер экономики Синьцзяна. После революции, до получения помощи от советских специалистов, для быстрой адаптации к условиям жизни в Китае на пограничной территории эмигранты новой волны параллельно создали русский квартал, в пределах которого размещались жилые дома, школы, а также магазины. В этот период для большинства эмигрантов главной задачей было выживание. Повседневная жизнь на единой территории позволила эмигрантам показать местным жителям Синьцзяна русскую культуру с разных сторон. Однако влияние, которое они оказывали на жизнь местного населения, было специфичным для каждого русского населенного пункта. В целом рассмотренные события оказали положительное влияние на обустройство быта народов Синьцзяна.

Благодарности

Работа выполнена при финансовой поддержке CSC.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Архив внешней политики Российской Федерации. Ф. Референтура по Синьцзяну. Оп. 6. П. 105. Д. 8. Л. 183.

Архив внешней политики Российской Федерации. Ф. Референтура по Синьцзяну. Оп. 10. П. 124. Д. 23. Л. 35.

Ганин А. В. Атаман А. И. Дутов. М. : Центрполиграф, 2006. 688 с.

Комиссарова Е. Н. Белогвардейская эмиграция в Синьцзян в 1920–1935 гг. : дис. ... канд. ист. наук. Барнаул, 2004. 226 с.

Наземцева Е. Н. Русская эмиграция в Синьцзяне (1920–1930-е гг.). М. : Нобель Пресс, 2013. 278 с.

Наземцева Е. Н. Особенности правового положения русской эмиграции в китайской провинции Синьцзян (1920–1940-е гг.) // Петербургский исторический журнал. 2014. № 2. С. 137–152.

Петякшина Е. А. Повседневный быт солдат и офицеров интернированных частей белой армии в Синьцзяне (1920–1921 гг.) // Восточные исследования на Алтае. 2015. № 9. С. 91–95.

Рагоза А. Н. К истории сложения коллекции рукописей на среднеиранских языках из Восточного Туркестана, хранящихся в рукописном отделе ЛО ИВАН // Письменные памятники Востока. М. : Наука, 1972. С. 244–261.

Российский государственный военный архив. Ф. 25895. Оп. 1. Д. 938. Л. 8.

Сизова А. А. Социокультурная деятельность русских консульств в Западном Китае во второй половине XIX — начале XX вв. // Россия и Китай: исторический опыт взаимодействия и новые грани сотрудничества : материалы научно-практической конференции. Екатеринбург, 2009. С. 119–125.

滕春华, 高莉琴. 从社会语言学角度看俄语在新疆. 新疆大学学报. 2003. №.4. С. 125–129. [Тэн ЧуньХуа, Гао ЛиЦинь. Русский язык в Синьцзяне с точки зрения социолингвистики // Вестник Синьцзянского университета. 2003. №.4. С. 125–129].

冯琬琦. 帝俄驻新疆领事馆研究 (1851年-1917年). 兰州大学研究生学位论文. 兰州, 2015. 71 с. [Фэн Ваньци. Исследование российских консульств в Синьцзяне (1851–1917 гг.): магистерская работа. Ланьчжоу, 2015. 71 с.].

张万财. 晚清至民国时期新疆洋行研究. 新疆大学硕士研究生学位论文. 新疆, 2013. 105 с. [Чжан Ваньцай. Исследование иностранных фирм Синьцзяна в периоде поздней династии Цин и Китайской Республике: магистерская работа. Синьцзян, 2013. 105 с.].

岳杨. 西画在新疆地区的早期传播研究 (1851–1949). 西安美术学院博士研究生学位论文. 西安, 2019. 198 с. [Юе Ян. Распространение западной живописи в Синьцзяне, 1851–1949) : дис. ... канд. искусствоведения. Сиань, 2019. 198 с.].

REFERENCES

Arkhir vneshnei politiki Rossiiskoi Federatsii [Archive of the Foreign Policy of the Russian Federation]. Fund. Referentura po Sin'tszianu. Inventory. 6. Folder. 105. File. 8. fol. 183 (in Russian).

Arkhir vneshnei politiki Rossiiskoi Federatsii [Archive of the Foreign Policy of the Russian Federation]. Fund. Referentura po Sin'tszianu. Inventory. 10. Folder. 124. File. 23. fol. 35 (in Russian).

Ганин А. В. Атаман А. И. Дутов [Ataman A. I. Dutov]. Moskva: Tsentrpoligraf, 2006. 688 s. (in Russian).

Комиссарова Е. Н. *Belogvardeiskaia emigratsiia v Sin'tszian v 1920–1935 gg. Diss. kand. ist. nauk* [The White emigration in Xinjiang in 1920–1935. Ph. D. Thesis in history]. Barnaul, 2004. 226 s. (in Russian).

Nazemtseva E. N. *Russkaia emigratsiia v Sin'tsziane (1920–1930-e gg)* [Russian emigration in Xinjiang (1920–1930)]. Moskva : Nobel' Press, 2013. 278 s. (in Russian).

Nazemtseva E. N. Osobennosti pravovogo polozheniia russkoi emigratsii v kitaiskoi provintsii Sin'tszian (1920–1940-e gg.) [Features of the legal status of the Russian emigration

in Xinjiang (1920–1940)]. *Peterburgskii istoricheskii zhurnal* [Petersburg historical journal]. 2014, no. 2. S. 137–152 (in Russian).

Petiakhshina E. A. Povsednevnyi byt soldat i ofitserov internirovannykh chastei beloi armii v Sin'tsziane (1920–1921 gg.) [Soldiers and officers' daily life of the White emigration in Xinjiang (1920–1921)]. *Vostokovednye issledovaniia na Altae* [Oriental Studies of Altai]. 2015, no. 9. S. 91–95 (in Russian).

Ragoza A. N. K istorii slozheniia kollektssii rukopisei na sredneiranskikh iazykakh iz Vostochnogo Turkestana, khраниashchikhsia v rukopisnom otdele LO IVAN [The history of the collection of manuscripts in Central Iranian languages from East Turkestan, stored in the manuscript department of LO IVAN]. *Pis'mennye pamiatniki Vostoka* [Written Monuments of the East]. Moscow, 1972. S. 244–261 (in Russian).

Rossiiskii gosudarstvennyi voennyi arkhiv [Russian state military archive]. Fund. 25895. Inventory. 1. File. 938. fol. 8 (in Russian).

Sizova A. A. Sotsiokul'turnaia deiatel'nost' russkikh konsul'stv v Zapadnom Kitae vo vtoroi polovine XIX — nachale KhKh vv. [Socio-cultural activities of Russian consulates in Western China in the second half of the XIX — early XX centuries]. *Rossia i Kitai: istoricheskii opyt vzaimodeistviia i novye grani sotrudnichestva: materialy Nauchno-prakticheskoi konferentsii* [Russia and China: historical experience of interaction and new facets of cooperation: materials of the Scientific-Practical conference]. Ekaterinburg, 2009. S. 119–125 (in Russian).

Ten Chunhua, Gao liqin. Russian language from the point of view of sociolinguistics in Xinjiang. *Journal of Xinjiang University*. 2003. №.4. P. 125–129 (in Chinese).

Fen Wanqi. The Study of Russian consulates in Xinjiang (1851–1917). Lanzhou: Graduate dissertation. 2015. 71 p. (in Chinese).

Zhang Wancai. The study of Foreign Firms in Xinjiang during the Late Qing Dynasty and the Republic of China. XinJiang: Graduate dissertation. 2013. 105 p. (in Chinese).

Yue Yang. The Spread of Western Painting in Xinjiang 1851–1949). Xi'an: Doctoral Dissertation. 2019. 198 p. (in Chinese).

Статья поступила в редакцию: 23.12.2021.

Принята к публикации 20.02.2022

Дата публикации 25.03.2022

Раздел III

РЕЛИГИОВЕДЕНИЕ И ГОСУДАРСТВЕННО- КОНФЕССИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА

УДК: 930:2/801.73/2:172.3

DOI: 10.14258/nneur(2022)1–09

Г. М. МОЛОТОВА

Институт востоковедения им. Р. Б. Сулейменова, Алматы (Казахстан)

ОБРАЗ ПРЕДСТАВИТЕЛЯ РАННЕГО АСКЕТИЗМА В «КИССА-И ИБРАХИМ ИБН АДХАМ»

В статье рассматривается жизнедеятельность Ибрахима ибн Адхама, одного из представителей раннего суфизма. Сведения о второй половине его жизни вошли в «Тазкирату-л-авлийа» Фарид ад-дина 'Аттара Нишапури, «Наса'им ал-махаббат мин шама'им ал-футувват» Низам ад-дин «Али Шира Нава'и, «Кисса-и Ибрахим ибн Адхам». Выявлен перевод на уйгурский язык труда «Тазкирату-л-авлийа» в XVI в. В отличие от «Тазкира» в повествовании освещена и первая половина жизни Ибрахима ибн Адхама. Автором выбран более полный список рукописи «Кисса-и Ибрахим ибн Адхам». На основе данных из перечисленных источников раскрыт образ жизни Ибрахима ибн Адхама как представителя раннего аскетизма. В процесс исследования привлечены также литографические издания, осуществленные в конце XIX — начале XX в. Установлено, что Ибрахим ибн Адхам придерживался всех трех видов *зухд* (воздержания), которым следовали суфии. Он вел обособленный от общества образ жизни, целиком посвятив себя служению Создателю. Его жизнедеятельность стал примером для его последователей. Ибрахим ибн Адхам послужил прототипом для создания образа благочестивого суфия. В мусульманском мире он почитался как святой. Многочисленность версий и списков рукописи «Кисса» служит показателем его популярности.

Ключевые слова: суфизм, рукопись, агиографические сочинения, мусульманский мир, повествование, образ, версия, перевод.

Цитирование статьи:

Молотова Г. М. Образ представителя раннего аскетизма в «Кисса-и Ибрахим ибн Адхам» // Народы и религии Евразии. 2022. Т. 27, № 1. С. 131–140.

DOI: 10.14258/nneur(2022)1–09.

G. M. Molotova

Institute of Oriental Studies named after R. B. Suleimenov, Almaty (Kazakhstan)

THE IMAGE OF THE REPRESENTATIVE OF EARLY ASCETICISM ON “QISSA-I IBRAHIM IBN ADHAM”

The article examines the life activity of Ibrahim ibn Adham, one of the representatives of early Sufism. Data about the second half of his life was included in “Tadhkiratu-l-awliya” by Farid ad-din ‘Attar Nishapuri, “Nasa’im al-mahabbat min shama’im al-futuvvat” by Nizam ad-din “Ali Shir Nava’i, “Qissa-i Ibrahim ibn Adham”. A translation into the Uyghur language of the work of “Tadhkiratu-l-awliya” in the 16th century was revealed. In contrast with “Tadhkira”, the narrative also covers the first half of Ibrahim ibn Adham’s life. The author of this article chose a more complete list of the manuscript of “Qissa-i Ibrahim ibn Adham”. On the basis from these sources, reveal the lifestyle of Ibrahim ibn Adham as a representative of early asceticism. Lithographic publications carried out in the 19th — early 20th centuries were also involved in the study process. It was established that Ibrahim ibn Adham adhered to all three types of *zuhd* (abstinence), to which Sufis followed. He led an isolate lifestyle from society, devoting himself entirely to serving the Creator. His life became an example for his followers. Ibrahim ibn Adham served as a prototype for the creation of a pious Sufi. In the Muslim world, he was revered as a Saint. Narratives were created about him. The number of versions and lists of the manuscript of “Qissa” are an indicator of his popularity.

Keywords: Sufism, manuscript, hagiographic works, Muslim world, narrative, image, version, translation.

For citation:

Molotova G. M. The image of the representative of early asceticism on “Qissa-i ibrahim ibn Adham”. Nations and religions of Eurasia. 2022. T. 27, № 1. P. 131–140.

DOI: 10.14258/nreur(2022)1–09.

Молотова Гульбахрем Максимовна, кандидат филологических наук, доцент, заведующая отделом литературоведения и языкознания Центра уйгуроведения Института востоковедения Комитета науки Министерства образования и науки Республики Казахстан, Алматы, Казахстан. Адрес для контактов: gmolotova@mail.ru.

ORCID: 0000–0003–2182–2380.

Molotova Gulbakhrem Maksimovna, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Literary and Linguistics of the Center for Uyghur Studies of the Institute of Oriental Studies of the Committee of Science of the Ministry of Education and Science of the Republic of Kazakhstan, Almaty (Kazakhstan).

Contact address: gmolotova@mail.ru. ORCID: 0000–0003–2182–2380.

Введение

Образ жизни одного из представителей раннего суфизма — Ибрахима ибн Адхама (ум. в 160/777) послужил основой для создания повествований о святых — *шайхах*. Более полных биографических данных о нем нет. Известна лишь дата его смерти. В «Тазкирах» зафиксированы сведения о второй половине его жизни. Более ранним источником на фарси считается «Тазкирату-л-авлия» шайха Фарид ад-Дин 'Аттара Нишапури [Аттар, 1960]. В 11-й главе (*баб*) труда Фарид ад-дина 'Аттара повествуется об Ибрахиме ибн Адхаме. В тюркском мире в Средневековье стали популярны агиографические сочинения. Осуществлялись переводы с арабского и персидского языков на тюрки. Известен перевод на уйгурский язык, осуществленный Шах Дарвиш бин 'Али Шахом в 929/1522–23 г. Он озаглавлен «Таржума-йи Тазкират ал-авлия». Ныне хранится в коллекции шведского ученого Гуннара Ярринга. Краткое описание свидетельствует, что список, который мы изучали, является копией списка, хранящегося в рукописном фонде Британского музея. Перевод Шах Дарвиш бин 'Али Шаха состоит из 376 листов. Об Ибрахиме ибн Адхаме повествуется в 8-м *бабе*, озаглавленный «Зикр-и Ибраһим Эдһәм Рәһмәтулла эләйһ» (Воспоминания об Ибрахим Адхаме, да помилует его Бог!). Глава состоит из 18 листов [Шах Дарвиш, 1523].

Сведения о его жизнедеятельности вошли и в «Наса'им ал-махаббат мин шама'им ал-футувват» — «Веяние дружбы от благоухания благородства» Низам ад-дин «Али Шира Нава'и [Али Шир Нава'и, XV в.]. Труд является переводом с фарси на тюрки «Нафахат ал-унс мин хадарат ал-кудус» — «Дуновение близости от вершин святости» «Абд ар-Рахман Джамии, современника и наставника 'Али Ширы Нава'и. Специалистами перевод часто упоминается сокращенно «Наса'им ал-махабба». Он справедливо считается как самостоятельный труд, ибо 'Али Шир Нава'и включил в свой перевод жизнедеятельность 140 индийских и тюркских *шайхов*. Также добавил части, где повествуется об 'Абд ар-Рахмане Джамии и некоторых его *муридов* ['Али Шир Нава'и, Шифр D 97; 'Али Шир Нава'и, Шифр C 509].

Как уже нами было отмечено, полных сведений о жизнедеятельности Ибрахима ибн Адхама нет. Отдельные данные его биографии сохранились в арабоязычных письменных памятниках. Их использовали востоковеды А. Шиммель, А. Д. Кныш, И. Р. Насыров. Они датируют смерть Ибрахима ибн Адхама 160/777 г. [Кныш, 2006: 25; Насыров, 2012: 59]. Дата смерти Ибрахима ибн Адхама А. Шиммель указывает 790 годом [Шиммель, 2012: 50]. Их предшественниками в этом вопросе выступают В. В. Бартольд, Е. Э. Бертельс, Р. А. Джонс. В. В. Бартольд на основе изученных источников смерть святого датирует примерно «около 160 г. мусульманской эры (776–77 г.)» [Бартольд, 1963: 229]. Он отмечает, что Ибрахим ибн Адхам не возвращался в Балх в отличие от его преемника — Шакика Балхи. Деятельность Шакика Балхи В. В. Бартольд связывает непосредственно с Хорасаном и сопредельными с ним территориями. Кроме того, нас заинтересовали данные, приводимые В. В. Бартольдом о том, что последние годы жизни Ибрахим ибн Адхам прожил в пещере горы неподалеку от Нишапура. В «Кисса-и Ибрахим ибн Адхам» повествуется, что после смерти сына Султан Ибрахим уединился в пещере горы Кабис, где и умер.

Рассел Альберт Джонс написал диссертационную работу на основе малайской версии «Некаyat Sultan Ibrahim ibn Adham». На основе данных агиографических сочинений он выдвигает гипотезу о дате рождения Ибрахима ибн Адхама. Исследователь предположил, что Ибрахим ибн Адхам родился в 735 г. [Джонс, 1968: 343].

На основе данных арабоязычных и персоязычных источников специалисты выдвигали и другие варианты датировки рождения и смерти Ибрахима ибн Адхама. Так, например, Е. Э. Бертельс, как и В. В. Бартольд, смерть Ибрахима ибн Адхама датирует приблизительно 160–166/776–783 гг. [Бертельс, 1965: 59]. В отличие от него А. К. Аликберов указал примерную дату рождения и смерти — около 100/718 — около 165/782 [Аликберов, 2018: 24].

Как видно, специалисты использовали сведения из разных источников. Однако среди населения широкого ареала, исповедующего ислам, бытовали устные повествования, которые послужили основой для создания «Кисса» (повествование) народными сказителями.

Современники Ибрахима ибн Адхама

В трудах востоковедов указываются имена более выдающихся мистиков VIII в. Современниками Ибрахима ибн Адхама были ал-Хасан ал-Басри (21–110/642–728), Ибн ал-Мубарак (умер в 181/797 г.). ал-Хасан ал-Басри отличался способностью доступно и ярко произносить проповеди. Его искренность и бескомпромиссность в выполнении религиозного долга стали примером для его многочисленных последователей [Кныш, 2006: 16]. Ибн ал-Мубарак проповедовал жить в обществе и поддерживать единоверцев. Так, он сам занимался торговлей, доход свой использовал для поддержки окружающих. Собирал хадисы, чтобы они служили наставлением современникам [Кныш, 2006: 31]. Призывал бороться с такими пороками, как алчность, зависть, гнев, высокомерие и развивать в себе смирение, терпение, упование на Бога и гостеприимство [Кныш, 2006: 32]. Суфиями-наставниками, поэтами особо подчеркивается руководство разумом. Поскольку поддавшись гневу и страсти, человек может совершить грех. Призывы Ибн ал-Мубарака связаны именно с заботой о чистоте помыслов и деяний. В деятельности ‘Убайд Аллаха б. Махмуд Насир ад-дина аш-Шаши (1404–1490), более известного как Хваджа Ахрар, прослеживается преемственность в идее служения единоверцам, которого придерживался Ибн ал-Мубарак. Согласно сведениям письменных источников, сам Хваджа Ахрар обладал огромным богатством, которое служило его основной цели жизни. Низам ад-дин ‘Али Шир Нава’и, получивший посвящение от Хваджи Ахрара и ‘Абд ар-Рахман Джами, свое состояние тратил на меценатство. Был период, когда ‘Али Шир Нава’и хотел оставить службу во дворце. Его отговорил Хваджа Ахрар. Согласно традиции *тариката*, «уединившись в обществе» — «*хилват дар ва-тан*» можно было «продолжать Путь», с другой стороны, непосредственный контакт с властями был желателен, чтобы выполнить одну из главных задач *тариката* — «защищать *шари‘ат* от дворцовых султанов» [Эркинов, 2006: 298].

В отличие от своих современников образ жизни Ибрахим ибн Адхама характеризовался отрешенностью от благ бренного мира. Он практиковал уединение. Однако ему тоже присуща благотворительная деятельность: будучи правителем, помогал ну-

ждающимся, став суфием, также помогал вдовам, сиротам и *дарвишам*. В «Тазкирах», «Кисса» описывают жизнь в развалине, его стремление зарабатывать честным трудом. И. Р. Насыров пишет, что «*отрешенность Ибрахима ибн Адхама находила свое выражение в буквальном следовании религиозному требованию употреблять только «разрешенное» (халал)*» [Насыров, 2012: 59]. Одним из последователей Ибрахим ибн Адхама, как свидетельствуют данные агиографических сочинений, сборников рассказов, был Фудайл б. 'Ийад (ум. в 188/803). В большинстве рассказов Фудайл б. 'Ийад предстает как разбойник, ставший на путь Истины. А. Д. Кныш характеризует образ его жизни «*как эталон самоотрешения*» [Кныш, 2006: 30]. В этом выражается его стремление использовать для существования доход, полученный дозволенным путем, и воздержание от денег, заработанных нечестным и сомнительным путем. Руководства в деятельности Баха' ад-дина Накшбанда близки к принципам жизни Фудайла б. 'Ийада. Они заключались в духовной чистоте, отказе от стяжательств, добровольной бедности, отрицании контактов с властями и «*жизни-синобиум в обители*» [Акимускин, 2006: 300]. Таким образом, принципы жизни представителей раннего аскетизма послужили примером для подражания для суфиев более поздних эпох, о чем свидетельствуют различия в требованиях к себе Ибрахима ибн Адхама, Фудайла б. 'Ийада и Баха' ад-дина Накшбанда — одна линия, другая — жизненные позиции Ибн ал-Мубарака и Хваджи Ахра-ра, 'Али Ши-ра Нава'и.

Аннемари Шиммель приводит высказывание выдающегося суфия — Джунайда, который назвал Ибрахима ибн Адхама «*ключом к мистическим наукам*». Его жизнь, проведенная в истинной нищете, воздержании и уповании на Бога, послужил примером для суфиев последующих эпох. Ибрахиму ибн Адхаму приписывают первую классификацию стадий *зухд* (аскетизма): 1) отречение от мира; 2) отречение от чувства счастья, вызванного достижением отречения; 3) стадия, когда аскет считает мир настолько малозначимым, что даже не смотрит на него. По мнению А. Шиммель, «*трехчастные схемы вошли в обиход только после IX века*» [Шиммель, 2012: 50]. Известность Ибрахима ибн Адхама была настолько огромна, что суфии последующих эпох все пере-довые идеи, касающиеся аскетизма, приписывали ему как эталону для подражания.

Версии «Кисса-и Ибрахим ибн Адхам»

Популярность образа жизни представителя раннего аскетизма Ибрахима ибн Адхама среди народов Центральной Азии способствовала созданию повествований, стимулом для развития этого процесса служило существовавшее в мусульманском мире поверье о благодати такой деятельности. Личности, которым присущ поэтический талант, писали свои произведения. Так появились поэтические и прозаические повествования. Ибрахим ибн Адхам воспринимался представителем того народа, где появлялся труд о нем. Во время сбора материала по теме исследования выяснилось, что существуют многочисленные версии «Кисса-и Ибрахим ибн Адхам». Для сравнительного анализа привлечены доступные нам три версии: уйгурская, казахская и турецкая.

Литографические издания, осуществленные в начале XX в. в Ташкенте и Казани, выступают показателем популярности жизнедеятельности суфия. В редком фонде двух крупных библиотек Алматы хранятся и литографические издания агиографических

сочинений, два текста из них являются вариантами казахской версии. Один вариант принадлежит перу Тилеке Тилемесулы, второй — муллы Акылбека бин Сабала. В казахской версии повествование построено поэтическими строками, для них характерна лапидарность. Некоторые мотивы не нашли дальнейшего развития. Так, например, Тилеке Тилемесулы повествует, что правитель построил для принцессы, красивой, словно райские гурии, замок из жемчуга. Однако мотив, использованный *акыном* (поэт), не нашел логического завершения.

Вариант муллы Акылбека бин Сабала тоже кратко повествует историю Ибрахима ибн Адхама. Во вступлении к сборнику *акын* пишет о существовании ногайской версии, написанной прозой. Он изложил эту версию поэзией. Таким образом, со слов самого муллы Акылбека бин Сабала видно, что основным источником ему послужила ногайская версия. Несколько списков рукописи «Ибрахим Едхем» — турецкой версии — хранятся в рукописных фондах Бурсы, Стамбула (в музее Топкапы-сарайы). Критический текст нескольких списков рукописи «Ибрахим Едхем» был издан Нурджан Ознал Гудер [Nurcan, 2011]. Турецкая версия краткая. В основном повествование ведется о жизни Ибрахима Едхема после его отречения от трона, т. е. для автора турецкой версии главным была передача образа жизни представителя раннего суфизма.

Литографическое издание уйгурской версии достаточно большого объема — 151 страница, издана в Ташкенте [Китаб-и, 1904]. Повествование построено чередованием прозы и поэзии. Композиционное строение литографического издания близко к народным *дастанам* (поэмы). Такого же характера ташкентский список рукописи «Кисса-и Ибрахим ибн Адхам» [Кисса-и, инв. № 4035/1]. Нами был изучен более полный список источника. Следует отметить, литографическое издание и текст рукописи более близки по содержанию. В зачине повествуется приезд Адхама в Балх, история его любви и женитьба на принцессе Малике Хубан, рождение Ибрахима. В этой части освещены биографические данные Ибрахима ибн Адхама. Для создания яркой картины событий сказителем уместно использованы мотивы, больше характерные для сказок.

Образ Ибрахима ибн Адхама

Скудные биографические данные о жизнедеятельности представителя раннего аскетизма Ибрахима ибн Адхама послужили основой для создания сочинений о нем. Как отмечено нами выше, краткие сведения о нем, присущие ему *караматы*, зафиксированы в агиографических сочинениях. Историческая личность послужила прототипом для создания образа основного героя «Кисса-и Ибрахим ибн Адхам». В нем делается акцент на его набожности: ночами бодрствовал, проводя время за молитвой. Не забывал о благотворительном акте. Согласно исследуемому тексту Ибрахим становится правителем в четырнадцатилетнем возрасте, поскольку Малик-шах не имел сына, была единственная дочь — мать Ибрахима. В «Кисса» кратко сообщается о его справедливом правлении. С этой части повествования к его имени добавляется титул «*султан*» — *султан Ибрахим*.

Среди качеств Ибрахима сказитель указывает его милосердие. Так, султан Ибрахим поддерживает старых и немощных, сирот. Посредством эпизода, демонстрирующим *караматы* святых, сказитель уточняет масштаб его благотворительной акции: «*Ибрахим*

күндә төрт йүз дәстүрхан не'мәт хәлайиққа берәр ерди. Аларниң тәрк қилиб мениң йолумға дахил болдилар» — «Ибрахим в день делал пожертвование четыре сто сорок *дастарханов*, полных разными явствами. Он отрекся от них, встал на мой путь» [Кисса-и, л. 50⁶]. Здесь введен эпизод, повествующий об общении святых с голосом из *гайба* (сокровенное пространство, подразумевающее верхний уровень, местонахождение Создателя). Согласно мировоззрению суфиев, голос из *гайба* слышен только тем, кто достиг степени совершенства.

При создании образа аскета в «Кисса» подчеркивается, что султан Ибрахим отрекся от трона, выбрал добровольную нищету. Полный отказ от благ этого мира выражается через отречение от семьи. Согласно изучаемому тексту, после его отъезда рождается сын. Сцена встречи отца с сыном завершается выражением его верности к выбранным пути. Так, из *гайба* доносится голос: «*Әй Ибраһим оглуң бирла болуб мени унуттуңму емди оглуңдин кәчкил вә мәндин кәчкил*» — «Эй Ибрахим, побыв с сыном, забыл обо мне, теперь откажись от сына или от меня откажись» [Кисса-и, л. 71⁶]. Сказитель подчеркивает, что султан Ибрахим не знал о рождении сына. В «Таржума-йи Тазкират ал-авлийа'» Ибрахим сам узнает сына. Здесь, в отличие от предыдущего текста, Ибрахим ушел в Мекку, когда сыну было восемь месяцев отроду. В «Таржума-йи» повествуется о двух встречах отца с сыном: первая встреча происходит в Мекке, вторая — вблизи Балха: Ибрахим устанавливает шатер вблизи Балха, куда супруга приводит сына. Сын умирает в объятиях отца. Это обстоятельство объясняется составителем жизнеописания Ибрахим ибн Адхама тем, что тот, кто выбрал путь *дарвиша*, не должен уделять внимания детям и супруге, так как для *дарвиша* нет привязанностей к семье. Став на этот путь, человек отрекается от всех мирских радостей. Все его мысли должны быть обращены к Аллаху. Эти мысли передаются как объяснение Ибрахима своим последователям.

В «Кисса» делается акцент на образе жизни Ибрахима — он редко ел. Это качество святого-шайха отмечается и в трудах востоковедов. Так, А.Д. Кныш с своей монографии приводит предание, согласно которому Ибрахим ибн Адхам ел глину или песок, когда не находил «чистую» еду [Кныш, 2004: 26]. Султан Ибрахим придерживался всех трех видов *зухд* (воздержания), о которых идет речь в труде И.Р. Насырова «Основания исламского мистицизма (генезис и эволюция)»: 1) *зухд фард* — воздержания от запрещенного. Этот вид является обязательным *зухдом*; 2) *зухд фазл* — самоограничение в потреблении дозволенного «*халал*»; 3) *зухд фи аш-шубухат* — воздержание от сомнительного [Насыров, 2012: 59].

Заключение

В заключении хотелось бы отметить, что Ибрахим ибн Адхам посредством суровых лишений снискал известность еще при жизни. Он не только отрекся от трона, соответственно, от материальных благ земной жизни, также отказался от общества родных. Строго служил Аллаху. Согласно изученной рукописи сочинения Ибрахим ибн Адхам выбрал добровольную нищету, всецело концентрируясь на молитве и *зикре*. Именно такой образ жизни Ибрахима ибн Адхама стала основой для повествования. Краткое описание его жизнедеятельности вошли в агиографические сочинения, составлен-

ные еще в Средневековье. Известность суфия Ибрахима ибн Адхама в мусульманском мире создала благоприятную почву для творчества сказителей. Созданы версии «Кисса», повествующие о жизнедеятельности Ибрахима ибн Адхама у тюркоязычных и ираноязычных народов Центральной Азии.

Благодарность

Работа выполнена в рамках проекта грантового финансирования КН МОН РК «Кисса-и Ибрахим ибн Адхам» — источник по духовной культуре народов Центральной Азии» (грант № AP 09561475).

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Акимушкин О. Ф. Накшбанд // Ислам на территории бывшей Российской империи: энциклопедический словарь / сост. и отв. ред. С. М. Прозоров. М. : Восточная литература, 2006. С. 299–301.

Аликберов А. К. Ибрахим б. Адхам: образ «святого правителя» в исламской традиции // История, археология и этнография Кавказа. Т. 14. 2018. № 2. С. 23–32.

Бартольд В. В. Сочинения. Т. 2, ч. 1. Общие работы по истории Средней Азии. М. : Восточная литература, 1963. 1020 с.

Бертельс Е. Э. Избранные труды. Т. 3: Суфизм и суфийская поэзия. М. : Наука, 1965. 524 с.

Каримов Э. Э. Ахрар // Ислам на территории бывшей Российской империи: энциклопедический словарь / сост. и отв. ред. С. М. Прозоров. М. : Восточная литература, 2006. С. 43–45.

Кисса-и Ибрахим ибн Адхам. Рукопись Института востоковедения им. Абу Райхана Беруни АН РУз. Инв. № 4035/I. 84 л.

Китаб-и қисса-и Ибраҳим ибн ʻАдҳам Раҳматулла элэйһ қисса-и вәфати Ибраҳим бин Һазрәт. Ташкәнт, 1904. 151 б.

Кныш А. Д. Мусульманский мистицизм: краткая история. СПб. : ДИЛЯ, 2004. 464 с.

Насыров И. Р. Основания исламского мистицизма (генезис и эволюция). М. : Языки славянских культур, 2012. 552 с.

Низам ад-дин 'Али Шир Нава'и. Наса'им ал-махабба мин шама'им ал-футувва. Рукопись Института восточных рукописей РАН. Шифр D 97. 116 л.

Низам ад-дин 'Али Шир Нава'и. Наса'им ал-махабба мин шама'им ал-футувва. Рукопись Института восточных рукописей РАН. Шифр C 509. 412 л.

Nurcan Öznal Güder. Ibrahim Edhem destanı. Konya : Eğitim akademî, 2011. 112 s.

Russel Albert Jones. Saint Ibrahim ibn Adham. Thesis submitted for the Degree of Doctor of Philosophy of the University of London. London, 1968. P. 343.

Хисматулин А. А. ал-'Илм ал-ладуни // Ислам на территории бывшей Российской империи: энциклопедический словарь / сост. и отв. ред. С. М. Прозоров. М. : Восточная литература, 2006. С. 156–157.

Шах Дарвиш бин 'Али Шах. Tarjima-i Tadhkirat al-awliya'. Рукопись Британского музея. № BM 54/3.

Талиф Шайх Фарид ад-дин 'Аттар Нишапури. Тазкирату-л-авлия». Тегеран, 1379 / 1959–1969. 986 с.

Шиммель Аннемари. Мир исламского мистицизма / пер. Н. И. Пригариной. М. : Садра, 2012. 536 с.

Эркинов А. С., Бабаджанов Б. М. Нава'и // Ислам на территории бывшей Российской империи: энциклопедический словарь / сост. и отв. ред. С. М. Прозоров. М. : Восточная литература, 2006. С. 298–299.

REFERENCES

Akimushkin O. F. Naqshband. *Islam in the territories of the Former Russian Empire: Encyclopaedic Lexicon* / Ed. by Stanislav M. Prozorov. M. : Vostochnaya Literatura, 2006. S. 299–301 (in Russian).

Alikberov A. K. Ibrahkhim b. Adkham: obraz “svyatogo pravatelya” v islamskoy traditsii [Ibrahim b. Adham: image “rule” in Islam tradition]. *Istoriya, arkheologiya i etnografiya Kavkaza*. Vol. 14. No. 2. 2018. S. 23–32 (in Russian).

Barthold V. V. *Sochineniya. Obshnie raboty po istorii Sredney Azii* [General work on the history of Central Asia]. M. : Eastern Literature Publishing House, 1963. 1020 p. (in Russian).

Bertels E. E. *Izbrannye trudy. Sufizm i sufiyskaya poeziya* [Selected of the works. Sufism and Sufi poetry]. Vol. 3. M. : Nauka, 1965. 524 p. (in Russian).

Karimov E. E. Akhrar [Akhrar]. *Islam in the territories of the Former Russian Empire: Encyclopaedic Lexicon* / Ed. by Stanislav M. Prozorov. Vol. 1. M. : Vostochnaya Literatura, 2006. S. 43–45 (in Russian).

Qissa-i Ibrahim ibn Adham. Manuscript of the Institute of Oriental Studies named after Abu Raykhan Beruni AS RUz. Inv. No. 4035/I. 84 fols.

Kitab-i qissä-i Ibrahim bin Ädäm Rähmätulla äläyh qissä-i väfati Ibrahim bin Häzrät. Taškänt, 1904. 151 p. (in Uyghur).

Knysh A. D. *Musul'manskii mistitsizm* [Muslim mysticism]. SPb. : DILYA, 2006. 464 s. (in Russian).

Nasyrov I. R. *Osnovaniia islamskogo mistitsizma (genesis i evolyutsiia)* [Foundations of Islamic mysticism (genesis and evolution)]. M. : Yazyki slavyanskikh kul'tur, 2012. 552 s. (in Russian).

Nizam ad-din 'Ali Shir Nava'i. Nasa'im al-mahabba min shama'im al-futuvva. Rukopis' Instituta vostochnykh rukopisei RAN [Manuscript of the Institute of Oriental Manuscripts RAS]. Inv. No D 97. 116 fols.

Nizam ad-din 'Ali Shir Nava'i. Nasa'im al-mahabba min shama'im al-futuvva. Rukopis' Instituta vostochnykh rukopisei RAN [Manuscript of the Institute of Oriental Manuscripts RAS]. Inv. No. D 509. 412 fols.

Nurcan Öznal Güder. *Ibrahim Edhem destanı*. Konya, 2011. 212 p. (in Turkish).

Shah Darvish bin 'Ali Shah. Tarjima-yi Tadhkirat al-awliya'. Rukopis' Britanskogo muzeya [Manuscript of British Museum]. No. BM 54/3.

Talif Shakh Farid ad-din Attar Nishapuri. Tazkiratul awliya'. Tegeran, 1379/1959–1969. 986 p. (in Farsi).

Khismatulin, A. A. al-‘Ilm al-laduni. *Islam in the territories of the Former Russian Empire: Encyclopaedic Lexicon* / Ed. by Stanislav M. Prozorov. M. : Vostochnaya Literatura, 2006. S. 156–157 (in Russian).

Schimmel Annemari. *Mir islamskogo mistitsizma* [Mystical dimensions of Islam] / Perevod N. I. Prigarinoy. M. : Sadra, 2012. 536 s. (in Russian).

Erkinov A. S., Babadzhanov B. M. Nawa'i. *Islam in the territories of the Former Russian Empire: Encyclopaedic Lexicon* / Ed. by Stanislav M. Prozorov. M. : Vostochnaya Literatura, 2006. S. 298–299 (in Russian).

Статья поступила в редакцию: 20.10.2021

Принята к публикации 27.12.2021

Дата публикации 25.03.2022

УДК 281.9

DOI: 10.14258/nreur(2022)1–10

И. В. Куприянова*Алтайский государственный институт культуры, Барнаул (Россия)*

ДРЕВЛЕПРАВОСЛАВИЕ В ИМПЕРСКОМ ДИСКУРСЕ РОССИЙСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ

Аннотация. В статье дается сравнительный анализ интеграционных возможностей обеих ветвей русского православия: как древней русской национальной версии, так и универсальной версии, сформировавшейся в ходе церковной реформы патриарха Никона и царя Алексея Михайловича. Актуальность темы обусловлена наличием исторических параллелей между современностью и реалиями XVII в. В частности, проблема реинтеграции той или иной части постсоветского пространства во многом связана с реализацией имперских амбиций Московской Руси. В данном аспекте огромное значение приобретает идеологическая основа этого процесса. На современном этапе, как и в историческом прошлом, эту роль может выполнить православие как базовый компонент русской цивилизации.

Исторический опыт показывает, что для реализации интеграционных устремлений одинаково важно предлагать проекты, привлекательные для всех сторон, вовлеченных в этот процесс, оставляя место для их культурной самобытности, в какой бы форме она ни появлялась, при одновременном обеспечении развития надэтнических скрепляющих основ. В этой ситуации можно использовать опыт русского народа в создании имперского пространства, центральной движущей силой которого было продвижение православного христианства в его различных версиях для адаптации разнородных идентичностей, значений и идеологий. Если всеобщее православие сыграло свою интегрирующую роль на западных рубежах Российской империи по отношению к братским восточнославянским христианизированным народам (что в значительной степени оправдывает как саму церковную реформу, так и издержки, понесенные в ходе нее), то его древняя русская национальная версия показала свою скрытую имперскую сущность на восточных территориях, объединяя вокруг себя этнические группы с более сакрализированным сознанием. В этом процессе ключевым ассимилятивным свойством старообрядцев явилась архаичная природа их религиозности, которая приближает ее к дохристианскому мировоззрению.

Ключевые слова: старообрядчество, ассимилятивный потенциал старообрядчества, универсальное православие, национализм православия, интеграция евразийского пространства, русификация, имперское культурное ядро.

Цитирование статьи:

Куприянова И. В. Древлеправославие в имперском дискурсе российской государственности // Народы и религии Евразии. 2022. Т. 27, № 1. С. 141–152.

DOI: 10.14258/nreur(2022)1–10.

I. V. Kuprianova

Altai state Institute of culture, Barnaul (Russia)

ANCIENT ORTHODOXY IN THE IMPERIAL DISCOURSE OF THE RUSSIAN STATEHOOD

Abstract. The article gives a comparative analysis of the integration capabilities of both branches of Russian Orthodoxy: both its ancient Russian national version and the universal version formed during the church reform of Patriarch Nikon and Tsar Alexei Mikhailovich. The relevance of the topic is due to the presence of historical parallels between modernity and the realities of the XVII century. In particular, the problem of reintegration of one or another part of the post-Soviet space is largely correlated with the implementation of the imperial ambitions of Moscow Russia. In this aspect, the ideological basis of this process is of great importance. At the present stage, as in the historical past, Orthodoxy can play this role as a fundamental component of Russian civilization.

Historical experience shows that for the implementation of integration aspirations it is equally important to be able to offer projects that are attractive to all parties involved in this process, leaving room for their cultural identity, in whatever form it appears, while ensuring the development of strong spiritual supra-ethnic, binding began. In this situation, it is possible to use the experience of the Russian people in creating an imperial space, the central driving force of which was the promotion of Orthodox Christianity in its various versions, in order to adapt heterogeneous identities, meanings and ideologies. If universal Orthodoxy visibly played its integrating role on the western frontiers of the Russian Empire, in relation to fraternal East Slavic Christianized peoples, then its ancient Russian national version showed its hidden imperial essence in the eastern territories, uniting ethnic groups around themselves with a more sacral consciousness. In this process, the key assimilative property of the Old Believers was the archaic nature of their religiosity, which brings it closer to a pre-Christian worldview.

Keywords: Old Believers, assimilative potential of the Old Believers, universal Orthodoxy, nationalism of Orthodoxy, integration of the Eurasian space, russification, integration, imperial cultural core.

For citation:

Kuprianova I. V. Ancient orthodoxy in the imperial discourse of the russian statehood.

Nations and religions of Eurasia. 2022. T. 27, № 1. P. 141–152.

DOI: 10.14258/nreur(2022)1–10.

Куприянова Ирина Васильевна, профессор кафедры музеологии и туризма, доктор исторических наук, доцент, Алтайский государственный институт культуры, Барнаул (Россия). **Адрес для контактов:** irinak-63@mail.ru

Kuprianova Irina Vasilievna, Associate Professor of the department of museology and tourism, Doctor of Historical Sciences (PhD), Altai state Institute of culture, Barnaul (Russia). **Contact address:** irinak-63@mail.ru. ORCID: 0000–0002–7686–242X

Универсальное православие как фундамент имперской идеологии

Новые интеграционные процессы, на пороге которых стоит Россия, ставят перед ней определенные вызовы: не только политические, но и концептуально-идеологические и мировоззренческие, исторические параллели которых уходят в XVII в., когда русское национальное государство — Московская Русь, готовилось вступить на более высокий — имперский уровень своего развития. Следуя этим историческим параллелям, можно видеть, что в настоящий момент, как и в историческом прошлом, при отсутствии (или неоформленности) идеологической компоненты интеграционного процесса почти единственным связующим звеном для русских во всех их территориальных ответвлениях является православная вера и соответствующий ей тип мировоззрения, присущий, в том числе, людям, находящимся вне религии (неслучайно православную церковь в настоящий момент столь жестко атакуют дезинтегрирующие, деструктивные силы как внутри России, так и за ее пределами).

Основной тезис, объединяющий эти разновременные ситуации, состоит в том, что и тогда, и сейчас роль имперского культурного ядра отводится русскому народу, а русской культуре, вместе с ее базовой религиозной первоосновой, предназначено стать «духовными скрепами» — фундаментом имперской идеологии. Опыт XVII в. показывает, что для этой функции ее необходимо вначале подвергнуть существенной трансформации, сделав менее национально-выраженной и самобытной, и более универсальной, и пластичной, а значит, более притягательной для других народов, как и сейчас, опасавшихся культурного поглощения русским суперэтносом и ожидавших от России привлекательных для себя интеграционных проектов.

Эту миссию и выполнила реформа русской церкви, задуманная и проведенная не одним патриархом Никоном, но, по мнению ряда исследователей, прежде всего царем Алексеем Михайловичем, поскольку уже в дораскольный период «главенство в церкви во всех отношениях фактически принадлежало царю, а не патриарху» [Никольский, 1989: 118]. После отстранения Никона от патриаршества царь, по-видимому, имел возможность скорректировать реформу, приняв какие-то компромиссные решения, но не сделал этого, напротив, всячески постарался закрепить ее результаты, в первую очередь предельно жестким подавлением очагов сопротивления. Ярким примером такого подавления стал разгром правительственными войсками Соловецкого монастыря, не принявшего книги никоновского исправления. При преемниках Алексея Михайловича законодательные меры против «раскольников» были еще более ужесточены. Все это указывает на светский, государственный характер истинных причин изменения древнего церковного устава.

Практика показала правоту церковного и политического руководства России XVII в., осуществившего и закрепившего религиозные преобразования. Поставленные ими задачи были выполнены во многом средствами церковной реформы и обеспеченных ею последующих культурных трансформаций, в том отношении, что они максимально смягчили процессы интеграции не только для западных и южных русских, но также и народов Остзейского края, балтийских немцев и других христианских невеликорусских народов. Украинизированные выходцами из Киево-Могилянской академии религиозное мировоззрение, культура и язык; церковь, потерявшая свою самобытность, взамен приобретшая некую вселенскую универсальность вместе с налетом латинства и протестантизма; европеизированная интеллектуальная, духовная, управленческая элита — все это обеспечило западным соседним народам сравнительно безболезненное вхождение в российское имперское пространство [Зеньковский, 2009: 633–634].

В то время как в основу этого вхождения было положено реформированное православие, его древний вариант, носителями которого оставались почти исключительно великороссы — наследники культуры Московской Руси, оказался совершенно невостребованным, в том числе народами, ближайшими им по происхождению и культуре. Показательно, что среди старообрядцев не оказалось представителей этнографических групп западных и южных русских, несмотря на то, что в их среде, на их территориях возникли значительные старообрядческие общности: например, уже в XVII в. центры «древлего благочестия» сложились в Стародубье, Черниговщине, Житомирщине; крупнейшим из них стала знаменитая Ветка Польская на реке Сож. Но при этом образующие их многочисленные слободы, посады и монастыри были заселены «одними великороссийскими людьми», а само их возникновение стало результатом обширной великорусской колонизации Белоруссии и северной Малороссии, «усилившей здесь коренную русскую основу населения» [Лилеев, 1895: 180]. Это доказывает, что на западе, в среде христианских народов, русское национальное православие не было привлекательным даже для близкородственных восточнославянских субэтносов, которые не обменяли бы на него собственный, исторически сложившийся вариант православия: по крайней мере, не сделали бы этого на добровольной основе.

Широкое распространение старообрядчество получило также в Прибалтике, где в ряде значительных городов, таких как Даугавпилс, Лиепая, Резекне и другие, сформировались общины поморцев; причем Вильнюсская и особенно Рижская Гребенщиковская общины стали центрами поморского согласия, крупнейшими в Российской империи, сохраняя свое значение как в советский, так и в новейший период. Необходимо отметить, что все они стали результатом эмиграции староверов-беспоповцев в Великое княжество Литовское во второй половине XVII–XVIII вв. при самом незначительном участии местного населения [Поташенко, 2006: 142–143, 271].

Аналогичная ситуация сложилась в странах Восточной Европы — Польше, Румынии, Болгарии, где русскими эмигрантами были сформированы значительные старообрядческие этнокультурные группы [Snarski, 2008; Штайнке, 1992]; крупнейшей из них стали липоване Буковины [Хренчук, 2008]. Данные общности весь период своего существования оставались и остаются самобытными вкраплениями русских в местную этнокультурную среду.

Что касается протестантских и католических народов Западной Европы, отдельные представители которых в XVIII–XIX вв. эмигрировали в Россию, поступали здесь на службу и принимали российское подданство, а вместе с ним и православие, то, конечно, речь могла идти только о его синодальном, реформированном варианте. Можно согласиться с известным публицистом и богословом Н. П. Гиляровым-Платоновым в том, что «ни француз, ни немец не обратится в старообрядство» [Гиляров-Платонов, 1899: 215]. Эмигранты из западноевропейских стран, вместе с невеликорусской и русской европеизированной аристократией, наполняли правящую имперскую военную, придворную, чиновничью элиту, которая была чрезвычайно далека от понимания и смыслов древнего православия. Этим засильем иностранного элемента в дворянской среде можно отчасти объяснить нетерпимое отношение власти к «расколу» и равнодушие к его бесправному положению.

Таким образом, можно констатировать, что в отношении западных христианских и христианско-православных народов церковная реформа XVII в. выполнила свое предназначение.

Национализм и вселенскость русского древлеправославия

Церковная реформа XVII в. вызвала к жизни последствия, катастрофические для идентичности и культуры великороссов. Носители идеологии древлеправославия оказались не просто не востребованы в государственных и культурно-идеологических стратегиях развития Российской империи, но по сути маргинализированы в собственной стране, будучи загнаны в глубокое «духовное подполье» [Зеньковский, 2009: 636]. Значительная масса их была выдвинута на периферию государства и далее за рубеж. В течение двух столетий доступными им сферами деятельности оставались экономика и колонизация окраин, в которых они сделали поразительные успехи, но вместе с тем оказались рассеянными по огромным пространствам, растратив в противостоянии государству и «господствующей» церкви массу энергии и сил.

Возникает вопрос: насколько оправданными были все эти жертвы? Действительно ли русское национальное православие было столь негибким и специфичным, не годившимся на роль скрепляющей наднациональной идеологии?

Основное обвинение, которое выдвигается старообрядчеству специалистами богословами-расколоведами — его замкнутость в узконациональных границах, этноневеликорусская специфичность и отход от вселенского православия: «национализация веры и церкви на Руси» как следствие крушения Византии и «потемнения вселенской церковной идеи», и далее — упрямое следование «русской религиозно-националистической исключительности» [Громогласов, 1898: 19, 37]. Об этом же говорит известный юрист М. А. Рейснер: «Раскол отрицает русское народное значение за официально признанной государственной верой и, смешивая сам религию и народность, является соперником господствующей веры именно в качестве национального истинно-русского, древнего благочестия» [Рейснер, 1900: 46].

Еще более отчетливо национальная доминанта выражена в культуре и политических предпочтениях старообрядчества: по мнению Н. П. Гилярова-Платонова, русский

раскол «неразрывнее прикреплен к национальности» и мало связывает себя с русской государственностью [Гиляров-Платонов, 1899: 215].

В самом деле, и этого не отрицали сами старообрядцы, свою идентичность они строили исключительно на национальном принципе, почти целиком замкнувшись «в рамках русской национальности» [Кириллов, 1914: 98]. Эта базовая позиция была унаследована ими от идеологии Московской Руси, когда русская национальность отождествлялась не столько с этничностью, сколько с вероисповедной принадлежностью. Считая православие русской национальной религией, старообрядцы последовательно воспроизводили соответствующий ей культурно-исторический тип, с его «кристаллизацией древнерусских начал» [Гакстгаузен, 1870: 234]. На страницах старообрядческих журналов, издававшихся в 1900–1910-х гг., они продвигали русский национализм в качестве своей религиозно-идеологической платформы, строя на нем собственную идентичность, трактуя старообрядчество как «наиболее полное и яркое выражение русской народности, сохраняющее все отличительные черты, не искаженные сторонним, чуждым влиянием» [Кириллов, 1914: 132]. В период революции и Гражданской войны старообрядцы противопоставляли русский национализм «новому неожиданному врагу» — всеобъемлющему большевистскому интернационализму [Шалаев, 1919: 2].

Тем не менее, несмотря на свои преимущественно национальные религиозно-культурные и политические предпочтения, старообрядчество не принимало обвинений в уходе от христианско-православной вселенскости, полагая, что эти два, казалось бы, разнонаправленных мировоззренческих вектора не могут быть противопоставлены, а, напротив, воспринимая их в некоем диалектическом единстве. Как это было сформулировано Ф. Е. Мельниковым — одним из крупнейших идеологов старообрядчества, оно представляет собой «чистое вселенское православие, но вправленное в русскую самобытность». Его вселенскость основывается тем обстоятельством, что оно следует из начальному христианскому уставу, «имеющему исконное происхождение в Церкви», бывшему в употреблении «не в русской только церкви в течение всего времени ее существования, но и в восточной и в западной». Таким образом, сохраняя древние обряды, старообрядцы тем самым стояли «за Церковь всех прошлых времен, защищая святость и чистоту вселенского православия» [Диспут о старообрядчестве, 1914: 413].

Великорусская этничность как имперский потенциал древлеправославия

Если на западе, в среде европейских христианизированных народов, интеграционные задачи успешно выполняла идеология реформированного универсального православия, в то время как национальное русское православие оказалось практически невостребованным, то на северо-востоке и востоке страны, где великороссы встретились с этничностью и культурой финно-угорских и тюркских народов, сложилась несколько иная ситуация.

Древлеправославие — «старая вера», не имевшая представительства в высших кругах российского общества, оставалась религией так называемого серого люда — трудовых сословий: купечества, ремесленников, крестьян, казаков, горнорабочих-«бергалов» Алтая: в доиндустриальный период именно в этих низовых сословных группах сохранялись элементы русской культуры, имевшие этическую окраску. Именно внутри этих

групп осуществлялась трансляция старообрядческого вероисповедания нерусским народам, не знавшим ранее православия или знакомым с его «господствующей» ветвью, но сознательно выбиравшим его более древний вариант.

Так, например, древлеправославие принимали некоторые финно-угорские народы Европейского Севера и Северо-Запада: тихвинские карелы; различные этнографические группы коми — пермяки, локальные подгруппы зырян — печорцы, верхневычегодцы, удорцы, часть самых северных — ижемцев, включая кольских коми. Еще Н. П. Гиляров-Платонов отмечал, что «попадают в последнее время Татары, преходящие из магометанства в Федосеевство» [Гиляров-Платонов, 1899; 215]. Кроме того, старообрядцами становились представители коренных народов Сибири; на Алтае старообрядчество как веру и, что почти одно и то же, как культуру, воспринимали алтайцы-шаманисты, представители переселенческой мордвы. Вовлечение иноэтнических групп в древлеправославие, обычно в его беспоповской версии — поморского, федосеевского, страннического, в Сибири — стариковщинского согласий, происходило в зонах межэтнических контактов и, как правило, являлось следствием хозяйственно-культурного влияния старообрядчества на эти народы, при самом минимальном специализированном миссионерском воздействии с его стороны.

В нерусской этнокультурной среде старообрядчество принимало порой весьма своеобразный облик: с одной стороны, здесь присутствовало строгое следование догме, основанное на тщательном изучении богослужебной литературы; восприняты были базовые элементы старообрядческой религиозной культуры, в частности, система запретов как основной компонент оппозиции «свой-чужой» — важного инструмента сохранения конфессиональной идентичности. Вместе с тем следование старообрядческой религиозной традиции у этих этносов органично уживалось с явными пережитками архаичных культов, обожествляющих силы природы, что, в частности, зафиксировано в современных этнографических исследованиях. Так, например, исследователь тихвинских карел О. М. Фишман отмечает у них множество легитимированных древлеправославием элементов духовной культуры, связанных с дохристианской сакрализацией лесного пространства, таких как наличие священных рощ, в которых строились вначале святилища, а затем и православные часовни; обычаи предсмертной исповеди дереву в отсутствие священника; использование сосны в поминальной обрядности и др. В недавнем прошлом здесь практиковался обычай крещения, и особенно переkreщения, в открытой, «живой» воде [Фишман, 2003: 133–135].

Самобытные местные варианты обряда крещения в открытой воде отмечены также у этнографической группы печорских коми-зырян, у которых крещаемого спускали на полотенцах с мостков или с лодки в купель, устроенную в виде загородки из кольев, укрепленных в дне реки и обтянутых сетями — деталь, в которой прочитываются архаичные представления о «чистоте воды» [Чувьуров, 2005: 3–34].

Феномен финно-угорских старообрядцев во многом объясняется объективными историческими причинами: тем, что они оказались в сфере влияния беспоповского старообрядчества, оплотом которого надолго сделался колонизируемый им, совместно с этими народами, Европейский Север — прежде всего земли Великого Новгорода. Вместе с тем нельзя не видеть, что древлеправославие оказалось им значи-

тельно ближе по ментальности и культуре, чем реформированное православное вероисповедание.

Схожая ситуация сложилась в Сибири, где христианизация коренных народов посредством специально созданных для этой цели миссий «господствующей» церкви проходила довольно сложно. Будучи жестко привязана к текущим государственным, в XVIII в. — преимущественно военно-политическим интересам, требующим укрепления южных рубежей Западной Сибири, она поначалу проходила без учета культурной специфики этих народов и опиралась на методы принуждения.

Так, например, образованная в 1828 г. Алтайская духовная миссия положила в основу стратегии христианизации «поэтапную смену конфессиональной идентичности» [Артюзов, 2007: 245], которая неизбежно влекла за собой замещение этничности — продвижение в сторону русского языка, быта, форм жизнедеятельности. Основной упор при этом делался на трансформацию мировоззрения. Таким образом, параллельно с христианизацией проводилась русификация как ее обязательная подоснова, что вызывало порой упорное сопротивление сибирских народов [Асочакова, 2015: 25–26]. Как следствие, качество христианизации коренных сибирских этносов выглядит достаточно условным. Не случайно сибирский этнограф и социолог Н. М. Ядринцев упрекал сотрудников Алтайской духовной миссии за то, что они не могут донести до алтайцев суть христианского мировоззрения. В частности, он утверждал, что результаты их деятельности совершенно несоизмеримы с затраченными усилиями: что миссионерами за 50 лет самоотверженной работы было крещено всего каких-то 5000 человек — в среднем по 100 человек в год, да и тех в большинстве нельзя назвать христианами в полном смысле слова [Ядринцев, 1891: 108].

Можно отметить, что, в отличие от «господствующей» церкви, с большей или меньшей нетерпимостью относившейся к проявлениям этнической самобытности обращаемых в христианство народов, особенно в части древних языческих культов, старообрядчество оставляло для них довольно широкое пространство. Причина этого видится в том, что в нем самом зримо присутствовали пережитки дохристианской культуры, образующие феномен так называемого народного православия, следы которого «прочитываются» в культуре дораскольной Руси, причем элементы архаики по ряду причин оставались особенно живучими у старообрядцев Сибири.

Таким образом, вовлечение нерусских народов, исповедующих различные языческие культы, в орбиту древлеправославной религиозной культуры не сопровождалось столь жесткой этнической ассимиляцией и русификацией. Напротив, актуализация старообрядцами древнеславянской языческой традиции, характерная для замкнутых социумов, находящихся в процессе колонизации сложных климатических зон, послужила им в качестве интегрирующего культурного компонента, посредством которого христианство транслировалось ими в среду иноэтнического населения. Как следствие, старообрядческая колонизация Европейского Севера и Сибири значительно продвинула православие в его древнем варианте на обширные окраины страны и даже за ее пределы; всюду, где бы ни оказались его носители, они «по-братски уживались с соседями — людьми чужого племени, чуждой и даже враждебной России национальности» [Диспут о старообрядчестве, 1914: 414], не только органично вовлекая их в орби-

ту православной культуры, но и закрепляя, вместе с территорией, в границах Российского государства.

Заключение

Итак, можно констатировать, что реформа русской церкви, действительно, способствовала политической консолидации Малой и Белой Руси в составе России, став культурно-идеологическим базисом этого процесса. Успех его во многом был обеспечен за счет катастрофических потерь в сфере великорусской культурной самобытности и идентичности, которые оказались предельно ущемлены и потеснены, чтобы в едином общегосударственном пространстве Российской империи дать место религиозно-культурной самобытности южных и западных русских. При всех издержках этот путь оказался (или казался правящим кругам России XVII–XIX вв.) более приемлемым, чем принудительное навязывание этим народам национальной великорусской религии и культуры.

На других направлениях, в особенности на востоке России, где проблема интеграции нерусских народов не стояла столь остро, поскольку могла быть растянута во времени и решена другими средствами, в том числе методами принудительной христианизации и русификации, при допущении ее условного, поверхностного характера, — в качестве интегрирующего культурного ядра более действенным оказывался исконно русский вариант «древнего» благочестия. Невольно, часто сами того не осознавая, старообрядцы на обширных окраинах страны следовали общему для великороссов предназначению, эффективно выполняя функцию объединяющего и сплачивающего имперского субстрата. Авторитарная идеология универсального христианства явно уступала здесь русскому национальному религиозному мировоззрению, более сложному по своей структуре, поскольку в нем объединялись и актуализировались элементы разновременных культурных слоев. Такое мировоззрение позволяло синтезировать бесконечное множество вариантов локальных интерпретаций православия, не противоречивших ничьей этнической самобытности и идентичности, а сосуществующих с ними за счет терпимого отношения как к своим, так и чужим пережиткам язычества.

Несмотря на свое маргинальное положение в имперском идеологическом дискурсе, старообрядческое мировоззрение, наряду с реформированным, универсализированным православием, по существу выполняло одни и те же общие задачи расширения пространства христианско-православной культуры, вовлечения в нее обширных областей Северной Евразии и проживавшего на них автохтонного населения Севера и Востока России. В этом проявился важный, хотя и неявный, интеграционный ресурс древнего русского православия. Все вышесказанное позволяет заключить, что православное христианство при рассмотрении его в качестве идеологической базы интеграционных процессов может реализовываться в обеих своих культурно-исторических версиях, при условии использования уроков прошлого для объединения усилий и сотрудничества на основе конвергенции обеих мировоззренческих систем.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Артюзов Д. В. Христианизация шорцев и северных алтайцев: церковно-государственная стратегия и этнокультурная реальность // Вестник Санкт-Петербургского университета. 2007. Сер. 1. Вып. 2. С. 240–246.

Асочакова В. Н. Социально-политические аспекты христианизации коренных народов Сибири // Вестник Хакасского гос. ун-та им. Н. Ф. Катанова. Серия: История и археология. Абакан, 2015. С. 24–26.

Гакстгаузен А. Исследование внутренних отношений народной жизни и в особенности сельских учреждений России. М., 1870. 490 с.

Гиляров-Платонов Н. П. Логика раскола. Письма И. С. Аксакову // Н. П. Гиляров-Платонов : сборник сочинений : в 2 т. М., 1899. Т. 2. С. 193–235.

Громогласов И. М. Русский раскол и вселенское православие: публичная лекция. Сергиев Посад, 1898. 44 с.

Диспут о старообрядчестве // Церковь. 1914. № 17. С. 412–414.

Зеньковский С. А. Раскол и судьбы империи // Русское старообрядчество : в 2 т. / сост. Г. М. Прохоров ; общ. ред. В. В. Нехотина. М., 2009. Т. 2. С. 627–639.

Кириллов И. А. Национализм старообрядчества // Слово Церкви. 1914. № 4. С. 98–100; № 5. С. 129–132.

Лилеев М. И. Из истории раскола на Ветке и Стародубье. XVII–XVIII вв. Киев, 1895. Вып. 1. 614 с.

Никольский Н. М. История русской церкви / науч. ред. Н. С. Гордиенко. 3-е изд. М., 1983. 448 с.

Поташенко Г. В. Староверие в Литве. Вторая половина XVII — начало XIX в. Исследования, документы и материалы. Вильнюс, 2006. 544 с.

Рейснер М. А. Мораль, право и религия по действующему русскому закону. (Юрико-догматические очерки). Очерк II: Веротерпимость и национальный принцип по действующему праву // Вестник Права. Журнал Юридического общества при Императорском Санкт-Петербургском университете. 1900. № 4 и 5. С. 1–49.

Фишман О. М. Жизнь по вере: тихвинские карелы-старообрядцы. М., 2003. 408 с.

Хренчук Д. Община русских липован в Буковине: этническое и религиозное тождество // Старообрядцы в зарубежье. История. Религия. Культура. Торунь: Instytutu Filologii Słowiańskiej UMK, 2008. С. 27–29.

Чувьуров А. А. Таинство крещения коми старообрядцев-беспоповцев // Старообрядчество: история, культура, современность. М. : Музей истории и культуры старообрядчества, 2005. № 9. С. 30–37.

Шалаев [Мельников Ф. Е.]. Церковная жизнь и революция // Сибирский старообрядец. 1919. № 6. С. 2–4.

Штайнке К. Старообрядцы в Болгарии // Традиционная духовная и материальная культура русских старообрядческих поселений в странах Европы, Азии и Америки : сб. науч. тр. / отв. ред. Н. Н. Покровский, Р. Моррис. Новосибирск : Наука, 1992. С. 253–257.

Ядринцев Н. М. Сибирские инородцы, их быт и современное положение: этнографические и статистические исследования с приложением статистических таблиц, СПб., 1891. 308 с.

Snarski K. The Russian Old believer community in the civil records of the Suvalki region. 1849–1886 // Старообрядцы в зарубежье. История. Религия. Культура. Торунь : Instytutu Filologii Słowiańskiej UMK, 2008. С. 75–77.

REFERENCES

Artyuzov D. V. Hristianizaciya shorcev i severnyh altajcev: cerkovno-gosudarstvennaya strategiya i etnokul'turnaya real'nost' [Christianization of the Shors and Northern Altaians: Church-state Strategy and Ethno-cultural Reality]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta* [Bulletin of St. Petersburg University]. 2007. Ser. 1. Vyp. 2. S. 240–246 (in Russian).

Asochakova V. N. Social'no-politicheskie aspekty hristianizacii korennyh narodov Sibiri [Socio-political aspects of the Christianization of the indigenous peoples of Siberia]. *Vestnik HGU im. N. F. Katanova* [Bulletin of the N. F. Katanov KSU]. 2015. Istoriya i arheologiya. S. 24–26 (in Russian).

Gakstgauzen A. *Issledovanie vnutrennih otnoshenij narodnoj zhizni i v osobennosti sel'skih uchrezhdenij Rossii* [A study of the internal relations of people's life and especially rural institutions in Russia]. M., 1870. 490 s. (in Russian).

Gilyarov-Platonov N. P. *Logika raskola. Pis'ma I. S. Aksakovu*. N. P. [The logic of the schism. Letters to I. S. Aksakov]. Gilyarov-Platonov. *Sbornik sochinenij* [Collection of essays]. V dvuh tomah. M., 1899. T. 2. S. 193–235 (in Russian).

Gromoglasov I. M. *Russkij raskol i vselenskoe pravoslavie. Publichnaya lekcija* [The Russian schism and Ecumenical Orthodoxy. Public lecture]. Sergiev Posad, 1898. 44 s. (in Russian).

Disput o staroobryadchestve [The dispute about the Old Believers]. *Cerkov'* [Church]. 1914. № 17. S. 412–414 (in Russian).

Zen'kovskij S. A. Raskol i sud'by imperii [The schism and the fate of the Empire]. *Russkoe staroobryadchestvo* [Russian Old Believers]. V dvuh tomah. sost. G. M. Prohorov. obshch. red. V. V. Nekhotina. M., 2009. T. 2. S. 627–639 (in Russian).

Kirillov I. A. Nacionalizm staroobryadchestva [Nationalism of the Old Believers]. *Slovo Cerkvi* [The Word of the Church. 1914. № 4. S. 98–100; № 5. S. 129–132 (in Russian).

Lileev M. I. *Iz istorii raskola na Vetke i Starodub'e. XVII–XVIII vv.* [From the history of the split on the Vetka and Starodubye. XVII–XVIII centuries]. Kiev, 1895. Vyp. 1. 614 s. (in Russian).

Nikol'skij N. M. *Istoriya russkoj cerkvi* [History of the Russian Church]. nauch. red. N. S. Gordienko. 3-e izd. M., 1983. 448 s. (in Russian).

Potashenko G. V. *Staroverie v Litve. Vtoraya polovina XVII — nachalo XIX v. Issledovaniya, dokumenty i materialy* [Old Believers in Lithuania. The second half of the XVII — the beginning of the XIX century. Research, documents and materials]. Vil'nyus, 2006. 544 s. (in Russian).

Rejsner M. A. Moral', pravo i religiya po dejstvuyushchemu russkomu zakonu. (Yuridiko-dogmaticheskie ocherki). Oчерk II: Veroterpimost' i nacional'nyj princip po dejstvuyushchemu pravu [Morality, law and religion according to the current Russian law. (Legal and dogmatic essays). Essay II: Religious tolerance and the national principle under the current law]. *Vestnik Prava. Zhurnal Yuridicheskogo obshchestva pri Imperatorskom S. Peterburgskom universitete*

[Bulletin of the Law. Journal of the Law Society under the Imperial S. St. Petersburg University]. 1900. № 4 i 5, S. 1–49 (in Russian).

Fishman O. M. *ZHizn' po vere: tihvinskie karely-staroobryadcy* [Life by faith: Tikhvin Karelians-Old Believers]. M., 2003. 408 s. (in Russian).

Hrenchuk D. *Obshchina russkikh lipovan v Bukovine: etnicheskoe i religioznoe tozhdestvo. Staroobryadcy v zarubezh'e. Istoriya. Religiya. Kul'tura* [The community of Russian Lipovans in Bukovina: ethnic and religious identity]. Torun', 2008. S. 27–29 (in Russian).

Chuv'yurov A. A. *Tainstvo kreshcheniya komi staroobryadcev-bespopovtsev* [The sacrament of the baptism of Komi Old Believers-bespopovtsev]. *Staroobryadchestvo: istoriya, kul'tura, sovremennost'* [Old Believers: history, culture, modernity]. M., 2005. № 9. S. 30–37 (in Russian).

SHalaev [Mel'nikov F. E.]. *Cerkovnaya zhizn' i revolyuciya* [Church life and Revolution]. *Sibirskij staroobryadec* [Siberian Old Believer]. 1919. № 6. S. 2–4 (in Russian).

SHTajnke K. *Staroobryadcy v Bolgarii* [Old Believers in Bulgaria]. *Tradicionnaya duhovnaya i material'naya kul'tura russkikh staroobryadcheskikh poselenij v stranah Evropy, Azii i Ameriki* [Traditional spiritual and material culture of Russian Old Believer settlements in Europe, Asia and America]. Sb. nauch. tr. otv. red. N. N. Pokrovskij, R. Morris. Novosibirsk, 1992. S. 253–257 (in Russian).

Yadrincev N. M. *Sibirskie inorodcy, ih byt i sovremennoe polozhenie: etnograficheskie i statisticheskie issledovaniya s prilozheniem stati-sticheskikh tablic*. Sankt-Peterburg [Siberian aliens, their way of life and current situation: ethnographic and statistical studies with the application of statistical tables], 1891. 308 s. (in Russian).

Snarski K. *The Russian Old believer community in the civil records of the Suvalki region. 1849–1886. Staroobryadcy v zarubezh'e. Istoriya. Religiya. Kul'tura* [Old Believers abroad. History. Religion. Culture]. Torun', 2008. S. 75–77 (in Russian).

Статья поступила в редакцию: 10.07.2021

Принята к публикации 15.11.2021

Дата публикации 25.03.2022

УДК 947.084:2 (571.6) (054) «199»

DOI: 10.14258/nreur(2022)1–11

С. М. Дударенок

*Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН,
Владивосток (Россия)*

ПРАВОСЛАВНАЯ ПРЕССА НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ РОССИИ НА РУБЕЖЕ 1990–2000-х гг.

Аннотация. Целью данной статьи является анализ места и роли православной прессы в медиaproстранстве Российского Дальнего Востока в 1990-е — начале 2000-х гг. Религиозная журналистика, активно развивавшаяся с начала 1990-х гг. и имеющая два основных направления — светское и конфессиональное, — сыграла значительную роль в возрождении православной религиозной жизни на Дальнем Востоке России, в пропаганде религиозных ценностей и становлении церковных институтов. Хронологические рамки работы охватывают 1990-е — начало 2000-х гг. Основными источниками исследования выступают существовавшие на территории Российского Дальнего Востока в 1990-е — начале 2000-х гг. православные периодические издания и полевой дневник автора, составленный на основе бесед со священнослужителями и журналистами, пишущими на религиозные темы. Работа основывается на комплексном, системно-историческом подходе к изучению прошлого. Методика исследования опирается на сравнительно-исторический метод и метод научного описания.

Российский Дальний Восток за годы советской власти стал самым секулярным регионом на всей территории СССР. Возрождение православной религиозной традиции на Российском Дальнем Востоке в 1990-е гг. вызвало к жизни не только рост религиозных общин и верующих, но и создание собственных конфессиональных СМИ, в первую очередь газет и журналов. Отличительной особенностью дальневосточных православных газет являлся их апологетический и миссионерский характер: утверждение своего религиозного вероучения и критика его оппонентов (апологетика), выполнение задачи привлечения новых верующих или дополнительного религиозного просвещения тех, кто уже является сторонником данной конфессии (миссионерство).

Основной задачей дальневосточной епархиальной православной периодики в 1990-е — начале 2000-х гг. являлась ликвидация «православной безграмотности» — православное просвещение и формирование христианского мировоззрения. Целевая аудитория таких изданий была рассчитана на «православных неопитов», которым нужны были «подсказки» для построения собственной «идеальной православной жизни».

Ключевые слова: Дальний Восток России, средства массовой информации, религиозные организации, дальневосточные епархии, верующие, религиозная журналистика, конфессиональная пресса, епархиальные газеты.

Цитирование статьи:

Дударенок С. М. Православная пресса на Дальнем Востоке России на рубеже 1990–2000-х гг. // Народы и религии Евразии. 2022. Т. 27, № 1. С. 153–172.

DOI: 10.14258/nreur(2022)1–11.

S. M. Dudarenok

Institute of History, Archaeology and Ethnology of the Peoples of the Far East, FEB RAS, Vladivostok (Russia)

ORTHODOX PRESS IN THE RUSSIAN FAR EAST AT THE TURN OF THE 1990–2000s

The purpose of this article is to analyze the place and role of the Orthodox press in the media space of the Russian Far East in the 1990s — early 2000s. Religious journalism, which has been actively developing since the early 1990s and has two main directions — secular and confessional — played a significant role in the revival of Orthodox religious life in the Russian Far East, in the promotion of religious values and the formation of church institutions. The chronological framework of the work covers the 1990 — early 2000s. The main sources of research are the Orthodox periodicals and the author's field diary, which existed on the territory of the Russian Far East in the 1990s — early 2000s, compiled on the basis of conversations with clergy and journalists writing on religious topics. The work is based on a comprehensive, systemic-historical approach to the study of the past. The research methodology is based on the comparative-historical method and the method of scientific description.

During the years of Soviet rule, the Russian Far East became the most secular region in the entire territory of the USSR. The revival of the Orthodox religious tradition in the Russian Far East in the 1990s brought to life not only the growth of religious communities and believers, but also the creation of their own confessional media, primarily newspapers and magazines. A distinctive feature of the Far Eastern Orthodox newspapers was their apologetic and missionary nature: the assertion of their religious doctrine and criticism of its opponents (apologetics), the task of attracting new believers or additional religious education of those who are already supporters of this denomination (missionary).

The main task of the Far Eastern diocesan Orthodox periodicals in the 1990s and early 2000s was the elimination of “Orthodox illiteracy” — Orthodox education and the formation of a Christian worldview. The target audience of such publications was designed for “Orthodox neophytes” who needed “tips” to build their own “ideal Orthodox life”.

Keywords: Russian Far East, mass media, religious organizations, Far Eastern dioceses, believers, religious journalism, confessional press, diocesan newspapers

For citation:

Dudarenok S. M. Orthodox press in the russian far east at the turn of the 1990s — 2000s. Nations and religions of Eurasia. 2022. T. 27, № 1. P. 153–172. DOI: 10.14258/nreur(2022)1–11.

Дударенок Светлана Михайловна, доктор исторических наук, кандидат философских наук, профессор, ведущий научный сотрудник Отдела социально-политических исследований Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, Владивосток (Россия). **Адрес для контактов:** dudarenoksv@gmail.com

Dudarenok Svetlana Mikhailovna, Doctor of Historical Sciences, Candidate of Philosophical Sciences, Professor, Leading Researcher of the Department of Socio-Political Studies of the Institute of History, Archeology and Ethnography of the Peoples of the Far East of the Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences, Vladivostok (Russia). **Contact address:** dudarenoksv@gmail.com. ORCID 0000–0003–4641–7699

Введение

Актуальность темы исследования определяется необходимостью научного анализа места и роли православной прессы в медиапространстве Российского Дальнего Востока в 1990-е — начале 2000-х гг. Религиозная журналистика, активно развивавшаяся с начала 1990-х гг. и имеющая два основных направления — светское и конфессиональное, сыграла значительную роль в возрождении православной религиозной жизни, в пропаганде религиозных ценностей и становлении церковных институтов. Значительную роль в процессе возрождения православной религиозной жизни на Российском Дальнем Востоке сыграли возникшие в 1990-е гг. епархиальные периодические издания. Часть этих изданий по разным причинам прекратила свое существование в нулевые годы, другая — активно развивается в настоящее время, составляя конкуренцию в освещении «религиозных вопросов» светским газетам и журналам.

Редакции дальневосточных епархиальных газет в 1990–2000-е гг. занимались не только православным просвещением, но и отражали в газетных публикациях повседневную жизнь православных верующих своих епархий. Научному сообществу необходимо рассматривать религиозную, в том числе православную, журналистику как инструмент, транслирующий идеи общества и государства в религиозные общины, и наоборот, идеи духовных сообществ — в секулярный мир. Авторам, пишущим на темы религии, нельзя сводить всю «православную тематику» к комплементарным статьям о РПЦ, новостным заметкам о религиозных праздниках, визитах руководителей религиозных организаций или их встречах с руководителями страны и регионов. Православная журналистика, по мнению участников Первого Международного фестиваля православных СМИ (Москва, 16–18 ноября 2004 г.), должна отразить «настроение общества, оценить духовное состояние современников, сформулировать злободневные вопросы и сделать социально-культурные прогнозы» [Вера и слово, 2005: 15].

Целями данной статьи являются: выявление причин активного возникновения православных периодических изданий на Российском Дальнем Востоке; анализ тематики публикаций в православных газетах; форм и методов работы журналистов православных газет и отношение к ним органов власти и дальневосточного сообщества; выявление их целевой аудитории.

Источниковая база исследования представлена личным архивом автора, в котором содержится, во-первых, подборка существовавших на территории Российского Дальнего Востока в 1990-е — начале 2000-х гг. православных периодических изданий; во-вторых, полевой дневник автора, составленный на основе бесед со священнослужителями и журналистами, пишущими на религиозные темы.

Методология, избранная автором для настоящего исследования, включает в себя компаративный анализ дальневосточной православной прессы рубежа 1990–2000-х гг.; выявление особенностей публикаций в данных изданиях; становление православного журналистского сообщества в том или ином регионе; отношение к православной прессе общества и власти. Работа основывается на комплексном, системно-историческом подходе к изучению прошлого. Методика исследования опирается на метод научного описания.

Религиозные средства массовой информации: причины появления и их конфессиональная принадлежность на Дальнем Востоке России

В начале 1990-х гг. в медиапространстве России появился новый феномен: религиозные средства массовой информации (СМИ). Их появление и востребованность связаны не только с последствиями социальных перемен, произошедших в стране (отказ государства от искусственного вытеснения религии на периферию общественной жизни), но и с общемировыми процессами, начавшимися в конце 1970-х гг.: «десекуляризацией» религии — увеличением роли религии в общественной жизни различных государств; претензией со стороны религии на регламентацию всего — и общества, и закона, и политики, и личной жизни; выполнения ею идеологической функции, поскольку ее интерпретации отвечают интересам различных социальных слоев и групп населения.

Феномен российской конфессиональной журналистики активно изучается с начала 2000-х гг. Ряд аспектов данной проблемы нашли отражение в сводном отчете по исследованию, проведенному на факультете журналистики МГУ в сентябре-ноябре 2001 г. [Религия в информационном поле российских СМИ, 2003]; в работах О. В. Бакиной, Н. А. Костиковой, Л. А. Ткаченко, А. В. Щипкова, М. Шевченко и др. [Бакина, 2003; Костикова, 2002: 52–62; Ткаченко, 2015б: 59–63; Щипков, 2003; Шевченко, 2004]. Большая часть публикаций, посвященных конфессиональным СМИ, до настоящего времени представлены статьями в журналах и сборниках материалов конференций [Дымова, 2015: 368–397; Доброхотова, 2014: 134–142; Кукушкина, 2018: 154–158; Кузнецова, Бабакина, 2016: 114–119; Симонов, 2020: 29–34; Суровцева, 2018: 335–339]. И хотя в научном сообществе уже предпринимаются попытки историографического анализа работ, посвященных истории православной журналистики и развитию церковной периодики в России [Ткаченко, 2015а], тем не менее проблема остается слабо изученной, особенно на региональном уровне.

По мнению М. О. Сметаниной, возникновение и развитие в 1990-е гг. собственных православных СМИ связано с возрождением духовности в обществе, с тем, что вырос интерес аудитории к церковной жизни, к православной культуре. По ее мнению, православная церковь стала использовать «прессу в целях проповеди», через церковную прессу священнослужители хотели «донести до общества нравственные ценности, объяснить православные традиции, привести человека к Богу» [Сметанина, 2011: 335].

Религиозные СМИ не обладают уникальными чертами по сравнению со светскими масс-медиа в отношении своих видов. Как и светские, они представлены телевизионными и радиовещательными СМИ, печатной прессой и интернет-изданиями. Особое место среди религиозных СМИ занимают периодические издания — газеты и журналы.

Количество и конфессиональная принадлежность религиозных периодических изданий определяется как общей религиозной ситуацией в стране, так и сложившейся религиозной ситуацией в том или ином регионе.

Российский Дальний Восток за годы советской власти стал самым секулярным регионом на всей территории СССР. К началу 1990-х гг. только 10611 чел., что составляло примерно 0,17% от общего количества населения региона, были верующими. На огромной территории действовало всего 160 религиозных общин и групп православного (27 — РПЦ, 6 — старообрядцы), баптистского (ВСЕХБ — 41; СЦ ЕХБ — 12), адвентистского (21), пятидесятнического (30), Свидетели Иеговы (7), иудейского (1), менонитского (1), языческого (14) вероисповеданий, как официально зарегистрированных, так и действующих без регистрации [Дударенок, 2015: 375–377]. Соответственно, большая часть конфессиональных газет на Российском Дальнем Востоке на рубеже 1990–2000-х гг. были православными и протестантскими.

В отличие от протестантских газет, которые в настоящее время практически перестали издаваться в бумажном формате и продолжают выходить только в электронном виде, православные газеты и журналы активно издаются во всех дальневосточных епархиях. Поэтому история становления и развития православной дальневосточной прессы в 1990–2000-е гг. является актуальной и познавательной.

В 2010-х гг. на Российском Дальнем Востоке в связи с образованием новых епархий и созданием двух митрополий (Приморской¹ и Приамурской²) возникло ряд новых православных газет и журналов. Новые издания отличаются более высоким качеством публикаций; хорошей полиграфией; ориентацией не только на «своего» православного читателя, но и стремлением удовлетворить интересы различных категорий населения. Это позволяет утверждать, что в дальневосточных православных периодических изданиях стало работать больше журналистов-профессионалов.

¹ *Приморская митрополия* образована решением Священного Синода РПЦ от 6 октября 2011 г., объединяет Владивостокскую, Находкинскую и Арсеньевскую епархии. Главой Приморской митрополии в настоящее время является митрополит Владимир (в миру Михаил Викторович Самохин).

² *Приамурская митрополия* образована решением Священного Синода от 6 октября 2011 г., объединяет Амурскую, Ванинскую и Хабаровскую епархии. Главой Приамурской митрополии в настоящее время является митрополит Артемий (в миру Александр Николаевич Снигур).

Православные странички в светских газетах Российского Дальнего Востока на рубеже 1990–2000-х гг.

Еще до возникновения самостоятельных епархиальных периодических изданий¹ ряд светских областных и краевых газет Российского Дальнего Востока открыли у себя православные странички. Так, в газете Тихоокеанского флота «Боевая вахты» в 1990-е гг. появилось еженесячное православное приложение «Благовест» [Атлас современной религиозной жизни России. Т. 1, 2005: 545]; в Амурской областной газете «Амурская правда» выходило специальное еженедельное приложение «Золотые купола» (главный редактор — Юлия Борисовна Климичева) [Атлас современной религиозной жизни России. Т. 2, 2005: 545]; в каждом выпуске газеты «Свободный Сахалин» имелся православный вкладыш — газета в газете «Воскресенье. Человек. Семья. Общество» [Назарова, 2000: 127]; на Камчатке в газетах «Тихоокеанская вахта» и «Пограничник Северо-Востока» имелись две мини-газеты (православные странички) [Атлас современной религиозной жизни России. Т. 2, 2005: 355; Протоиерей П. Громов, 2000: 258]; существовала православная страничка и в еженедельной газете «Вечерний Магадан», где регулярно печатал свои статьи православный активист, главный редактор газеты «Вечерний Магадан» Станислав Павлович Рыжков [Атлас современной религиозной жизни России. Т. 2, 2005: 506].

В данных православных приложениях, которые, как правило, готовились совместно с церковными организациями, представители которых входили в состав редакций, публиковались беседы и послания православных священнослужителей; печатались проповеди и поучения епархиальных архиереев; освещались наиболее значимые события епархиальной жизни; публиковались материалы о значении православия в истории России; статьи о духовном возрождении страны и ее культуры, о русской соборности, любви к Богу и Отечеству, искоренению межнациональной розни, вреде слепого поклонения идеалам Запада [Личный архив автора].

Кроме этого, авторов православных приложений в светских газетах интересовали вопросы «качества веры»: во что верят дальневосточники, как они верят, как это отражается на их социальном поведении, на принятии бытовых, нравственных и политических решений; популярной была тема новых религиозных движений и их «противостояние» традиционным религиям, а также отношения церкви и государства.

Публикации на религиозную тему в светской прессе были ориентированы не только на верующих и членов религиозных организаций, а в большей степени на неверующих, на властные структуры, политиков, политтехнологов, т. е. всех тех, кто реально влиял на формирование внутренней политики государства, в том числе политики государства в отношении к религии [Полевой дневник автора].

¹ Указом Святейшего Патриарха и Священного Синода от 22 ноября 1990 г. на территории российского Дальнего Востока были открыты следующие епархии: *Владивостокская и Приморская, Магаданская и Камчатская, Хабаровская и Благовещенская* (Журнал Московской патриархии. 1991. № 5. С. 10); в феврале 1993 г. были образованы *Сахалинская и Камчатская* епархии, а в декабре этого же года была восстановлена *Благовещенская епархия* (Официальная хроника: изд. Московской патриархии. 1993. № 11–12. С. 48).

Приморские православные газеты на рубеже 1990–2000-х гг.

Первыми свои периодические издания начали издавать православные верующие Приморского края. С 1993 г. стала выходить ежемесячная епархиальная газета Владивостокской и Приморской епархии «Приморский благовест». Главным редактором издания был епископ Владивостокский и Приморский Вениамин (в миру Борис Николаевич Пушкарь); ответственным секретарем и редактором — иеромонах Иннокентий (в миру Виталий Викторович Ерохин) — профессиональный журналист, имеющий к моменту открытия газеты «Приморский благовест» опыт работы в ряде светских периодических изданий². В 1990-е гг. тираж газеты был всего тысячу экземпляров.

Помимо газеты «Приморский благовест», в 1990-е гг. православные приходы Московского патриархата городов Дальнегорск, Лучегорск и пос. Кавалерово издавали приходские листки, в которых находили отражения новости приходской жизни, а приход храма Рождества Христова Находки с 1999 г. стал издавать православную газету «Верую», редактором которой была Галина Васильевна Щербаченко [Русская христианская повременная печать, 2021: 19].

С 1995 г. начал издавать свою ежемесячную газету «Русь Православная»³ Совет Съезда мирян древлеправославных (старообрядческих) общин Приморского края (город Большой Камень). Редактором газеты была Наталья Петровна Беляева, историк по образованию. Она во многом определяла «лицо» газеты, делая упор на исторические и общественно-нравственные проблемы. Помимо официальной информации о жизни и деятельности российских старообрядцев, обзора писем, пришедших в редакцию, в газете «Русь Православная» публиковались статьи по истории старообрядчества (см., напр.: [Дзюбенко, Солдатов, 1998: 1; Никулин, 1997: 3; Основание старообрядческой Белокриницкой иерархии и ее современное состояние, 1998: 1; Дыхание древней Руси, 1998: 7] и др.), новости старообрядческих общин России (см., например: [Бутковская, 1996: 4–5; Измайлов, 1996: 5]), анализировались с точки зрения старообрядческого вероучения современные достижения науки (см., например: [Чунин, 1997: 4–5]), обсуждались проблемы религиозно-нравственного воспитания молодежи (см., например: [Любимов, 1997: 1–2]), публиковался церковный календарь и пр.

В каждом номере газеты существовала катехизаторская страница, излагающая те или иные положения старообрядческого вероучения, а также литературная страница, где публиковали стихи и другие произведения старообрядческих авторов. Газета «Русь православная» приобрела общероссийскую известность, ее тираж доходил до 70 000 экземпляров. Газета распространялась, кроме России, по четырем континентам: Европе, Северной и Южной Америке, Австралии.

² В. В. Ерохин родился 17 ноября 1967 г. в с. Успеновке Бурейского района Амурской области. В 1985 г. окончил Успеновскую среднюю школу, поступил на отделение «Журналистика» Дальневосточного государственного университета. В 1985–1987 гг. проходил срочную службу в рядах Вооружённых сил СССР. В 1987–1992 гг. работал корреспондентом, заведующим отделом, ответственным секретарём редакции районной газеты «Советское Приамурье» (Амурская область), собственным корреспондентом областной газеты «Амурские вести». В мае 1993 г. крестился в Свято-Никольском кафедральном соборе Владивостока. В 1995 г. принят на послушание ответственного секретаря епархиальной газеты «Приморский благовест» и иподиакона епископа Владивостокского и Приморского Вениамина (Пушкаря).

³ Газета выходила до 2004 г.

Рис. 1. Газета Совета Съезда мирян древлеправославных (старообрядческих) общин Приморского края «Русь Православная»

Fig. 1. Newspaper of the Council of the Congress of Laity of the Old Orthodox (Old Believer) Communities of the Primorsky Territory "Orthodox Russia"

Рис. 2. Газета Совета Съезда мирян древлеправославных (старообрядческих) общин Приморского края «Русь Православная»

Fig. 2. Newspaper of the Council of the Congress of Laity of the Old Orthodox (Old Believer) Communities of the Primorsky Territory "Orthodox Russia"

С 1999 г. в с. Суходол несколько раз проводились Епархиальные съезды Иркутско-Амурской и всего Дальнего Востока епархии Русской православной старообрядческой церкви. Большой Камень в этом смысле стал центром возрождения древлеправославия в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке, значительную роль в этом процессе сыграла газета «Русь православная». Эта газета была самой информативной и самой массовой из православных изданий Российского Дальнего Востока.

С 2003 г. тиражом 3 000 экземпляров в Приморском крае стала выходить православная газета «Русское воскресение». Учредителем и издателем газеты была Православная гимназия Владивостока; главный редактор — протоиерей Игорь Талько; выпускающий редактор — Михаил Романов [Русское воскресение, 2005: 8]. Газета издавалась по благословению архиепископа Владивостокского и Приморского Вениамина, выходила один раз в месяц и освещала не только внутренние проблемы гимназии и жизнь гимназистов, но и наиболее интересные события православной жизни епархии.

Рис. 3. Газета Православной гимназии Владивостока «Русское воскресение»
Fig. 3. Newspaper of the Orthodox Gymnasium of Vladivostok "Russian Sunday"

Православные издания в других регионах Дальнего Востока России в 1990–2000-х гг.

В Хабаровском крае епархиальная газета «Православный вестник Приамурья» — ежемесячное информационно-просветительское издание — начала выходить с декабря 1998 г. Главным редактором газеты был епископ Хабаровский и Приамурский Марк (в миру Алексей Викторович Тужилов); редактором — протоиерей Сергей Мещеряков. Тираж газеты на рубеже 1990–2000-х гг. составлял всего 900 экземпляров¹.

Рис. 4. Епархиальная газета Хабаровской и Приамурской епархии
«Православный вестник Приамурья»

Fig. 4. Diocesan newspaper of the Khabarovsk and Amur Diocese
"Orthodox Herald of the Amur Region"

С 2008 г. Отдел по работе с молодежью Хабаровской епархии РПЦ начал издавать ежемесячное молодежное информационно-просветительское издание «Мрежа».

¹ Это было связано с тем, что периодическое издание, имевшее тираж свыше 1 000 экземпляров, должно было быть зарегистрировано Министерством РФ по делам печати, телерадиовещания и средств массовой информации. Как правило, в 1990-е г. большинство дальневосточных епархий не могли по различным причинам (недостаток средств, отсутствие профессиональных журналистских кадров и пр.) зарегистрировать свои периодические издания, а газеты тиражом до 999 экземпляров не нуждались в регистрации Министерства РФ по делам печати, телерадиовещания и средств массовой информации.

На страницах газеты можно было ознакомиться с материалами о мероприятиях, проводимых епархией для детей и молодежи; узнать новости Отдела по работе с молодежью; найти друзей по интересам и пр.

С 1996 по 1999 г. в Биробиджане выходила газета православных христиан «Златоуст» [Русская христианская повременная печать, 2021: 54], в ней описывались основные события в жизни православных приходов Еврейской автономной области (ЕАО).

Рис. 5. Епархиальная газета Биробиджанской и Кульдурской епархии «Благовест»

Fig. 5. Diocesan newspaper of Birobidzhan and Kuldur diocese "Blagovest"

Первый номер ежемесячной епархиальной газета «Благовест» Биробиджанской и Кульдурской епархии² вышел только в 2010 г. Главным редактором четырехстраничной газеты был епископ Биробиджанский и Кульдурский Иосиф (в миру Игорь Анатольевич Балабанов). Основной целью издателей газеты было освещение жизни православных приходов ЕАО [Благовест, 2010: 2–3; 2011а: 2–3; 2011б: 2–3; 2011в: 2–3].

² Самостоятельная Биробиджанская и Кульдурская епархия Русской православной церкви образована постановлением святейшего патриарха Московского и всея Руси Алексия II и Священного Синода Русской православной церкви от 7 октября 2002 г. Правящим архиереем с титулом епископа Биробиджанского и Кульдурского был назначен епископ Угличский Иосиф (Балабанов), викарий Ярославской епархии.

Рис. 6. Миссионерские листки Биробиджанской и Кульдурской епархии

Fig. 6. Missionary leaflets of Bilibidzhan and Kuldur diocese

С этого же времени в епархии стали издаваться «Миссионерские листки», каждый из которых был посвящен какой-либо одной проблеме. Например, тема первого номера — объяснение сути таинства Евхаристии, второй — таинства Крещения, третий — представлял собой православный ответ на критику почитания икон; четвертый — таинству исповеди; пятый — разъяснял суть православного обряда погребения и т. д. [Миссионерский листок, № 1–5]. Рассматривались на страницах «Миссионерского листка» и чисто «мирские проблемы». Шестой номер, например, был посвящен преподаванию Основ православной культуры в общеобразовательных школах [Миссионерский листок, № 6].

В Амурской области, помимо семейной православной газеты «Золотые купола» (приложение к «Амурской правде»), выходили: ежемесячная духовно-просветительская газета «Свет Православия»; вестник Благовещенской епархии «Светоч веры» (на страницах газеты «Магазин новостей и частных объявлений») и «Свято-Владимирский вестник: Православное приложение (к районной газете г. Магдагачи)» [Русская христианская повременная печать, 2021: 55, 148, 150, 152].

На Сахалине с 1997 г. начала издаваться газета епархиального управления «Сахалинский православный вестник» [Атлас современной религиозной жизни России. Т. 3, 2009: 514]. Главный редактор газеты епископ Южно-Сахалинский и Курильский Аркадий (в миру Александр Петрович Афонин). Кроме того, в 1990-е гг. на Сахалине выпускались две местные православные газеты «Углегорский православный вестник» и «Голос православия на Курилах», а православные приходы других районов имели возможность размещать материалы о жизни своих общин в местной печати [Благовест над островами, 2013: 221]. Свою православную газету «Покровский листок» стал издавать с 2002 г. и Свято-Покровский монастырь (г. Корсаков).

Рис. 7. Епархиальная газета Южно-Сахалинской и Курильской епархии
«Сахалинский церковный вестник»

Fig. 7. Diocesan newspaper of the Yuzhno-Sakhalinsk and Kuril Diocese "Sakhalin Church Bulletin"

В Камчатской области¹ в 1993 г. выходила православная газета «Камчатский благовест», с 1991 по 1992 г. она выходила под патронажем Санкт-Петербургской духовной академии и переправлялась на Камчатку [Русская христианская повременная печать, 2021: 60]. С прибытием на Камчатку в 1998 г. епископа Игнатия (в миру Сергей Геннадьевич Пологрудов) здесь стала выходить газета «Православная Камчатка», впоследствии газета стала называться «Наша Камчатка». Главным редактором газеты был епископ Игнатий, редактором — иеромонах Михаил (Малаханов). Тираж газеты в 1990-е гг. был 999 экземпляров, выходила она два раза в месяц [Атлас современной религиозной жизни России. Т. 2, 2005: 355].

С 1997 г. Камчатское Православное братство во Имя Нерукотворного образа Всемилостивого Спаса стало издавать свою православную газету «Спас нерукотворный» [Русская христианская повременная печать, 2021: 164–165]. Редколлегия газеты сосредоточила свое внимание на борьбе с «тоталитарными сектами» и протестантскими конфессиями. По мнению авторов публикаций газеты «Спас Нерукотворный», новые религиозные движения и протестантские конфессии «посягают» на каноническую территорию Русской православной церкви, разрушают духовность и культуру русского народа.

¹ 1 июля 2007 г. Камчатская область преобразована в Камчатский край.

Хотя в Магаданской области в 1990-е гг. не существовало самостоятельной православной прессы, однако в местных газетах регулярно печатались статьи, освещающие события епархиальной жизни, а также статьи, содержащие комментарии священнослужителей Магаданской епархии по тем или иным вопросам общественной жизни. Первый номер ежемесячной православной газеты «Колымская лампада» Магаданской и Синегорской епархии тиражом 999 экземпляров вышел в 2001 г. [Колыма.ру]¹ Главным редактором газеты был епископ Магаданский и Сенегорский Феофан (в миру Иван Андреевич Ашурков).

Основной задачей дальневосточной православной периодики на рубеже 1990–2000-х гг. являлась ликвидация «православной безграмотности» неофитов — православное просвещение и формирование христианского мировоззрения. Поэтому наиболее распространенными темами публикаций были азы церковной жизни; жития святых; описание смысла таинств и молитв; рецепты постных блюд; советы священников по житейским вопросам; духовные поучения и наставления Отцов Церкви; освещение событий церковной и общероссийской действительности, в том числе вопросов культуры, истории и жизни общин; рассказы о православных праздниках и обычаях. В текстах дальневосточных православных газет в эти годы часто встречаются слова, называющие внутреннее устройство храма, наименования духовных чинов, названия христианских добродетелей, перечисления человеческих грехов, духовные состояния христианина, лексемы, обозначающие христианский миропорядок, и пр. Иногда к ним прилагалась детская страничка и даже кроссворд.

Этот основной контент дальневосточных православных изданий на рубеже 1990–2000-х гг. был, как правило, перемешан с официальными новостями и «установочными» публикациями, «доносящими мнение Церкви» по тем или иным вопросам общественной жизни. Целевая аудитория таких изданий была рассчитана на «православных неофитов», которым нужны были «подсказки» для построения собственной «идеальной православной жизни».

В конце 1990-е гг. дальневосточные епархии РПЦ стали осваивать новый вид изданий — электронные СМИ. Электронные епархиальные газеты и сайты становятся доступными для жителей самых отдаленных населенных пунктов региона.

Первой дальневосточной епархией, создавшей свой сайт в интернете, стала Владивостокская и Приморская епархия. Инициатором, автором, составителем и редактором первого на Дальнем Востоке и в Восточной Сибири епархиального сайта стала Галина Владимировна Прозорова, которая в 1999 г. за создание и организацию деятельности сайта была награждена архиерейской грамотой — грамотой епископа Владивостокского и Приморского Вениамина (Б. Н. Пушкаря) [Владивосток, 1999]. Впоследствии епархиальные сайты были созданы во всех дальневосточных епархиях.

Православные СМИ как объект и предмет исследования

Присутствие религиозной тематики на страницах светских газет и журналов, появление и развитие христианских СМИ и их влияние на потребителя информации ста-

¹ С 2011 г. газета носит название «Колымский благовестник».

новятся с начала 2000-х гг. предметом обсуждения различных конференций и круглых столов. В апреле 2000 г. Институт религии и права в Суздале в течение нескольких дней анализировал правовые аспекты, связанные с публикациями на религиозные темы. В феврале 2000 г. общество «Радонеж» провело в Москве Конгресс православной прессы, в котором принимали участие православные журналисты Российского Дальнего Востока [Полевой дневник автора].

В июле 2001 г. журналисты-христиане провели во Владивостоке региональную конференцию «Христианская пресса Приморья: вчера, сегодня, перспективы развития». В ходе конференции была организована выставка христианских печатных СМИ России, СНГ и Приморья, а также круглый стол, на котором обсуждались вопросы: что такое христианская пресса, почему она нуждается в распространении, каковы ее важность, перспективы и недостатки [Полевой дневник автора].

Необходимо отметить, что на рубеже 1990–2000-х гг. христианская, в том числе православная пресса, во многом не соответствовала требованиям. Так, в сентябре — ноябре 2001 г. на факультете журналистики МГУ им. М. В. Ломоносова было проведено исследование «Религия в информационном поле российских СМИ». В сводном отчете эксперты отметили ряд недостатков российской православной прессы: низкий профессиональный уровень большинства православных изданий; неумение церковных организаций, учредителей и издателей использовать СМИ для распространения веры; несвоевременный, малодоступный, трудный для понимания стиль подачи материала; засилье в православных изданиях «консервативно-охранительного направления», что не способствует привлечению широкой аудитории; недостаточно представлены либеральные тенденции, а следовательно, и такие органы информации, которые бы отражали эти либеральные точки зрения; аудитория православных СМИ не получает достаточно полного представления о месте и роли религии в современном российском обществе и в мире; в православной прессе отсутствует более или менее объективный взгляд на общерелигиозную ситуацию, сосуществование разных религий и традиций, а также тема диалога между светским и религиозным мирами [Религия в информационном поле российских СМИ, 2003: 101–102].

Заключение

Подводя итог анализу места и значения православных газет и журналов в медиaprостранстве Российского Дальнего Востока на рубеже 1990–2000-х гг. можно сделать несколько выводов:

Во-первых, возрождение православной религиозной традиции на Российском Дальнем Востоке вызвало к жизни не только рост религиозных общин и верующих, но и создание собственных православных СМИ, в первую очередь газет и журналов. Епархиальных и околоцерковных изданий было довольно много, но они имели ограниченную аудиторию и практически были неизвестны широкой публике.

Во-вторых, практически во всех епархиях Российского Дальнего Востока на рубеже 1990–2000-х гг. возникли свои церковные СМИ. Самым распространенным видом издательской деятельности в дальневосточных епархиях являлось издание епархиальной газеты. В одних епархиях она была многополосной, в других представляла собой все-

го лишь листок, но так или иначе эти газеты несли в себе информацию о жизни епархии. Более того, в ряде дальневосточных епархий в эти годы издавалась не одна, а одновременно несколько газет. Они различались объемом, периодичностью, качеством, которое, к сожалению, зачастую было невысоким. Во многом это объясняется отсутствием у дальневосточных епархий в данный период достаточного количества средств для привлечения к работе ярких и высококвалифицированных журналистов.

В-третьих, отличительной особенностью дальневосточных православных периодических изданий на рубеже 1990–2000-х гг. являлся их апологетический и миссионерский характер: утверждение своего религиозного вероучения и критика его оппонентов (апологетика), выполнение задачи привлечения новых верующих или дополнительного религиозного просвещения тех, кто уже является сторонником православия (миссионерство).

В-четвертых, в конце 1990-х гг. дальневосточные епархии осваивают новый тип изданий — электронные СМИ, что значительно облегчило катехизацию населения Дальнего Востока: электронные епархиальные газеты и сайты становятся доступными для жителей самых отдаленных населенных пунктов региона.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Атлас современной религиозной жизни России. Т. 1 / отв. ред. М. Бурдо, С. Филатов. М. ; СПб. : Летний сад, 2005. 621 с.

Атлас современной религиозной жизни России. Т. 2 / отв. ред. М. Бурдо, С. Филатов. М. ; СПб. : Летний сад, 2005. 687 с.

Атлас современной религиозной жизни России. Т. 3 / отв. ред. М. Бурдо, С. Филатов. М. ; СПб. : Летний сад, 2009. 864 с.

Бакина О. В. Современная православная журналистика России. Киров : КФ МГЭИ, 2003. 223 с.

Благовест над островами (к 20-летию образования Южно-Сахалинской и Курильской епархии). Владивосток : Рубеж, 2013. 264 с.

Благовест. 2010. № 1. С. 2–3.

Благовест. 2011а. № 2. С. 2–3.

Благовест. 2011б. № 3. С. 2–3.

Благовест. 2011 в. № 4. С. 2–3.

Бутковская О. Возрождается Церковь в Якутии // Русь православная. 1996. № 11 // Личный архив автора.

Вера и слово : материалы Первого Международного фестиваля православных СМИ, 16–18 ноября 2004 г. / ред.-сост. С. В. Чапнин. М., 2005. 46 с.

Владивосток. 1999. № 692. 19 ноября.

Дзюбенко М., Солдатов А. Старые русские // Русь Православная. 1998. № 39.

Доброхотова М. А. Специфика православной медиасферы в России в 1990–2000-е годы на примере печатных периодических изданий // Вестник Пермского гос. ун-та. Серия: История. 2014. № 2. С. 134–142.

Дударенок С. М. Религия, церковь, верующие на российском Дальнем Востоке в конце XIX–XX веке // Диалог со временем. М. : ИВИ, 2015. С. 368–397.

Дымова И. А. Место русской православной журналистики в СМИ: научный обзор диалогов и дискуссий // Современные проблемы массовой коммуникации. 2015. С. 1942–1950.

Дыхание древней Руси. История харбинского старообрядческого прихода // Русь православная. 1998. № 1.

Измайлов В. Первый храм в Забайкалье // Русь православная. 1996. № 10 (10).

Колыма.ру URL: <https://kolyma.ru/index.php?newsid=95181> (дата обращения: 22.08.2021).

Костикова Н. А. Этика отношений в информационном поле Церкви // Вестник Московского университета. Серия 10: Журналистика. 2002. № 4. С. 52–62.

Кузнецова А. Н., Бабкина Е. С. Православная печатная периодика: история и современное состояние // Ученые заметки ТОГУ. 2016. Т. 7, № 3 (2). С. 114–119.

Кукушкина О. К. Взаимодействие Русской православной церкви и СМИ на примере Владивостока // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Гуманитарные науки. 2018. № 01. С. 154–158.

Любимов И. М. Проблемы религиозно-нравственного воспитания у старообрядцев // Русь православная. 1997. № 8 (24).

Миссионерский листок Биробиджанской и Кульдурской епархии. № 1–6.

Назарова Е. Ф. Обзор источников по истории возрождения Русской православной церкви на Сахалине и Курильских островах // Краеведческий бюллетень. 2000. № 1. С. 115–142.

Никулин С. Развал // Русь Православная. 1997. № 8 (24).

Основание старообрядческой Белокриницкой иерархии и ее современное состояние // Русь Православная. 1998. № 39.

Протоиерей П. Громов. Камчатская епархия (страницы истории) // Историко-статистическое описание Камчатских церквей. Слова и речи. Петропавловск-Камчатский: Скрижали Камчатки, 2000. С. 232–262.

Религия в информационном поле российских СМИ. Гильдия религиозных журналистов. М. : Факультет журналистики МГУ; Гильдия религиозной журналистики, 2003. 142 с.

Русское воскресенье. 2005. № 7 (18).

Симонов И. В. К вопросу о конфессиональных средствах массовой информации в современной России // Наука без границ. 2020. № 5 (45). С. 29–34. — URL: https://nauka-bez-granic.ru/№_5-45-2020/5-45-2020/ For citation: Simonov I. V. On the subject of the confessional mass media in modern Russia // Science without borders, 2020, no. 5 (45). P. 29–34.

Сметанина М. О. Специфика медиапросвещения: православие и особенности подачи материалов в СМИ // Ученые записки Таврического национального университета им. В. И. Вернадского Серия: Филология. Социальные коммуникации. 2011. Т. 24 (63), № 2. Ч. 2. С. 335–339.

Суровцева Е. В. Современная православная молодежная пресса (журналы «Наследник» и «Собрание») // Инновационные научные исследования: теория, методология, практика : сборник статей XV Международной научно-практической конференции (Пенза, 5 октября 2018 г.). Пенза, 2018. С. 149–152.

Ткаченко Л. А. Православная журналистика в историографических работах отечественных ученых // Вестник Челябинского государственного университета. Серия: Филология. Искусствоведение. Вып. 96. 2015. № 15 (370). С. 88–94.

Ткаченко Л. А. Специфика православной журналистики и новые тенденции в развитии системы епархиальных СМИ // Известия Уральского федерального ун-та. Серия 1: Проблемы образования, науки и культуры. 2015. № 3 (141). С. 59–63.

Чунин Г. НТР и печать антихриста // Русь православная. 1997. № 7 (17) // Личный архив автора.

Шевченко М. Религиозная журналистика: типы, принципы и проблемы институционализации. 2004. URL: <https://www.pravmir.ru/religioznaya-zhurnalistika-tipy-principy-i-problemy-institucionalizacii/> (дата обращения: 02.09.2021).

Щипков А. В. Учись читать религиозную прессу. Соборный двор: Публицистические статьи (1991–2001). М., 2003. 320 с.

REFERENCES

Atlas sovremennoj religioznoj zhizni Rossii. T. 1 [Atlas of modern religious life of Russia. T. 1] / Otв. red. M. Burdo, S. Filatov. M. : SPb. : Letnij sad, 2005. 621 s. (in Russian).

Atlas sovremennoj religioznoj zhizni Rossii. T. 2 [Atlas of modern religious life of Russia. T. 2] / Otв. red. M. Burdo, S. Filatov. M. ; SPb. : Letnij sad, 2005. 687 s. (in Russian).

Atlas sovremennoj religioznoj zhizni Rossii. T. 3 [Atlas of modern religious life of Russia. T. 3] / Otв. red. M. Burdo, S. Filatov. M. ; SPb. : Letnij sad, 2009. 864 s. (in Russian).

Bakina O. V. Sovremennaya pravoslavnaya zhurnalistika Rossii [Modern Orthodox Journalism of Russia]. Kirov : KF MGEI, 2003. 223 s. (in Russian).

Blagovest nad ostrovami (k 20-letiju obrazovaniya juzhno-Sahalinskoj i Kuril'skoj eparhii) [Evangelism over the islands (to the 20th anniversary of the formation of the Yuzhno-Sakhalinsk and Kuril diocese)]. Vladivostok : Rubezh, 2013. 264 s. (in Russian).

Blagovest [Blagovest]. 2010. № 1. S. 2–3 (in Russian).

Blagovest [Blagovest]. 2011a. № 2. S. 2–3 (in Russian).

Blagovest [Blagovest]. 2011b. № 3. S. 2–3 (in Russian).

Blagovest [Blagovest]. 2011v. № 4. S. 2–3 (in Russian).

Butkovskaja O. Vozrozhdaetsja Cerkov' v Jakutii [Revived Church in Yakutia]. *Rus' pravoslavnaja* [Orthodox Rus]. 1996. № 11 (11) (in Russian).

Vera i slovo: Materialy Pervogo Mezhdunarodnogo festivalja pravoslavnyh SMI [Faith and Word: Materials of the First International Festival of Orthodox Media], 16–18 nojabrja 2004 g. / red.-sost. S. V. Chapnin. M., 2005. 46 s. (in Russian).

Vladivostok [Vladivostok]. 1999. № 692. 19 nojabrja (in Russian).

Dzjubenko M., Soldatov A. Starye russkie [Starye russkie]. *Rus' Pravoslavnaja* [Orthodox Rus]. 1998. № 39 (in Russian).

Dobrohotova M. A. Specifika pravoslavnoj mediasfery v Rossii v 1990–2000-e gody na primere pechatnyh periodicheskikh izdanij [Specificity of the Orthodox media sphere in Russia in the 1990–2000s on the example of printed periodicals]. *Vestn. Permskogo gos. un-ta. Ser. Istorija* [Bulletin of Perm State University. Series History]. 2014. № 2. S. 134–142 (in Russian).

Dudarenok S. M. Religija, cerkov', verujushhie na rossijskom Dal'nem Vostoke v konce XIX–XX veke [Religion, church, believers in the Russian Far East at the end of the XIX–XX century]. *Dialog so vremenem* [Dialogue with time] 50 M. : IVI, 2015. S. 368–397 (in Russian).

Dyhanie drevnej Rusi. Istorija harbinskogo staroobriadcheskogo prihoda. [Breath of ancient Russia. History of the Harbin Old Believer Parish]. *Rus' Pravoslavnaja*. [Orthodox Rus]. 1998. № 1 (in Russian).

Protoierej P. Gromov. Kamchatskaja eparhija (stranicy istorii) [Kamchatka Diocese (pages of history)]. *Istoriko-statisticheskoe opisanie Kamchatskij cerkvej. Slova i rechi* [Historical and statistical description of kamchatka churches. Words and speeches]. Petropavlovsk-Kamchatskij: Skrizhali Kamchatki, 2000. S. 232–262 (in Russian).

Kolyma.ru [Kolyma.ru] URL: <https://kolyma.ru/index.php?newsid=95181> (Data obrashhenija 22.08.2021) (in Russian).

Kostikova N. A. Etika otnoshenij v informacionnom pole Cerkvi [Ethics of relations in the information field of the Church]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 10. Zhurnalistika*. [Vestnik Moskovskogo Universiteta. Episode 10. Journalism]. 2002. № 4. S. 52–62 (in Russian).

Kuznecova A. N., Babkina E. S. Pravoslavnaya pechatnaya periodika: istoriya i sovremennoe sostoyanie [Orthodox printed periodicals: history and current state]. *Elektronnoe nauchnoe izdanie "Uchenye zametki TOGU"*. [Electronic scientific publication "Scientific notes of PNU"]. 2016. Tom 7. № 3 (2). S. 114–119 (in Russian).

Kukushkina O. K. Vzaimodejstvie Russkoj pravoslavnoj cerkvi i SMI na primere Vladivostoka [Interaction of the Russian Orthodox Church and the Media on the Example of Vladivostok]. *Sovremennaya nauka: aktual'nye problemy teorii i praktiki. Seriya: Gumanitarnye nauki*. [Modern Science: Actual Problems of Theory and Practice. Series: Humanities]. 2018. № 1. S. 154–158 (in Russian).

Ljubimov I. M. Problemy religiozno-nravstvennogo vospitaniya u staroobriadcev [Problems of religious and moral education in the Old Believers]. *Rus' pravoslavnaja*. [Orthodox Rus]. 1997. № 8 (24). Lichnyj arhiv avtora (in Russian).

Missionerskij listok. Birobidzhanskij i Kul'durskoj eparhii. [Missionary leaflet. Birobidzhan and Kuldur diocese] № 1–6 (in Russian).

Nazarova E. F. Obzor istochnikov po istorii vozrozhdenija Russkoj Pravoslavnoj Cerkvi na Sahaline i Kuril'skih ostrovah [Review of sources on the history of the revival of the Russian Orthodox Church on Sakhalin and the Kuril Islands]. *Kraevedcheskij bjulleten'*. [Local History Bulletin]. 2000. № 1. S. 115–142 (in Russian).

Nikulin S. Razval [Raspad]. *Rus' Pravoslavnaja*. [Orthodox Rus]. 1997. № 8 (24) (in Russian).

Osnovanie staroobriadcheskoj Belokrinickoj ierarhii i ee sovremennoe sostojanie [The foundation of the Old Believer Belokrinitskaya hierarchy and its current state]. *Rus' Pravoslavnaja*. [Orthodox Rus]. 1998. № 39 (in Russian).

Religija v informacionnom pole rossijskij SMI. [Religion in the information field of the Russian media]. *Gil'dija religioznyh zhurnalistov*. M. : MGU im. M. V. Lomonosova, 2003. 142 s. (in Russian).

Russkoe voskresenje. [Russian Sunday]. 2005. № 7 (18) (in Russian).

Izmajlov V. Pervyj hram v Zabajkal'e [Pervyj khrasya v Zabaikalia]. *Rus' pravoslavnaja*. [Orthodox Rus]. 1996. № 10 (in Russian).

Simonov I. V. K voprosu o konfessional'nyh sredstvakh massovoj informacii v sovremennoj Rossii [To the question of confessional mass media in modern Russia. *Nauka bez granic*. [Science Without Borders]. 2020. № 5 (45). S. 29–34. URL: <https://nauka-bez-granic.ru/№5-45-2020/5-45-2020/> For citation: Simonov I. V. On the subject of the confessional mass media in modern Russia // Science without borders, 2020, no. 5 (45). S. 29–34 (in Russian).

Smetanina M. O. Specifika mediaprosveshheniya: pravoslavie i osobennosti podachi materialov v SMI [Specificity of media education: Orthodoxy and features of presentation of materials in the media]. *Uchenye zapiski Tavricheskogo nacional'nogo universiteta im. V.I. Vernadskogo Seriya "Filologiya. Social'nye kommunikacii"*. [Scientific notes of the Tauride National University named after V.I. Vernadsky Series "Philology. Social Communications"]. T. 24 (63). 2011. № 2. Chast' 2. S. 335–339 (in Russian).

Surovceva E. V. Sovremennaya pravoslav'naya molodezhnaya pressa (zhurnaly "Naslednik" i "Sobranie") [Modern Orthodox Youth Press (journals "Heir" and "Collection")]. *Innovacionnye nauchnye issledovaniya: teoriya, metodologiya, praktika. Sbornik statej XV Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii, sostoyavshejsya 5 oktyabrya 2018 g. v g. Penza*. [Innovative scientific research: theory, methodology, practice. Collection of articles of the XV International Scientific and Practical Conference, held on October 5, 2018 in Penza]. Penza MCNS "Nauka i Prosveshchenie" 2018. S. 149–152 (in Russian).

Chunin G. NTR i pechat' antihrista [NTR i pekt antikhrista]. *Rus' pravoslav'naja*. [Orthodox Rus]. 1997. № 7 (17). Lichnyj arhiv avtora (in Russian).

Tkachenko L. A. Pravoslav'naya zhurnalistika v istoriograficheskikh rabotah otechestvennyh uchenykh [Orthodox journalism in historiographic works of domestic scientists]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2015a. № 15 (370). *Filologiya. Iskusstvovedenie*. [Bulletin of Chelyabinsk State University. 2015. № 15 (370). Philology. Art History]. Vyp. 96. S. 88–94 (in Russian).

Tkachenko L. A. Specifika pravoslavnoj zhurnalistiki i novye tendencii v razvitii sistemy eparhial'nyh SMI [Specificity of Orthodox journalism and new trends in the development of the system of diocesan mass media]. *Izv. Ural. fed. un-ta. Ser. 1. Problemy obrazovaniya, nauki i kul'tury*. [Izvestiya Uralskogo Federal'skogo Universiteta. Episode 1. Problems of education, science and culture]. 2015b. № 3 (141). S. 59–63 (in Russian).

Shevchenko M. Religioznaya zhurnalistika: tipy, principy i problemy institucionalizacii. 2004. [Religious journalism: types, principles and problems of institutionalization]. [Elektronnyj resurs]. Rezhim dostupa: <https://www.pravmir.ru/religioznaya-zhurnalistika-tipy-principy-i-problemy-institucionalizacii/> (Data obrashcheniya: 02.09.2021) (in Russian).

Shchipkov A. V. Uchis' chitat' religioznyu pressu. Sobornyj dvor: Publicisticheskie stat'i (1991–2001) [Learn to read the religious press. Cathedral Yard: Journalistic Articles (1991–2001)]. M., 2003. 320 s. (in Russian).

Статья поступила в редакцию: 02.09.2021

Принята к публикации 17.12.2021

Дата публикации 25.03.2022

УДК 93/94 (100) «05/28+323.1»

DOI: 10.14258/nreur(2022)1–12

О. Б. Халидова*Институт истории, археологии и этнографии ДФИЦ РАН, Махачкала (Россия)***М. И. Абдулаева***Институт истории, археологии и этнографии ДФИЦ РАН, Махачкала (Россия)*

МУСУЛЬМАНСКИЕ ПОДДАННЫЕ В ИМПЕРСКОЙ ПРАКТИКЕ ПО АККУЛЬТУРАЦИИ КАВКАЗСКИХ ИНОРОДЦЕВ: ИСТОРИЧЕСКИЙ ОПЫТ ДАГЕСТАНА КОНЦА XIX — НАЧАЛА XX В. (НА ПРИМЕРЕ СИСТЕМЫ ОБРАЗОВАНИЯ)

Аннотация. Современные реалии относительно образовательной политики в регионах диктуют необходимость руководствоваться многими нюансами в России. Важность образования для инородцев воспринималась и как одна из важнейших частей политики Российской империи на периферии, главной функцией которой являлось огосударствление народов окраин. Учитывая тот факт, что в дореволюционной России «национальная школа» рассматривалась как русская национальная школа, очевидно, что наличие школ других народов, у которых русский язык не являлся материнским, не могло иметь места. Исходя из этого целью данной статьи является рассмотрение вопросов, связанных с политикой аккультурации на национальной периферии путем введения государственного языка — русского во всех сферах жизнедеятельности, в том числе и в области образования.

Географическим ареалом для исследования был выбран Дагестан как инокультурный регион, в котором подавляющее население исповедовало ислам, а система образования испокон веков представляла собой обширную сеть мусульманских религиозных школ. В изучаемое нами время последние стали частью «мусульманского вопроса» в контексте общего развития Кавказского региона. Предпринятые попытки претворения политики тандема «школа — религия», суть которой было устремить иноверцев к христианско-русскому будущему путем учреждения инородческих школ и церковно-приходского образования не привели к положительным результатам.

Хронологические рамки работы охватывают конец XIX — начало XX в. Выбор таких временных границ вызван особенностями в политическом развитии России в условиях пореформенной имперски-либеральной модели и выстраиванием новых взаимоотношений с мусульманской частью населения окраины. Как результат было выработано направление, сочетающее лояльно-деликатное отношение властей, с одной стороны,

и проявление осторожности в отношении исламской жизни в крае — с другой, имевшее место на протяжении всего изучаемого авторами периода вплоть до революции 1917 г.

Ключевые слова: Россия, Кавказ, Дагестанская область, просвещение, нация, язык, религия, аккультурация.

Цитирование статьи:

Халидова О. Б., Абдуллаева М. И. Мусульманские подданные в имперской практике по аккультурации кавказских инородцев: исторический опыт Дагестана конца XIX — начала XX в. (на примере системы образования) // Народы и религии Евразии. 2022. Т. 27, № 1. С. 173–188. DOI: 10.14258/nreur(2022)1–12.

O. B. Khalidova

Institute of History, Archaeology and Ethnography Dagestan Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences, Makhachkala (Russia)

M. I. Abdulaeva

Institute of History, Archaeology and Ethnography Dagestan Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences, Makhachkala (Russia)

MUSLIMS IN THE IMPERIAL PRACTICE OF ACCULTURATION OF THE CAUCASIAN FOREIGNERS: THE HISTORICAL EXPERIENCE OF DAGESTAN AT THE END OF XIX-BEGINNING. XX CENTURY (ON THE EXAMPLE OF THE EDUCATION SYSTEM)

Abstract: Modern realities regarding educational policy in the regions dictate the need to be guided by many nuances in Russia. The importance of education for non-Russians was also perceived as one of the most important components of the policy of the Russian Empire in the periphery, the main function of which was the nationalization of the peoples of the outskirts. Taking into account the fact that in pre-revolutionary Russia the “national school” was considered as a Russian national school, it is obvious that the presence of schools of other nations, for which Russian was not the mother language, could not take place. Based on this, the purpose of this article is to consider issues related to the policy of acculturation in the national periphery by introducing the state language — Russian in all spheres of life, including in the field of education. Dagestan was specifically chosen as a geographic area for the study, as a region of other cultures, where the vast majority of the population professed Islam, and the education system from time immemorial was an extensive network of Muslim religious schools. In the time we are studying, the latter became part of the so-called. “Muslim

question” in the context of the general development of the Caucasus region. The attempts made to implement the policy of the “school-religion” tandem, the essence of which was to direct the Gentiles to the Christian-Russian future by establishing foreign schools and parochial education, did not lead to positive results. The chronological framework of the work covers the end of the 19th — beginning of the 20th centuries. The choice of such temporary boundaries was caused by the peculiarities in the political development of Russia under the conditions of the post-reform imperial-liberal model and the building of new relationships with the Muslim part of the population of the outskirts. As a result, a direction was developed that combined the loyal and delicate attitude of the authorities, on the one hand, and the manifestation of caution regarding Islamic life in the region, on the other, which took place throughout the entire period studied by the authors of the article up to the revolution of 1917.

Keywords: Russia, Caucasus, Dagestan region, education, nation, religion, acculturation

For citation:

Khalidova O. B., Abdulaeva M. I. Muslims in the imperial practice of acculturation of the caucasian foreigners: the historical experience of Dagestan at the end of XIX — beginning. XX century (on the example of the education system). Nations and religions of Eurasia. 2022. T. 27, № 1. P. 173–188. DOI: 10.14258/nreur(2022)1–12.

Халидова Ольга Борисовна, кандидат исторических наук, сотрудник Института истории, археологии и этнографии ДФИЦ РАН, Махачкала (Россия).

Адрес для контактов: o.khalidova2011@mail.ru.

Абдулаева Мадина Изамутдиновна, кандидат исторических наук, сотрудник Института истории, археологии и этнографии ДФИЦ РАН, Махачкала (Россия).

Адрес для контактов: mady.62@mail.ru

Khalidova Olga Borisovna, Candidate of Historical Sciences, PhD, Institute of History, Archaeology and Ethnography Dagestan Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences, Makhachkala (Russia). **Contact address:** o.khalidova2011@mail.ru
ORCID: 0000–0002–3454–9427.

Abdulaeva Madina Izamutdinovna, Candidate of Historical Sciences, PhD, Institute of History, Archaeology and Ethnography Dagestan Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences, Makhachkala (Russia). **Contact address:** mady.62@mail.ru
ORCID: 0000–0003–0169–3848

Введение

Система взглядов и основных постулатов, объединивших исследователей как мирового, так и отечественного научного сообщества, занимающихся исследованиями имперского периода российской истории, позволила выработать концепцию «новой истории империи». Основу данного направления составляют исследования, целью которых является изучение путей взаимодействия имперской власти с регионами.

Важным шагом на сегодняшний день явилась потребность в переоценке и переосмыслении эпохи Российской империи второй половины XIX — начала XX в., когда проходило включение национальной инокультурной периферии в состав России [Миллер, 2010; Новая имперская история..., 2004], в том числе и мусульманского населения [Мусульмане в новой имперской истории, 2017].

Одним из стратегических вариантов, который использовался для реконструкции политики имперского центра в контроле за окраинными территориями, стал механизм аккультурации. Являясь не только определяющим вектором формирования и развития единого общероссийского культурного пространства, применяемый метод позволяет проследить процесс и результат взаимовлияния различных культур в связи с присоединением к России новых территорий, а также служит определителем степени влияния регионов на центр [Леденёва, 2011: 144].

Исходя из вышесказанного, актуальным в представленной статье нам видится решение проблемы в определении содержания и развития имперской политики в отношении инородцев Кавказа путем одного из ее механизмов — системы образования. В качестве объекта процесса аккультурации авторы рассматривают мусульманское население Дагестана как пример инокультурной социальной общности.

Методологической основой исследования является концепция аккультурации. При исследовании авторами использовался симбиоз методов исторического исследования: диахронно-сравнительного на микро- и макроуровнях, историко-генетического, нарративного.

Хронологические рамки исследования концентрируются на периоде рубежа XIX — начала XX в., что объясняется попытками монополизации русской образовательной системы и введением ограничительных мер в отношении этноконфессиональной школы, что, в свою очередь, вызывало недовольство национальных общностей. Указанные процессы усугубляли и без того растущую социальную напряженность в стране накануне революции 1905–1907 гг.

Теоретическую базу работы составили научные исследования по изучению специфики и механизмов аккультурации. В современном российском сообществе число ученых, рассматривающих имперские практики с позиций аккультурации в регионах, успешно растет [Любичанковский, 2018; Брежнева, 2018; Котов, 2019; Дашковский, Шершнева, 2022].

Несмотря на то, что освещением проблем системы дореволюционного образования мусульман Северного Кавказа, в том числе и Дагестана, занимались советские и занимаются российские ученые [Каймаразов, 2001; Блейх, 2017], попытки интерпретировать имперскую историю с применением методологии, в основе которой лежит принцип аккультурации, не имеет довольно широкого распространения, разве что в трудах молодых северокавказских ученых [Хачидогов, 2017].

Основными источниками для написания работы являются официальные документальные материалы, хранящиеся в фондах центральных и местных архивов Российской Федерации, мемуары, материалы периодической печати.

Идеи по аккультурации Кавказской окраины империи

Фактор «огромности», игравший ключевую роль в историческом развитии России [Демешек, 2018], превратил ее не только в многонациональный, но и поликонфессиональный конгломерат, своеобразие которого не всегда воспринималось адекватно в политическом отношении. Объединение под общим началом множества народов и включение территории их проживания в состав России привели к вопросам о путях существования окраин в составе империи, в том числе и народов Кавказа. Принципы решения «окраинного» вопроса нашли отражение в работах общественных деятелей, интеллигенции российского общества того времени [Алекторов, 1906; Кавелин, 1907; Штенберг, 1910; Сидоров, 1912]. Многие из них базировались на русской концепции, т.е. интеграции всех этносов, конфессий и сословных групп России в единую российскую (общерусскую) нацию. Уже ко второй половине XIX в. в Российской империи, по мнению М. Н. Каткова, должно было иметь место преобладание титульной национальности. Единными должны были стать законодательство, система управления и государственный язык. Сохранение языка, религии и культурной специфики иных «племен» было возможным, если это не угрожало целостности государства. Стремление к самостоятельности отдельных народов было первостепенной опасностью для России [Катков, 2009: 168].

Однако мнения по успешному осуществлению задуманного были биполярными. Одни полагали, что «русским человеком можно стать, если этого захотеть, приняв русское самосознание и культуру». Другие вкладывали в этот процесс генетический кровный принцип, полагая, что «русским человеком можно только родиться» [Толстенко, 2012: 131].

С другой стороны, приоритетным оставался и посыл о необходимости создать общую и целостную нацию путем единства веры и языка как духовной основы унитарной национальности [Рейснер, 1900: 14]. Это означало, что другим мерилом, особенно в первоначальный период и, пожалуй, самым главным в сближении окраин с русским народом являлся и религиозный компонент. Причем религиозная принадлежность служила не просто средством идентификации подданных, но и маркером политической лояльности. В случае империи залогом максимальной благонадежности являлась принадлежность к православной вере [Будилович, 1907: 31]. Однако о высокой степени христианской миссии в изучаемом нами регионе говорить не приходится. Это и отмечали в российском обществе того времени. Так, один из популяризаторов славянофильских идей А. С. Будилович отмечал, что в сближении окраин с русским народом большую роль играет фактор духовной близости. Например, на Кавказе благонаправленным в этом отношении отличались православные осетины, армяне, грузины. Гораздо большие затруднения встречались в этом отношении между лезгинами и другими горцами Дагестана, а равно между чеченцами, кабардинцами, черкесами на западе горного Предкавказья [Будилович, 1907: 31]. Конечно, в российской православной практике не последнюю роль играла и христианизация горского инородческого населения, что не только приветствовалось российской администрацией в крае, но и было продиктовано бытовыми установками в политике России на Кавказе. Однако изучение доступных для нас архивных источников, с помощью которых были выявлены единичные случаи обращения в христианскую веру, дает нам основание полагать, что про-

зелитизм в крае, в частности, в Дагестане в широком смысле, отсутствовал [Халидова, 2015: 85–86]. Имевшая место в крае организация церковно-приходского обучения характеризовалась епархиальными властями как очень успешное явление, в том числе в Петровской и Дербентской школах [Отчет..., 1896: 26]. Однако следует заметить, что в подобных школах представители мусульманского вероисповедания не обучались.

Гораздо позже правительство признало, что миссионерская христианская практика не способствует сближению инородцев с русской средой, а только усугубляет ситуацию в губерниях с преобладающим мусульманским населением [РГИА. Ф. 821. Оп. 133. Д. 576. Л. 334об.]. В этой связи все более актуальным в имперских практиках по аккумуляции «инородческого» населения становилось распространение русской культуры через просвещение. Первыми проводниками русской культуры были горские школы, организация и широкое распространение которых имели место после окончания Кавказской войны во время деятельности наместника А.И. Барятинского. Учитывая повышенную религиозность населения края, школы сочетали преподавание православного и магометанского вероучений. Преподаванию ислама уделялось особое внимание со стороны администрации края и инспекции, которые опасались того, что обратный процесс оттолкнет от школы учеников [Очерки истории..., 1976: 502].

Учебными планами горских школ предусматривалось изучение русского языка, всеобщей и русской географии. Учащиеся знакомились с административным уставом Российской империи [Хатаев, Кокаева, 2000: 42]. В программу горских школ с 1879 г. было введено преподавание арабского и французского языков. В Дагестанской области подобная горская школа была создана в 1849 г. в Дербенте, затем переведена в Темир-Хан-Шуру в 1855 г. Обучавшиеся здесь представители коренных народностей Дагестана имели возможность, помимо арабского, изучать и русский язык. В среднем ежегодно здесь получали образование следующие ученики: православные — 113 человек (58%), мусульмане — 46 (24%), исповедующие армяно-григорианскую веру — 25 (13%), лютеране — четыре человека (2%), католики — два человека (1%), иудеи — 4 человека (2%) [Данилюк, Зуева, 2008: 23].

Подобные практики имели место и в соседних регионах. Так, начальник Терской области писал о «сильном стремлении к образованию... в туземцах» [ЦГА РСО-А. Ф. 123. Оп. 1 Д. 158. Л. 58].

Однако не все горцы принимали полезность российского образования. И заслуга в подобном неприятии лежала зачастую на магометанском духовенстве. Попытки организовать аульные школы с русскими классами тех районах, где была распространена мусульманская вера и большая часть детей обучалась в конфессиональных школах — мектебах и медресе, не увенчались успехом [Очерки истории..., 1976: 503]. Причиной тому было засилье «власти шейхов и мулл» в обществе, сильно препятствовавшее процессу «приобщения народа к общему порядку государственной жизни, его просвещению и сближению с русскими интересами» [ЦГА РД. Ф. 2. Оп. 2. Д. 70. Л. 2].

Таким образом, построение курса путем симбиоза двух составляющих — «язык и вера» был репрезентативным для политики империи на ее периферии. При отсутствии языка и веры, в данном случае русского языка как официального языка центральной власти, и православия, не могло быть и речи в сближении инородцев с дер-

жавным народом, а тем более включение представителей национальных окраин в модернизационный процесс, набравший обороты ускоренными темпами. Поэтому в рассматриваемый период процесс генерализации языка и веры необходимо расценивать не как процесс ассимиляции и русификации, а как «огосударствление недержавных народов» [Кобахидзе, 2016: 179].

«Школа — религия» на периферии в контексте общественно-политических преобразований в Российской империи

Уже к началу 80-х гг. XIX в. бурное развитие капиталистических отношений, а также широко растущее общественно-политическое движение вынуждало самодержавие предпринимать меры по постепенной консервации в развитии образования нерусских народов, в том числе и препятствуя обучению на родных языках.

В российском обществе начала XX в. все чаще высказывались мысли и о ряде ошибок в управленческой деятельности в крае. Так, протекционистская политика российской администрации по отношению к туземному населению, выражавшаяся в привлечении последних на государственную службу, создание местного дворянства, тем самым оказывая им предпочтение перед русскими, а также предоставлении им существенных налоговых льгот по сравнению с населением «внутренних» губерний империи являлись результатом, корень которых таился в слабости «национального духа» [Катков, 1865: 5]. Многие подчиненные и начальники округов занимали позицию о ненужности горцу какого-либо образования, отсутствие которого предоставит возможность «легче справиться с ними, чем вооружив их знаниями» [Катков, 1865: 5]. За неуклонное проведение политики колонизации и обрусения в присоединенных мусульманских областях Кавказа, в том числе и Дагестана, ратовали многие публицисты того времени [Кузнецов, 2006: 178].

Среди причин назывался и личностный фактор, в частности, либерализм некоторых русских административных чиновников. Например, деятельность князя Воронцова на Кавказе. Более того, как замечает святитель Игнатий (Брянчанинов), епископ Кавказский и Черноморский: «Здесь всем известно религиозное направление князя Воронцова: он не останавливался публично оказывать особенное внимание и расположение к магометанскому духовенству, давая ему во многих случаях предпочтение пред духовенством православным» [Полное жизнеописание..., 2002: 270]. Либеральностью отличалась и деятельность последнего российского наместника И. И. Воронцова-Дашкова. С учетом времени, позиция последнего выражалась в недопущении управления Кавказом из центра, на основании общих формул, при этом игнорируя местные обычаи, насильно подгоняя их под общеимперские рамки [Кавказ и Российская империя..., 2005: 548–549, 583]. По мнению наместника, это могло бы спровоцировать революционный взрыв.

В итоге, доступность в получении образования в общеобразовательных «русских» учебных заведениях для кавказских народов сопровождалась окончательным подчинением национальных школ Министерству народного просвещения. Особые опасения вызывали мусульманские школы, которые в одном из своих отчетов генерал-губернатор Дагестанской области называл «самым сильным оружием», с помощью которого «му-

сульманское духовенство поддерживает и распространяет свое влияние на народ...», где закладываются «... семена религиозной нетерпимости, фанатизма, непримиримой вражды и ненависти к неверным...» [Отчет..., 1869: 71].

Отметим, что на Кавказе насчитывалось значительное количество мусульманских школ, большая часть которых приходилась на Дагестан. Дореволюционная статистика на начало XX в. показывает вариативность численности подобных школ, поэтому точное их количество выяснить очень сложно. Например, к 1892 г. в Дагестане количество мусульманских примечетских школ составляло 646, общее количество учащихся в них — 4306 человек [Обзор Дагестанской области, 1893: 62]. В соотношении с другими религиозными школами, представленными здесь, это было намного больше, например, в сравнении с церковно-приходскими. Известно две школы с 169 обучающимися [Обзор Дагестанской области, 1893: 62]. В 1899 г. количество мусульманских школ — 588 [Обзор Дагестанской области, 1900: 22]. В начале XX в. численность их возросла от 747 в 1907 г. до 860 в 1914 г. [Дагестан к 15-й годовщине Октября, 1932: 59]. Однако исследователи полагают, что местные власти были неспособны контролировать численность открываемых и закрываемых религиозных школ, так как школы при мечети (мадраса) могли открываться там, где появлялся тот или иной муалим (учитель). Также неожиданно они и закрывались связи с уходом учителя [Мамагомедов, 2018: 149].

Большие цифры при подсчете примечетских школ говорят о том, что здесь, в Дагестане, религиозное образование было превыше всего. Приоритетным считалось обучение арабскому языку и догматам ислама. Главная задача — это обучить чтению священной книги мусульман — Корану. Родной язык в подобных заведениях не был предусмотрен.

Содержание традиционных школ осуществлялось за счет общины и филантропов. Государство не принимало участия в их финансировании. Например, на Кавказе весьма оригинальной была аргументация против расхода бюджетных средств на мусульманское образование. Из-за отсутствия питейных сборов со стороны мусульман по причине неупотребления алкоголя, правительство полагало нецелесообразным расходовать средства, полученные с христиан, на приверженцев ислама [Дякин, 1998: 126]. Поэтому имели место попытки подвергнуть контролю деятельность мусульманских школ, подчинив их Кавказскому учебному округу с 1897 г.

На рубеже XIX — начала XX в. начинают предприниматься попытки модернизировать российское общество. Однако продолжал существовать комплекс проблем, среди которых были вопросы, связанные с национально-религиозным компонентом, в том числе и в образовательной практике.

Предложенный в условиях революционной обстановки законопроект министра народного просвещения П. фон Кауфмана «О введении всеобщего начального обучения», в котором подчеркивались усилия в развитии школы в Центральной России с целью «постепенно двигаться от центра к окраинам», распространялся на всю территорию страны, в том числе на Среднюю Азию и Северный Кавказ. Основным языком обучения становился русский язык. Закон также допускал открытие классов с изучением русского языка в конфессиональных школах, в том числе, медресе и мектебах [Правила

о начальных училищах..., 1906: 5]. Что касается Дагестана, то здесь еще в конце XIX в. в одном из номеров газеты «Кавказ» было свидетельство о полном отсутствии преподавания русского языка в мектебах и медресе, введение которого в некоторых местах было не просто трудным, но и невозможным [Кавказ, 1893: 1]. В русле симбиоза борьбы за прогресс и просвещение со стремлением оставаться со сложившимися веками религиозными традициями, в духовной жизни мусульман Дагестанской области получают развитие идеи модернизма — джадидизма [Шихалиев, 2017]. Наиболее прогрессивные люди того времени выступали с предложением реформирования примечетской школы. Один из ее сторонников — педагог А. О. Черняевский — полагал, что в основе модернизации мектебов должно стать применение не только новейших приемов преподавания и организация правильного курса обучения, а также улучшение гигиенических условий содержания в них. Он также предлагал ввести преподавание русского языка и арифметики [Каймазаров, 1989: 21].

Законопроект подвергся резкой критике, развернувшейся на заседаниях Государственной Думы со стороны представителей Кавказа, входивших в мусульманские фракции. По их мнению, именно состояние образования оставалось одной из острых проблем в регионе, непосредственно затрагивавших интересы и права национальностей. В частности, по мнению депутатов, в мусульманских учебных заведениях полностью игнорировалось обучение на родном языке и высказывались мысли о необходимости открытия для национальных групп отдельных школ с изучением родного языка [Кавказские депутаты..., 1912: 70–78]. Альтернативное предложение касательно проекта национального образования, выдвинутого лидерами мусульманской общественности, главной целью которого было сохранение старой системы конфессиональных школ [РГИА. Ф. 1278. Оп. 2. Д. 3550: 68], вызвало опасения у правительства, которым было организовано новое совещание по вопросам образования инородцев — мусульман [РГИА. Ф. 1278. Оп. 2. Д. 3550: 80]. Итогом стало принятие новых «Правил о начальных училищах для инородцев», допускавших использование как русской, так и арабской транскрипции языков, а также родного языка в первые два года обучения. Устанавливалась обязательная принадлежность учителя к тому же народу, что и его ученики, либо к русской национальности. Одновременно вводилось положение о контроле конфессиональных школ со стороны МНП, запрет на преподавание в них учителей-иностранцев, недопущение неподцензурной учебной литературы были сохранены [Фальборк, Чарнолуский, 1911: 80].

В Дагестане особому вниманию подвергалась деятельность мусульманского духовенства и педагогического персонала в школах мусульман на фоне распространяющегося панисламистского движения, что вынуждало российскую администрацию постоянно осуществлять контроль за настроением населения. В одном из предписаний начальника Бакинского губернского жандармского управления по розыску полковника С. Ф. Северитовского помощнику в Дагестанской области указывалось «напрячь все усилия к самому детальному освещению настроения населения вверенного Вам района во всех сферах общественной жизни...» [ЦГА РД. Ф. 66. Оп. 2. Д. 26: 1].

Продолжал иметь место и вопрос о распространении в среде мусульман пропагандистских идей турецкой агентуры на Кавказе. Призывы к населению не повиноваться

русским властям сочетали в себе и предоставление бесплатного образования «в высших мусульманских миссионерских школах Мекки и Медины» со стороны «единоверной Турции» [Котюкова, 2006: 205]. В результате на учебу в университет и педагогический институт Стамбула с целью подготовки учителей для школ в своих регионах ежегодно принималось на учебу по восемь студентов из Крыма, Дагестана, Казани и Кавказа [Абдулаева, 2018: 179].

Поначалу особо не препятствуя процессу обучения мусульман Дагестана за границей, русские власти со временем осознали всю пагубность подобного положения. Причиной подобного стремления считалось неудовлетворительное состояние специальных мусульманских школ в России и недостатки учебного дела в них [Кавказ и Российская империя..., 2005: 549].

Вообще, необходимо отметить, что процесс по аккультуративным имперским практикам на окраинах имел разнолокальную степень успешности. На Кавказе, в частности в Дагестане, эти процессы протекали сложнее и были сопряжены с высокой религиозностью населения и широким влиянием мусульманского духовенства на умы людей. Введение русского языка не только в образовательной, но и в другие сферы жизнедеятельности осуществлялось с осторожностью, так как опасались активных выступлений населения. Примером может служить принудительное введение русского языка в делопроизводство народов Дагестана, которое традиционно велось на арабском языке. Необходимость изменения подобной практики была продиктована незнанием российских чиновников арабской письменности, что мешало им контролировать деятельность сельских должностных лиц и мусульманского духовенства [ЦГА РД. Ф. 2. Оп. 1. Д. 216: 5]. Ответной реакцией стали активные выступления со стороны горцев, озлобленность которых также вызвало содержание русских писарей, которое полностью ложилось на плечи сельского, и без того полуголодного, населения [Далгат, 2017: 62]. Несмотря на то, что восстание было подавлено, позже при военном губернаторе Георгии Дадешкелиани (1914–1916 гг.) только в 77 из 168 сельских обществ Дагестана существовало русское делопроизводство [Лобанов, 2017: 74–75].

Заключение

Таким образом, огромный спектр проблем был сосредоточен на периферии Российской империи. Одной из них было повышение общей грамотности населения империи путем распространения светского образования среди инородцев. Признание в качестве обязательного языка в образовательном процессе русского должно было послужить объединяющим фактором для народов различных верований и культур. Исследование показывает, что государственная образовательная политика в русле аккультуративных практик в отношении инородцев имела не просто противоречивые, а зачастую двусторонние тенденции. Имперское правительство ставило цели по внедрению той или иной задачи, при которых субъект этой политики, в данном случае мусульманское население, в своем стремлении сохранить свой собственный образовательный потенциал вырабатывало способы адаптации к тем реформам и переменам, которые активно внедрялись имперской властью.

В Дагестане, где влияние мусульманского духовенства на население было значительным, администрация края изыскивала свои меры для уменьшения этого влияния. Попытки создания русских школ с преподаванием светских дисциплин и школ с ведением билингвального обучения в мусульманских школах, организация русских классов и арабского языка как альтернатива мусульманским, показала неспособность составить конкуренцию последним вплоть до 1920-х гг. Опасения вызывали и предположения о насильственной христианизации, подогреваемые представителями исламского мира и пантюркизмом.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Абдулаева М. И. Северный Кавказ в политике Турции в начале XX века // АСТА HISTORICA: труды по истории, археологии, этнографии и обществознанию. 2018. № 2. С. 175–180.

Алекторов А. Е. Иногородцы в России. Современные вопросы. СПб. : Тип. И. Леонтьева, 1906. 134 с.

Блейх Н. О. Исторические вехи становления и развития просветительства на Северном Кавказе в русле российской цивилизационной политики. Т. 2. М. : РУСАЙНС, 2017. 288 с.

Брежнева С. Н. Отражение идеи аккультурации в переселенческой политике Российской империи в Туркестане на рубеже XIX–XX вв. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2018. Т. 17, № 3. С. 608–638.

Будилович А. С. Может ли Россия отдать иногородцам свои окраины? СПб. : Типография А. С. Суворина, 1907. 75 с.

Дагестан к 15-й годовщине Октября. Махачкала, 1932.

Далгат Э. М. Дагестан накануне 1917 г. // Вестник Калмыцкого научного центра РАН. 2017. Т. 33. Вып. 5. С. 59–64.

Дамешек Л. М. Сибирские «иногородцы» в имперской стратегии власти (XVIII — начало XX в.). Иркутск : Оттиск, 2018. 456 с.

Данилюк М. Ю., Зуева О. Б. Православная система образования как фактор приобщения народов Дагестана к христианской культуре (вторая половина XIX — начало XX века) // Культурная жизнь Юга России. 2009. № 2 (31). С. 21–26.

Дашковский П. К., Шершнева Е. А. Политика аккультурации в отношении мусульманских общин Сибири во второй половине XIX — начале XX в. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2022. Т. 21. № 1. С. 42–52.

Дякин В. С. Национальный вопрос во внутренней политике царизма (XIX — нач. XX в.). СПб., 1998. 1000 с.

Кавелин К. Д. Наши иногородцы и иноверцы. М. : Правда, 1907. 14 с.

Катков М. Н. Идеология охранительства / сост., предисловие и комментарии Ю. В. Климаков; отв. ред. О. Платонов. М. : Институт русской цивилизации, 2009. 800 с.

Каймаразов Г. Ш. Просвещение в дореволюционном Дагестане. Махачкала : Дагучпедгиз, 1989. 157 с.

Кобахидзе Е. И. Центральный Кавказ в объединительной политике Российской империи второй половины XIX — начала XX в. Владикавказ : СОИГСИ ВНИЦ РАН, 2016. 258 с.

Котов А. В. Политика имперской аккультурации населения северных казахских степей (середина XVIII–XIX вв.): феномен Оренбургской киргизской школы // Самарский научный вестник. 2019. Т. 8, № 3 (28). С. 188–194.

Котюкова Т. В. Турецкая агентура в России накануне Первой мировой войны // Последняя война Российской империи: Россия, мир накануне, в ходе и после Первой мировой войны по документам российских и зарубежных архивов : материалы Международной науч. конференции. 7–8 сентября 2004 г. М. : Наука, 2006. 388 с.

Леденёва Н. В. Аккультурация как процесс межкультурного взаимодействия // Проблемы социально-экономического развития Сибири. 2011. № 1 (3). С. 144–151.

Любичанковский С. В. Политика аккультурации средствами просвещения исламских подданных Российской империи: исторический опыт Оренбургского края (середина XIX — начало XX вв.). Оренбург : Изд. Центр ОГАУ, 2018. 264 с.

Лобанов В. Б. Терек и Дагестан в огне Гражданской войны: религиозное, военно-политическое и идеологическое противостояние в 1917–1920-х годах. СПб. : Владимир Даль, 2017. 483 с.

Маламагомедов Д. М. Конфессиональные школы конца XIX — начала XX в. в городах Дагестанской области // Вопросы истории. 2018. № 7. С. 148–158.

Миллер А. И. Империя Романовых и национализм. Эссе по методологии исторического исследования. 2-е изд., испр. и доп. М. : Новое литературное обозрение, 2010. 316 с.

Мусульмане в новой имперской истории: сб. ст. / отв. ред. и сост. В. О. Бобровников, И. В. Герасимов, С. В. Глебов, А. П. Каплуновский, М. Б. Могильнер, А. М. Семёнов; Институт востоковедения РАН, Фонд исследований исламской культуры. М. : Садра, 2017. 424 с.

Новая имперская история постсоветского пространства : сб. статей / под ред. И. В. Герасимова, С. В. Глебова, А. П. Каплуновского, М. Б. Могильнер, А. М. Семенова. Казань : Центр исследований национализма и империи, 2004. 656 с. (Б-ка журнала «Ab Imperio»).

Обзор Дагестанской области за 1892 г. Темир-Хан-Шура, 1893. 55 с.

Отчет Владикавказского епархиального училищного совета о состоянии церковно-приходских школ и школ грамоты во Владикавказской епархии за 1894–1895-й учебный год // Владикавказские епархиальные ведомости. 1896. № 2. С. 25–34.

Российский Государственный исторический архив. Ф. 1278. Оп. 2. Д. 3550.

Российский Государственный исторический архив. Ф. 744. Оп. 1. Д. 242.

Рейснер М. А. Религиозная полиция и вероисповедное прикрепление личности // Вестник права: журнал Юридического общества при Императорском С.-Петербургском университете. 1900. № 8. С. 1–34.

Сидоров А. А. Инородческий вопрос и идея федерализма в России. М. : Тип. В. М. Саблина, 1912. 68 с.

Толстенко А. Н. Национальная империя Петра Струве и Михаила Меньшикова // Вопросы национализма. 2012. С. 130–139.

Халидова О. Б. Мусульманское население Кавказа в имперскую эпоху: к вопросу о религиозной политике России в крае // Вестник Дагестанского научного центра РАН. 2015. № 58. С. 84–87.

Хатаев Е. Е., Кокаева Ф. А. Просветители и педагоги Северного Кавказа (XIX в.). Владикавказ, 2000. 99 с.

Хачидогов Р. А. Просветительская политика Российской империи в рамках аккумуляции мусульманских народов Северокавказского края (XIX век) // Вопросы культурологии. 2017. № 5/6 (май-июнь). С. 45–50.

Фальборк Г. А., Чарнолуский В. И. Настольная книга по народному образованию: законы, распоряжения, правила, инструкции: Т. IV. СПб., 1911. 788 с.

Черняевский А. Мусульманское духовенство и народные школы // Кавказ. 1893. 12 сент. С. 1–2.

Шихалиев Ш. Ш. Мусульманское реформаторство в Дагестане (1900–1930 гг.) // Государство, религия, Церковь в России и за рубежом. 2017. Т. 35. № 3. С. 134–169.

Штернберг Л. Я. Инородцы. Общий обзор // Формы национального движения в современных государствах: Австро-Венгрия. Россия. Германия / под ред. А. И. Кастелянского. СПб. : Общественная польза, 1910. С. 529–574.

Центральный Государственный архив Республики Дагестан. Ф. 66. Оп. 2. Д. 26.

Центральный Государственный архив Республики Дагестан. Ф. 2. Оп. 2. Д. 70.

Центральный Государственный архив Республики Дагестан. Ф. 2. Оп. 1. Д. 216.

Центральный Государственный архив Республики Дагестан. Ф. 66. Оп. 2. Д. 26.

REFERENCES

Abdulaeva M. I. Severnyi Kavkaz v politike Turtsii v nachale XX veka [The North Caucasus in Turkish politics at the beginning of the 20th century]. *ACTA HISTORICA: trudy po istorii, arkheologii, etnografii i obshchestvoznaniyu* [ACTA HISTORICA: works on history, archeology, ethnography and social science]. 2018. No 2. S. 175–180 (in Russian).

Alektorov A. E. *Inorodtsy v Rossii. Sovremennye voprosy* [Foreigners in Russia. Contemporary issues]. Saint-Petersburg : Printing house of Leontyeva I., 1906. 134 s. (in Russian).

Bleikh N. O. *Istoricheskie vekhi stanovleniia i razvitiia prosvetitel'stva na Severnom Kavkaze v rusle rossiiskoi tsivilizatsionnoi politiki* [Historical milestones in the formation and development of enlightenment in the North Caucasus in line with the Russian civilizational policy]. Vol. 2. Moscow : RUSAINS, 2017. 288 s. (in Russian).

Brezhneva S. N. Otrazhenie idei akkul'turatsii v pereselencheskoi politike Rossiiskoi imperii v Turkestane na rubezhe XIX–XX vv. [Reflection of the idea of acculturation in the resettlement policy of the Russian Empire in Turkestan at the turn of the 19th–20th centuries]. *Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov. Seriia: Istoriiia Rossii* [Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: History of Russia]. 2018. Vol. 17. No 3. S. 608–638 (in Russian).

Budilovich A. S. *Mozhet li Rossiia otdat' inorodtsam svoi okrainy?* [Can Russia give its outskirts to foreigners?]. Saint-Petersburg : Printing house of A. S. Suvorin, 1907. 75 s. (in Russian).

Dameshek L. M. *Sibirskie "inorodtsy" v imperskoi strategii vlasti (XVIII — nachalo XX v.)* [Siberian "foreigners" in the imperial strategy of power (XVIII — early XX centuries)]. Irkutsk : Ottisk, 2018. 456 s. (in Russian).

Dalgat E. M. Dagestan nakanune 1917 g. [Dagestan on the Eve of 1917]. *Vestnik Kalmytskogo nauchnogo tsentra RAN* [Bulletin of the Kalmyk Scientific Center of the Russian Academy of Sciences]. 2017. Vol. 33. Issued. 5. S. 59–64 (in Russian).

Daniliuk M. Iu., Zueva O. B. Pravoslavnaia sistema obrazovaniia kak faktor priobshcheniia narodov Dagestana k khristianskoi kul'ture (vtoraia polovina XIX-nachalo XX veka) [The Orthodox education system as a factor in introducing the peoples of Dagestan to Christian culture (second half of the 19th — early 20th centuries)]. *Kul'turnaia zhizn' Iuga Rossii* [Cultural life of the South of Russia]. 2009. No 2 (31). S. 21–26 (in Russian).

Diakin V. S. *Natsional'nyi vopros vo vnutrennei politike tsarizma (XIX — nach.XX v.)* [The national question in the internal politics of tsarism (XIX — early XX centuries)]. Saint-Petersburg, 1998. 1000 s. (in Russian).

Dashkovskiy P. K., Shershneva E. A. Politika akkultursatsii v otnoshenii musulmanskikh obshchin Sibiri vo vtoroi polovine XIX nachale XX v [Acculturation Policies Targeting Siberia's Muslim Communities in the Second Half of the 19th and in the Early 20th Centuries]. *Vestnik Rossiiskogo universiteta družby narodov Seriia Istoriia Rossii* [RUDN Journal of Russian History]. 2022 T 21. No. 1. S 42–52.

Kavelin K. D. *Nashi inorodtsy i inovertsy* [Our foreigners and infidels]. Moscow : Pravda, 1907. 14 s. (in Russian).

Katkov M. N. *Ideologiya okhranitel'stva [Ideology of protection] / Compilation, preface and comments: Klimakov Yu. V.* Moscow : Institute of Russian Civilization, 2009. 800 s. (in Russian).

Kaimarazov G. Sh. *Prosveshchenie v dorevoliutsionnom Dagestane* [Enlightenment in pre-revolutionary Dagestan]. Makhachkala : Daguchpedgiz, 1989. 160 s. (in Russian).

Kobakhidze E. I. *Tsentral'nyi Kavkaz v ob'edinitel'noi politike Rossiiskoi imperii vtoroi poloviny XIX — nachala XX v.* [Central Caucasus in the unification policy of the Russian Empire in the second half of the 19th — early 20th centuries]. Vladikavkaz: North Ossetian Institute for Humanitarian Research, Vladikavkaz Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, 2016. 258 s. (in Russian).

Kotov A. V. Politika imperskoi akkul'turatsii naseleniia severnykh kazakhskikh stepei (seredina XVIII–XIX vv.): fenomen Orenburgskoi kirgizskoi shkoly [The policy of imperial acculturation of the population of the northern Kazakh steppes (mid-18th-19th centuries): the phenomenon of the Orenburg Kyrgyz school]. *Samarskii nauchnyi vestnik* [Samara Scientific Bulletin]. 2019. Vol. 8. No 3 (28). S. 188–194 (in Russian).

Kotiukova T. V. Turetskaia agentura v Rossii nakanune Pervoi mirovoi voiny [Turkish agents in Russia on the eve of the First World War // The Last War of the Russian Empire]. *Posledniaia voina Rossiiskoi imperii: Rossiia, mir nakanune, v khode i posle pervoi Mirovoi voiny po dokumentam rossiiskikh i zarubezhnykh arkhivov: Mat-ly Mezhdunar. nauch. konferentsii 7–8 sentiabria 2004 g.* [The Last War of the Russian Empire: Russia, the world on the eve, during and after the first world war on documents of russian and foreign archives: Materials of the Intern. scientific. conferences on September 7–8, 2004]. Moscow: Nauka, 2006. 388 s. (in Russian).

Ledeneva N. V. Akkul'turatsiia kak protsess mezhkul'turnogo vzaimodeistviia [Acculturation as a process of intercultural interaction]. *Problemy sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiia*

Sibiri [Problems of social and economic development of Siberia]. 2011. No 1 (3). S. 144–151 (in Russian).

Liubichankovskii S. V. Politika akkul'turatsii sredstvami prosveshcheniia islamskikh poddannyykh Rossiiskoi imperii: istoricheskii opyt Orenburgskogo kraia (seredina XIX — nachalo XX) [The policy of acculturation by means of enlightening Islamic subjects of the Russian Empire: the historical experience of the Orenburg region (middle of 19th — early 20th centuries)]. Orenburg: Publishing Center of OGAU, 2018. 264 s. (in Russian).

Lobanov V. B. Terek i Dagestan v ognе Grazhdanskoi voyny: religioznoe, voenno-politicheskoe i ideologicheskoe protivostoianie v 1917–1920-kh godakh [Terek and Dagestan in the fire of the Civil War: religious, military-political and ideological confrontation in the 1917–1920th]. Saint-Petersburg: Vladimir Dal', 2017. 483 s. (in Russian).

Malamagomedov D. M. Konfessional'nye shkoly kontsa XIX — nachala XX v. V gorodakh Dagestanskoi oblasti [Confessional schools of the late 19th early 20th century in the cities of the Dagestan region]. Voprosy istorii [Issues of history]. 2018. No 7. S. 148–158 (in Russian).

Miller A. I. Imperiia Romanovykh i natsionalizm. Esse po metodologii istoricheskogo issledovaniia [The Romanov Empire and Nationalism. Essays on Historical Research Methodology]. Moscow : New literary review, 2010. 316 s. (in Russian).

Musul'mane v novoi imperskoi istorii [Muslims in the new imperial history]. Contributing editor and compilers by V. O. Bobrovnikov, I. V. Gerasimov, S. V. Glebov, A. P. Kaplunovskii, M. B. Mogil'ner, A. M. Semenov. Institute of Oriental Studies RAS, Islamic Culture Research Foundation. Moscow : Sadra, 2017. 424 s. (in Russian).

Novaia imperskaia istoriia postsovetskogo prostranstva [New imperial history of the post-Soviet space]. Ed. by I. V. Gerasimov, S. V. Glebov, A. P. Kaplunovsky, M. B. Mogil'ner, A. M. Semenov. Kazan : Center for Research on Nationalism and Empire, 2004. 656 s. (in Russian).

Obzor Dagestanskoi oblasti za 1892 g. [Review of the Dagestan region for 1892] Temir-Khan-Shura, 1893. 55 s. (in Russian).

Otchet Vladikavkazskogo Eparkhial'nogo Uchilishchnogo Soveta o sostoianii tserkovno-prihodskikh shkol i shkol gramoty vo Vladikavkazskoi eparkhii za 1894–1895-i uchebnyi god [Report of the Vladikavkaz Diocesan School Council on the state of parochial schools and literacy schools in the Vladikavkaz diocese for the 1894–1895 academic year]. *Vladikavkazskie eparkhial'nye vedomosti* [Vladikavkaz diocesan statements]. Vladikavkaz, 1896. No 2. S. 25–34 (in Russian).

Rossiiskii Gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv (RGIA) [Russian State Historical Archives]. Fund. 1278. Inventory. 2. File. 3550. L. 68 (in Russian).

Rossiiskii Gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv (RGIA) [Russian State Historical Archives]. Fund. 744. Inventory. 1. File. 242. L. 80 (in Russian).

Reisner M. A. Religioznaia politsiia i veroispovednoe prikreplenie lichnosti [Religious police and religious attachment of personality]. *Vestnik prava: zhurnal Iuridicheskogo obshchestva pri Imperatorskom S.-Peterburgskom universitete* [Bulletin of Law: Journal of the Legal Society at the Imperial St. Petersburg University]. S.-Peterburg, 1871–1906. No8. 1900. S. 1–34 (in Russian).

Sidorov A. A. *Inorodcheskii vopros i ideia federalizma v Rossii* [The foreign question and the idea of federalism in Russia]. Moscow : Printed by V. M. Sablina, 1912. 68 s. (in Russian).

Tolstenko A. N. Natsional'naia imperiia Petra Struve i Mikhaila Men'shikova [National empire of Peter Struve and Mikhail Menshikov]. *Voprosy natsionalizma* [Questions of nationalism]. 2012. S. 130–139 (in Russian).

Khalidova O. B. Musul'manskoe naselenie Kavkaza v imperskuui epokhu: k voprosu o religioznoi politike Rossii v krae [The Muslim population of the Caucasus in the imperial era: on the issue of Russia's religious policy in the region]. *Vestnik Dagestanskogo nauchnogo tsentra RAN* [Bulletin of the Dagestan Scientific Center of the Russian Academy of Sciences]. 2015. No 58. S. 84–87 (in Russian).

Khataev E. E., Kokaeva F. A. *Prosvetiteli i pedagogi Severnogo Kavkaza (XIX v.)* [Enlighteners and educators of the North Caucasus (XIX century)]. Vladikavkaz: Publishing house of the North Ossetian state university, 2000. 99 s. (in Russian).

Khachidogov R. A. *Prosvetitel'skaia politika Rossiiskoi imperii v ramkakh akkul'turatsii musul'manskikh narodov Severokavkazskogo kraia (XIX vek)* [Educational policy of the Russian Empire in the framework of the acculturation of the Muslim peoples of the North Caucasian region (XIX century)]. *Voprosy kul'turologii* [Cultural issues]. 2017. No 5/6 (may-june). S. 45–50 (in Russian).

Fal'bork G. A., Charnoluskii V. I. *Nastol'naia kniga po narodnomu obrazovaniuu: zakony, rasporiazheniia, pravila, instruktsii* [Handbook on public education: laws, orders, rules, instructions]. Vol. IV. Saint-Petersburg, 1911. 788 s. (in Russian).

Cherniaevskii A. Musul'manskoe dukhovenstvo i narodnye shkoly [Muslim clergy and folk schools]. Kavkaz [Caucasus]. September, 12. 1893. S. 1–2 (in Russian).

Shikhaliev Sh. Sh. Musul'manskoe reformatorstvo v Dagestane (1900–1930) [Muslim Reformation in Dagestan (1900–1930)]. *Gosudarstvo, religii, Tserkov' v Rossii i za rubezhom* [State, Religion, Church in Russia and Abroad]. 2017. Vol. 35. No 3. S. 134–169 (in Russian).

Shternberg L. Ia. Inorodtsy. Obshchii obzor [Foreigners. General review]. *Formy natsional'nogo dvizheniia v sovremennykh gosudarstvakh: Avstro-Vengriia. Rossiia. Germaniia* [Forms of National Movement in Modern States: Austria-Hungary. Russia. Germany]. Ed. by Kasteliansky. Saint-Peterburg: Publishing House of the Public Benefit Partnership, 1910. S. 529–574 (in Russian).

Tsentrāl'nyi Gosudarstvennyi arkhiv Respubliki Dagestan [Central State Archives of the Republic of Dagestan]. Fund. 66. Inventory. 2. File. 26 (in Russian).

Tsentrāl'nyi Gosudarstvennyi arkhiv Respubliki Dagestan [Central State Archives of the Republic of Dagestan]. Fund. 2. Inventory. 2. File. 70. (in Russian).

Tsentrāl'nyi Gosudarstvennyi arkhiv Respubliki Dagestan [Central State Archives of the Republic of Dagestan]. Fund. 2. Inventory. 1. File. 21b (in Russian).

Tsentrāl'nyi Gosudarstvennyi arkhiv Respubliki Dagestan [Central State Archives of the Republic of Dagestan]. Fund. 66. Inventory. 2. File. 26 (in Russian).

Статья поступила в редакцию: 20.10.2021

Принята к публикации 28.12.2021

Дата публикации 25.03.2022

ДЛЯ АВТОРОВ

ЖУРНАЛ «НАРОДЫ И РЕЛИГИИ ЕВРАЗИИ»

Учредителем журнала является кафедра регионоведения России, национальных и государственно-конфессиональных отношений Алтайского государственного университета. Издается с 2007 г. как сборник научных статей, а с 2016 г. как научный журнал «Мировоззрение населения южной Сибири и центральной Азии в исторической ретроспективе». С 2017 г. журнал называется «Народы и религии Евразии».

Журнал включен в «Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертации на соискание ученой степени доктора и кандидата наук» Высшей аттестационной комиссии Министерства высшего образования и науки РФ.

Журнал утвержден Научно-техническим советом Алтайского государственного университета и зарегистрирован Комитетом РФ по печати. Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-78911 от 07.08.2020.

Периодичность издания: 4 выпуска в год. Журнал издается в печатном и электронном виде.

Сайт журнала: <http://journal.asu.ru/wv>

К рассмотрению принимаются только новые, ранее нигде не опубликованные материалы. Все работы, поступившие в редколлегию, проходят обязательно рецензирование и проверку на плагиат.

Журнал «Народы и религии Евразии» индексируется в агрегаторах и базах библиографической информации:

- ERIH PLUS
- EBSCO
- E-Library.ru
- CyberLeninka
- OAIsters
- ROAR
- ROARMAP
- OpenAIRE
- BASE
- ResearchBIB
- Socionet
- Scholarsteer
- World Catalogue of Scientific Journals
- Scilit
- Journals for Free
- Journal TOC
- OAIster
- OCLC-WolrdCat

- Socolar
- JURN
- JournalGuid

ТЕМАТИЧЕСКИЕ РУБРИКИ:

- Археология и этнокультурная история
- Этнология и национальная политика
- Религиоведение и государственно-конфессиональные отношения
- Рецензии на книги;
- Информация о конференциях;
- Персоналии;

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ СТАТЕЙ

Статьи принимаются на русском и английском языках. Для публикации статьи в журнале необходимо ее прислать в электронном варианте, а также указать сведения об авторе (фамилия, имя, отчество, место работы, должность, ученая степень, ученое звание, почтовый адрес, телефон, e-mail). Статья может включать текст до 40 тыс. знаков с пробелами (14 кегль, одинарный интервал, в формате Word: поля: верхнее — 2 см, нижнее — 2 см, левое — 2 см, правое — 2 см) и иллюстрации. Стандартный объем статьи — 0,5 авт. л. (20 тыс. знаков). Рисунки (фотографии) предоставлять отдельными файлами. К статье обязательно прикладывается полный список использованных работ.

Статья должна содержать ключевые слова (до 15 слов) и аннотацию на русском и английском языках (не менее 1000 знаков без пробелов). Статья должна делиться на тематические блоки. Примерная структура статьи: введение, тематические блоки (от 1 до 5 блока), заключение.

ОБРАЗЕЦ ОФОРМЛЕНИЯ СТАТЬИ И БИБЛИОГРАФИЧЕСКОГО СПИСКА

Фамилия, имя, отчество автора на русском языке
Название статьи на русском языке
Аннотация (на русском языке не менее 1000 знаков)
Ключевые слова (на русском языке до 15 слов)
Фамилия, имя, отчество автора на английском языке
Название статьи на английском языке
Аннотация (на английском языке не менее 1000 знаков)
Ключевые слова (на английском языке до 15 слов)

ПРИМЕР ОФОРМЛЕНИЯ СТАТЬИ

УДК 903.2

DOI: 10.14258/nneur(2022)1–0

И. И. Иванов

Институт востоковедения РАН, Москва (Россия)

ЧЕЛОВЕК И ПРИРОДА В ТРАДИЦИОННЫХ ВОЗЗРЕНИЯХ ТЮРКО-МОНГОЛЬСКИХ НАРОДОВ ЮЖНОЙ СИБИРИ

Целью статьи является изучение восприятия природы в традиционном мировоззрении тюркских и монгольских народов Южной Сибири. Хронологические рамки работы охватывают конец XIX — середину XX веков. Выбор таких временных границ вызван, прежде всего, состоянием базы источников по теме исследования. Основными источниками выступают исторические и этнографические материалы. Работа основывается на комплексном, системно-историческом подходе к изучению прошлого. Методика исследования опирается на историко-этнографические методы — научного описания, конкретно-исторического и реликта.

Коренные жители Южной Сибири в процессе длительного взаимодействия с окружающей средой и в результате адаптации к ней сформировали наиболее приспособленную к данным природным условиям культуру. Значительное место в ней отводится традициям, связанными с экологическими воззрениями и нормами. Основу экологического сознания народов этого региона составляла идея неразрывной связи человека со средой обитания — родиной, т. е., с тем местом, где он родился, жил и умирал. По сути, оно являлось тем пространством, в котором осуществлялась вся жизнедеятельность человека. В мышлении верующих природа воспринималась в качестве живого и чувствующего существа, что нашло отражение и в соответствующем практическом отношении к ней. В традиционном мировосприятии человек не выделен из природы. Отсутствует жесткая граница между ним и окружающим миром, который в мифологическом сознании как уже отмечалось, имел частичное или полное отождествление человеку.

Ключевые слова: тюркские и монгольские народы, Южная Сибирь, хакасы, культура, традиция, человек, природа, экологические воззрения.

Цитирование статьи:

Иванов И. И. Человек и природа в традиционных воззрениях тюрко-монгольских народов Южной Сибири // Народы и религии Евразии. 2022. Т. 27, № 1. С.

Иванов Иван Иванович, доктор исторических наук, профессор, ведущий научный сотрудник сектора религии Востока Института востоковедения РАН, Москва (Россия). Адрес для контактов: i.ivanov@mail.ru

I. I. Ivanov

*Institute of archaeology and ethnography Siberian branch Russian academy
of sciences, Novosibirsk (Russia)*

MAN AND NATURE IN TRADITIONAL VIEWS OF TYURCO-MONGOLIAN PEOPLES OF SOUTH SIBERIA

The aim of the work is to study the perception of nature in the traditional worldview of the Turkic and Mongolian peoples of Southern Siberia.

The chronological scope of work covers the end of the XIX — mid XX centuries. Selection temporal boundaries caused primarily by the status of the database sources on the research topic. The main sources are archival and ethnographic materials. The work based on comprehensive, system-historical approach to the study of the past. The research methodology based on historical and ethnographic methods — scientific description, the specific historical and relic.

The indigenous inhabitants of Southern Siberia, in the process of prolonged interaction with the environment and result of adaptation to it, formed the culture most adapted to the given natural conditions. A significant place in it given to traditions associated with environmental views and norms. The basis of the ecological consciousness of the peoples of this region was the idea of an inseparable connection between man and his environment, the homeland, that is, with the place where he was born, lived and died. In fact, it was the space in which the entire life activity of man. In the thinking of believers, nature perceived as a living and sentient being, which reflected in the corresponding practical relation to it. In the traditional worldview, man is not isolated from nature. There is no rigid boundary between it and the surrounding world, which, as already noted, in the mythological consciousness, had a partial or complete identification with man.

Key words: Turkic and Mongolian peoples, Southern Siberia, Khakas, culture, tradition, man, nature, ecological views.

For citation:

Ivanov I. I. Man and nature in traditional views of tyurco-mongolian peoples of South Siberia. *Nations and religions of Eurasia*. 2022. T. 27, № 1. P.

Ivanov Ivan Ivanovich, doctor of historical Sciences, Professor, leading researcher of the sector of religion of the East of the Institute of Oriental studies of RAS, Moscow (Russia). Contact address: i. i.ivanov@mail.ru

Введение

Текст статьи на русском языке: Текст

Тематические разделы (от 1 до 5)

Текст Текст

Заключение.

Текст Текст Текст Текст Текст Текст Текст Текст Текст Текст Текст Текст Текст Текст

Благодарности

Работа выполнена в рамках Программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Адаптация народов и культур к изменениям природной среды, социальным и техногенным трансформациям» (проект № 07–01–00842а)

Библиографический список

Библиографические ссылки приводятся в тексте в квадратных скобках: фамилия (фамилии), инициалы автора, год публикации, страница (страницы). Например: [Иванов, 1962: 62] или [Иванов, Петров, 1997: 39–45]. Указываются все авторы независимо от их количества. При совпадении фамилий авторов и года издания в ссылке и списке литературы год издания дополняется буквенным обозначением. Например: [Иванов, 1997а: 49; Иванов, 1997б: 14]. В библиографическом списке сначала указываются публикации на русском языке, после них — публикации на других европейских языках, далее следуют публикации на восточных языках. После библиографического списка размещается References. Последовательность источников в References такая же, как в списке литературы.

Образец оформления литературы:

1. Монография:

Леви-Стросс К. Структурная антропология. М. : Наука, 1983. 432 с.

2. Статья в сборнике:

Кузьмина Е. Е. Конь в религии и искусстве саков и скифов // Скифы и сарматы. М. : Наука, 1977. С. 96–119.

3. Статья в журнале

Дашковский П. К., Дворянчикова Н. С. Положение христианских общин в Алтайском крае в середине 1960-х-середине 1970-х гг. // Религиоведение. 2016. № 1. С. 75–83.

4. Автореферат:

Соловьев А. И. Погребальные памятники населения Обь-Иртышья в Средневековье (обряд, миф, социум) : дис. ... д-ра ист. наук. Новосибирск, 2006. 250 с.

5. Архивные материалы:

Государственный архив Алтайского края. Ф. Р. 1692. Оп. 1. Д. 76.

6. Интернет-ресурс:

История буддизма в Монголии // Ньяме Шераб Гьялцен. URL: <http://bonshenchenling.org/lineage/nyame-sherab-gyalcen.html/> (дата обращения: 19.10.2016).

7. Издания на иностранном языке:

Dibble H. L., Pelcin A. The effect of hammer mass and velocity on flake mass // Journal of Archaeological Science. 1995. Vol. 22. P. 429–439 (in English).

8. Материалы конференций:

Нестерова Т. П. Религиозный аспект немецкой политики в 1930-е гг. // Религия и политика в XX веке : материалы второго Коллоквиума российских и итальянских историков. М., 2005. С. 17–29.

References

Список “References” (латинизированный список) содержит все публикации списка «Научная литература», но в латинизированной форме и расположенные по англ. алфавиту. Все сведения о публикациях на кириллице из списка литературы должны быть транслитерированы на латинице и переведены на английский язык. Транслитерация осуществляется: а — a, б — b, в — v, г — g, д — d, е — e, ё — yo, ж — zh, з — z, и — i, й — i, к — k, л — l, м — m, н — n, о — o, п — p, р — r, с — s, т — t, у — u, ф — f, х — kh, ц — ts, ч — ch, ш — sh, щ — shch, ь — «», ы — y, ь — «, э — e, ю — yu, я — ya. Данный список необходим для того, чтобы Ваши публикации правильно индексировались в зарубежных научных базах данных (Scopus и Web of Science).

Кроме того, обратите внимание, что вместе с транслитерацией дается перевод работы на английский язык.

Инструкции для формирования References (латинизированный список)

1) Воспользуйтесь автоматическим транслитератором на сайте «Convert Cyrillic»:

www.convertcyrillic.com/Convert.aspx. В левом столбике (CONVERT FROM) выберите тот вариант, напротив которого Вы видите правильно отображенную фразу «Русский язык» — скорее всего, это будет: **Unicode [Русский язык]**. В правом столбике (CONVERT TO) выберите второй вариант: **ALA-LC (Library of Congress) Romanization without Diacritics [Russkii iazyk]**. Скопируйте весь список «Научной литературы» из Вашей статьи в окно левого столбика. Нажмите кнопку **Convert** посередине. В правом окне Вы получите транслитерированный текст. Скопируйте его из окна в файл с Вашей статьей.

2) Примеры оформления литературы и архивных материалов:

1. Монография:

Okladnikov A. P. *Liki Drevnego Amura* [Faces of the Ancient Amur]. Novosibirsk: Zapadno-Sibirskoye knizhnoye Publ., 1968, 240 p. (in Russian).

2. Статья в журнале:

Chirkov N. V. Etnos, natsiia, diaspora [Etnos, nation, diaspor]. *Religiovedenie* [Study of Religions]. 2013, no. 4, pp. 41–47 (in Russian).

3. Переводное издание:

Brooking A., Jones P., Cox F. *Expert Systems. Principles and Case Studies*. Chapman and Hall, 1984, 231 p. (Russ. ed.: Brooking A., Jones P., Cox F. *Ekspertnye sistemy. Printsipy raboty i primery*. Moscow: Radio i sviaz' Publ., 1987, 224 p.).

4. Интернет-ресурс:

Tsentr izucheniya tibetskoy traditsii Yundrung bon [Centre for Studying the Tibetan Tradition of Yundrung Bon]. Available at: <http://bonshenchenling.org/lineage/nyame-sherabgyalcen.html/> (accessed August 4, 2013) (in Russian).

5. Диссертация или автореферат:

Ermolina Yu. V. *Magiya kak kul'turno-religiozny fenomen. Diss. kand. fil. nauk* [Magic as Cultural and Religious Phenomenon. Ph.D. Thesis in Philosophy]. Oryol: OSU Publ., 2009, 155 p. (in Russian).

6. Материалы конференций:

Nesterova T. P. *Religiya i politika v 20 veke. Materialy vtorogo Kollokviuma rossiyskikh I ital'yanskikh istorikov* [Religion and Politics in the 20th century. Proc. of the Second Symposium of Russian and Italian Historians]. Moscow, 2005, pp. 17–29 (in Russian.).

7. Архивные материалы:

Gosudarstvennyi arkhiv Altaiskogo kraya [State archive of the Altai Krai]. Fund 1. Inventory 1. File 664, fol. 33 (in Russian).

8. Иностранный источник (не на английском языке):

Horyna B. Introduction to the Study of Religion [Úvod do religionistiky]. Praha: Oikomene, 1994, 131 p. (in Czech).

Li Fengmao. *Wonderland and Travel: The Imagination of the Immortal World*. Beijing: Zhonghua shuju, 2010, 468 p. (in Chinese).

Оформление иллюстраций

Иллюстрации (рисунки, фотографии, графики, диаграммы) в текст Word не внедряются и прилагаются в виде отдельных файлов в формате JPG или TIFF. Они должны быть отсканированными при разрешении не менее 300 dpi. Размер изображений не должен превышать 190 x 270 мм. Предметы в поле рисунка должны быть расположены компактно, без неоправданно больших по размеру незаполненных мест. Каждый отдельный предмет (изображение) на каждом рисунке должен иметь порядковый номер. Этот номер, как и нивелировочные отметки, надписи, линии сечений, рамки, границы раскопов и т. п. должны быть выполнены не вручную, а машинописным образом. Все цифры и надписи на рисунках выполняются шрифтом Arial, не жирным, в размере, соответствующем масштабу рисунка. Номера для предметов следует располагать по их порядку слева-направо и сверху-вниз. Каждая первая ссылка в тексте статьи на рисунок и на предмет обязательно должны начинаться с номера 1, последующие 2, 3 и далее. Вторая и последующие ссылки на рисунок или предмет выполняются свободно. Следует стремиться к тому, чтобы большая часть пояснений с площади самой иллюстрации была убрана в подрисуночные подписи. Подписи к рисункам предоставляются на русском и английском языках.

Статьи следует высылать по адресу:

656049, г. Барнаул, ул. Димитрова, 66, Алтайский государственный университет, кафедра регионоведения России, национальных и государственно-конфессиональных отношений, *Дашковскому Петру Константиновичу*.

Электронная почта: dashkovskiy@fpn.asu.ru (с пометкой журнал «Народы и религии Евразии»).

Контактный телефон: (3852) 296-629

Сайт журнала: <http://journal.asu.ru/index.php/wv>

Научное издание

НАРОДЫ И РЕЛИГИИ ЕВРАЗИИ

2022. Том 27, № 1

Редактор Л. И. Базина

Подготовка оригинал-макета О. В. Майер

Дизайн обложки: П. К. Дашковский, Ю. В. Плетнева

Журнал распространяется по подписке через каталог АО «Почта России».
Подписной индекс ПР446. Цена свободная.

Издательская лицензия ЛР 020261 от 14.01.1997.

Подписано в печать 17.03.2022.

Выход в свет 25.03.2022.

Формат 70х100/16. Бумага офсетная.

Усл.-печ. л. 15,8. Тираж 300 экз. Заказ 100.

Издательство Алтайского государственного университета
Адрес издателя: 656049, Алтайский край, г. Барнаул, пр. Ленина, 61

Типография Алтайского государственного университета
656049, Алтайский край, г. Барнаул, ул. Димитрова, 66